

love_sf

Марина
Ефиминюк

Выйти замуж за злодея

Найти respectableного супруга? Для нимфы Лаэрли Астор – это вопрос жизни и смерти!
И не беда, если на пути к замужеству появится обаятельный злодей с непристойным предложением. Ему нужна любовница и никаких обязательств! Какое занятное заблуждение...

ru

Марина
Ефиминюк

FictionBook Editor Release 2.6.6
28.6.2019
4c8872f9-6d5b-4f6c-8f2b-3628ea6a1a2e
1.0

Марина Ефиминюк
Выйти замуж за злодея

Пролог

Соверен Гард, глава одной из семей-основателей Города десяти островов, крайне любил красивых женщин со сдержанными манерами, но с огненным темпераментом в постели. Однако благородные манеры и горячий нрав в одной женщине уживались удручающе редко, и к маленьким слабостям любовниц еще в юности он приучил себя относиться со снисхождением. Например, к желанию ярко продемонстрировать в дорогом доме мод, кто в этом самом доме хозяйка.

Спокойно прихлебывая кофе, Эмма битый час гоняла длинноногих бесцветных манекенщиц по залу показов — туда-сюда — сплошная суeta и мельтешение. Соверен по большому счету плевать хотел, как любовница развлекалась, только невольно возникала парочка не деликатных вопросов: сколько в нее может поместиться кофе, и когда коварный напиток попросит ее

покинуть зал показа? Мужчине оставалось ждать неизбежной развязки и, устроившись в глубоком кресле, просматривать бумаги по гостевому дому на острове Анадари.

— Как тебе это платье? — спросила у него Эмма особенным мягким голосом, мгновенно утратившим пронзительно-стервозные интонации.

Соверен машинально поднял взгляд от документов. В нескольких шагах от него изображала неподвижный манекен темноволосая девушка. И, боги, как же она была хороша собой! Абсолютно вся, от кончиков туфель, выглядывающих из-под чего-то длинного, до темноволосой макушки, девушка, в жилах которой текла презренная кровь лесных нимф, созданий оглушительно красивых, непередаваемо расчетливых и умеющих виртуозно приспосабливаться к жизни, отвечала его вкусу. Ее хотелось созерцать, пробовать и трогать. Последнее особенно.

С наигранно безразличным видом он опустил глаза к бумагам и тихо произнес:

— На тебе оно смотрелось бы лучше.

— Подлец, — довольно фыркнула Эмма и приказала хозяйке дома мод, ожидавшей приказа точно девчонка на побегушках:

— Покажите что-то другое!

Он слушал, как легко стучали по паркету высокие каблуки, когда нимфа выходила в соседнее помещение, но не потрудился бросить вслед даже короткого взгляда. Пустая трата времени. Через месяц она все равно проснется в его постели. Он потерпит. Важное умение ждать Соверен Гард тоже воспитал в себе с юности.

Глава 1

Самое непристойное из предложений

«Я соблазню ее. Очень быстро». Соверен Гард

«Требуется приличный муж! Срочно!» Лаэрли Астор

Мне срочно нужен муж! Вот прямо сейчас. Вообще до конца месяца, но лучше немедленно. Готовенький и исключительно порядочный.

Эта удивительная в простоте мысль пришла ко мне, пока я, втягивая живот, втискивалась в узкое платье на размер меньше нужного, а белошвейка Мика, упрямо застегивая крючки на спине, бормотала:

— Главное, не дыши, Лаэрли! И не делай резких движений. Глубоко вздохнешь, и они отлетят.

Я оказалась настолько захвачена идеей о замужестве, что была готова нестись под венец в этом самом неудобном платье. Осталось только откуда-то супруга выкопать. Хотя выкопать — это к некромантам. Я же просто найду. Живого, дышащего и желательно знахаря из какой-нибудь крупной лечебницы.

Иначе маленькую Хэйзер, живущую в приюте «Солнечный ветер», отдадут в приемную семью на острове Эльба. Но разве с чужими людьми девочке будет лучше, чем с родной теткой? На прошлой неделе мне исполнился двадцать один год, и теперь я имею законное право воспитывать Хэйзер! Жаль, что этого права не признавала наставница приюта. Словно наяву я слышала неприятный скрипучий голос: «Вы молоды, Лаэрли, живете на центральном острове

Города, работаете в доме мод. Не замужем». Если «легкомысленная финтифлюшка» появится перед старой каргой под руку с респектабельным супругом, то крыть будет нечем.

У меня даже дом на берегу речки имеется. Вокруг тишина, покой, свежий воздух — райские кущи для шестилетнего ребенка. Это вам не остров Эльба, где, куда ни плюнь, обязательно попадешь на ботинок богатея. К слову, надо бы проверить, не смыло ли особнячок, построенный еще дедом, в ту самую реку весенним паводком.

— Все! — вздохнула белошвейка. — Втиснулись!

Я бросила взгляд в зеркало. Алое платье выпячивало грудь, неприлично обтягивало бедра, а из глубокого разреза выглядывала голая нога. Пожалуй, рано я решила нестись галопом к алтарю в этом наряде. На улице меня загребут за разврат.

Самое неприятное, что цвет глаз, как и положено глазам порядочной нимфы, немедленно поменялся в тон наряда. Красными, конечно, радужки не стали, но отчетливо фиолетовым отдавать начали. Что за проклятье? Крови лесного народа всего на половинку, а неудобств, как на одну целую чистокровную нимфу! Хорошо волосы не начинают пестреть разноцветными прядками.

В соседнем помещении, где обычно проходили показы для особо любимых (читай — богатых) клиенток, прозвонил колокольчик. Меня вызывали. Обычно в демонстрации участвовали две или три девушки, но сегодня покупательница пожелала, чтобы наряды показывала именно я. Странное требование, учитывая, что клиентки дома моды страшно не любили ждать.

Плавной походкой я вышла в зал. Тяжелые портьеры на окнах были раскрыты, и помещение заливал яркий дневной свет. Бросив рассеянный взгляд в сторону ряда кресел, куда обычно с превеликими почестями Арлис усаживала покупательниц, я отметила, что клиентка всего одна. И она это он. В смысле, мужчина.

В настороженной тишине зала по блестящему паркету стучали каблуки, а у меня в голове в бешеной круговерти неслись мысли. Раз решила выйти замуж, то завтра же обращусь к свахе. Происхождение у меня, мягко говоря, хромает на одну ногу, но привлекательная внешность нимфы, доставшаяся от папы, возможно, несколько компенсирует отсутствие приданого... и ссуду в монетном дворе.

— Вам нравится платье? — произнес мужчина тихим низким голосом.

Последовала долгая пауза. Неожиданно я поняла, что обращались именно ко мне, и перевела удивленный взгляд с портьеры к непроницаемому лицу покупателя. Проклятье, я знала сидящего в кресле сноба! Хотя кто в Городе десяти островов не знал Соверена Гранда? Его имя и физиономия вечно мелькали в газетах.

Он смотрел с вежливым интересом.

— Как считаете, оно подойдет для ужина с мужчиной?

Только если даму планируют не кормить, а немедленно от платья избавлять.

Конечно, вслух наряд не обругаешь, потому я глубокомысленно покосилась на Арлис. Нам вдалбливали, что никого не интересуют мнение вешалок в шкафу, и я была согласна со справедливым утверждением. А тут такой конфузец. Улыбка на карминовых губах хозяйки дома мод выглядела натянутой. Просто тонкая красная полоска, а не губы!

Арлис едва заметно кивнула, мол, не молчи, отвесь комплимент. Мне стало смешно.

— Оно превосходно подойдет для ужина с мужчиной, — повторила слово в слово я за «дорогим» (вот уж бесспорно) клиентом.

На три долгие секунды мы скрестились взглядами. Точно три! Я посчитала.

У Соверена Гарда, темного мага в немыслимом поколении, были самые обычные светло-карие глаза. Ничего особенного. Не понимаю, почему люди, облеченные властью и нагруженные деньгами, кажутся многим привлекательнее, чем они есть на самом деле. Особенно мужчины, не успевшие отрастить живот и не ступившие бравой походкой в кризис среднего возраста.

— Следующее, — спокойно выпроводил меня Гард.

Следующее он увидел через пять минут. Ровно столько потребовалось Мике, чтобы упаковать меня в еще один немыслимо узкий наряд с затянутой на спине шнуровкой. В нем не то чтобы дышать, двигаться было невозможно. Наверное, со стороны казалось, будто я проглотила кол. Зато какая осанка! Как бы еще ноги передвигать в этом... тубусе.

— Вам оно нравится? — красиво изогнул Соверен бровь.

Честное слово, выбирает как себе милому. А что? Арлис, не моргнув глазом, перекроит нарядец, чтобы подчеркнуть ширину мужских плеч, узость бедер и фигурность брюшного пресса. Если таковой имеется, конечно.

— Идеально для ужина с мужчиной, — сухо прокомментировала я.

— Следующее, — приказал он.

Следующее! И опять. Хорошо, пальцами не щелкал: подайте длинноногую нимфу в развратном наряде, благодарю — отвратительно, уберите нимфу, дайте еще и получите чаевые.

Слово звучало и звучало. У меня появились веские основания полагать, что у Соверена Гарда имеются сложные проблемы со словарным запасом. Поди, каждый раз перед выступлениями речь по бумажке учит. В этом случае, ему срочно требовался педагог по изящной словесности, а не покупка нового гардероба. Женского, прошу заметить. Но, как говорится, чем бы глава семьи-основателей не тешился, лишь бы не вводил налог за пользование мостовыми на острове Тэгу.

— Вам нравится это платье? — внимательно наблюдая за мной, в очередной раз спросил он. Надо отдать должное, что ниже ключиц мужской взгляд не опускался, хотя грудь почти вываливалась из соблазнительного выреза.

— Да, — ради разнообразия ответила я.

— Я рад.

Он совершенно неожиданно поднялся с кресла и застегнул пиджак, без колебаний заканчивая общие мучения. Арлис засеменила следом за Гардом, уверенно пошагавшим к выходу из зала демонстраций. Удивительно, столько просидел, а ноги не затекли.

— Подгоните платье по фигуре, — на ходу распорядился он. — Мой помощник заберет его вечером.

— Простите, господин Гард, но по чьей фигуре? — растерялась Арлис.

Он помедлил.

— Не по моей же. — Соверен бросил на меня последний взгляд, жаркий, жадный, заставлявший чувствовать себя голой. — Сделайте так, чтобы платье село на госпожу Астор.

Мужчина удалился. Хозяйка дома мод заторопилась следом, а я осталась в одиночестве посреди залитого солнцем зала демонстраций. Беспокойная мыслишка, возникшая в голове, резко диссонировала с радужной фантазией о скором удочерении малышки Хэйзер и как-то исключительно неприятно возвращала в реальность. Откуда Соверен Гард знал, как меня зовут? А, главное, зачем ему узнавать мое имя?

До самого вечера белошвейки занимались подгонкой золотистого платья. Образец шили на бесцветную от природы нимфу Тамарин, чьи глаза и волосы идеально окрашивались под цвет одежды. В отличие от меня, лесные боги несколько обделили девицу формами (зато одарили дурным характером), работать приходилось суетливо, чтобы успеть к оговоренному часу.

Когда с перешивом закончили, за окном завечерело. Солнце закатилось за черепичные крыши каменных зданий, а я, исколотая булавками, чувствовала себя игольной подушечкой. И если в начале примерки еще хотелось успеть к свахе, то к концу я мечтала доползти до любимого дивана и вытянуть ноги. Но сначала эти самые ноги, гудящие после долгого стояния на высоких каблуках, следовало доволочить до дома. Если помру по дороге, то выходить замуж и удочерять Хэйзер будет просто некому.

В Городе десяти островов, соединенном мостами и водными переправами, уже неделю как наступил апрель. Снег сошел еще в конце зимы, в воздухе неуловимо ощущался ток пробуждения, но тепла не было. Ни до деревьев, ни до моего подсознания не доходило, что давно пришла весна. Нимфы — существа исключительно теплолюбивые, как апельсиновые розы. Прежде чем выйти из помещения, я до носа замоталась вязаным шарфом.

Перед служебным входом в дом мод стояла незнакомая дорогая карета. В лошадях я ничего не понимала, но, подозреваю, пара тоже с родословной не подкачала. Наверняка потомки каких-нибудь элитных скакунов.

При моем появлении с козел спрыгнул высокий плечистый парень (точно боевой маг элитной породы) и выразительно открыл дверцу в белый салон с красными сиденьями. Я так же выразительно пошагала мимо.

— Госпожа Астор? — позвал он.

— Вы ошиблись.

Понимаю, что девушки-нимфы зачастую являются ожившей иллюстрацией анекдотов о женской глупости, но зачем всех под одну гребенку-то расчесывать? Академий я не заканчивала, но уж как-то сумела запомнить мамины наставления, что нельзя садиться в незнакомые кареты, даже если поманили полосатым леденцом на палочке. А тут мне и леденца не предложили, а все туда же — усаживайтесь в карету, госпожа Астор. Езжайте, мужчина, сами, куда там вам нужно, пока я не обернулась и в крепких выражениях не описала маршрут.

— Госпожа Астор! — перекрыл он мне дорогу. — Господин Гард приказал довести вас до дома.

Гард? Тот самый, что сейчас рассматривал меня как говорящую куклу?

— До чьего?

— До вашего, конечно, — развел он руками.

То есть Соверен Гард не только имя узнал, но еще адреском озаботился? И за что же нимфе-полукровке оказана честь?

— И вы действительно рассчитываете это сделать? — подытожила я, красноречиво изогнув брови. Благо ростом я почти не уступала, так что излучала надменность точненько в физиономию похитителя с покрасневшим от ледяного сквозняка носом.

— Да? — как-то неуверенно кивнул он.

— То есть всенепременно собираетесь усадить девушку в чужую карету? — уточнила я. — Даже если я буду кричать?

— Не надо кричать, — опешил он.

— А вы думаете, что я молча позволю себя похитить? — продолжала я притворяться полной дурой, чтобы уж точно добить мужика.

— Я не собираюсь вас похищать! Просто сопроводить до дома для сохранности.

— Сохранности чего? — мне стало смешно. — Шарфа, пальто и сережек?

— Вашей... так сказать... внешней целостности... — Он сделал странный жест руками, словно очерчивая невидимый человеческий контур.

— Молодой человек, вы меня пугаете! Вы что, маньяк?

— Я охранник господина Гарда. У меня прик...

— Вот! — ткнула я в него пальцем с накрашенным алым цветом ноготком. — Все маньяки так говорят. Они сами никого похищать не хотят, им всегда приказывает внутренний голос. Так что езжайте-ка со своим внутренним голосом к господину Гарду и передайте, что девушка самостоятельно добралась до дома в абсолютной целостности, как внешней, так и внутренней. Каблуков не сломала и тонкой душевной организации не попортила. Я как-нибудь доберусь. Идти недалеко.

До тихой улочки, где мы с Рутой снимали маленькую квартирку, надо было шкандыбалить три квартала в гору, но я лучше на карачках доползу, чем усядусь в карету незнакомому мужчине. Даже если он Соверен Гард, что тоже весьма сомнительно.

— Удачного вечера, — кивнула я.

Он настолько изумился из-за тирады, которую, видимо, пытался переварить и тщательно усвоить, что отодвинулся с дороги:

— И вам, госпожа Астор.

Я удалилась отточенной легкой походкой манекенщицы. Главное, спрятаться за угол, а оттуда уже можно плестись к мостовой, чтобы, едва-едва передвигая ноги, поймать кеб.

Когда я переступила через порог квартирки, то почувствовала, что комнаты окутывает густой цветочный аромат, словно Рута разбила флакон своего любимого благовония. Не успела я стянуть уличные туфли, как она выглянула из гостиной и быстро спросила:

— У тебя появился мужчина?

— К концу месяца обязательно заведу, — мрачно объявила я.

— Похоже, он решил завестись у тебя с сегодняшнего дня, — покачала Рут растрепанной головой.

— На кофе гадала? — любопытствовала я.

Подруга обладала светлым даром слышать растения и никогда в жизни не проявляла умения предсказывать будущее, разве что любила по вечерам гадать на кофейной гуще. Предсказания Рут тоже никогда, слава богу, не сбывались, а для того чтобы наврать с три короба, разглядывая изрезанное линиями дно чашки, вообще магический талант не требовался.

— А тут и гадать не надо, — пожала она плечами. — Сама посмотри.

Наша маленькая уютная гостиная с голубыми занавесками на окнах превратилась в поминальный зал! Служители покойнических тоже щедро украшали помещения цветами красного цвета. А наша комната пестрила алыми крупными розами. От их количества рябило в глазах, а запах, усиленный магией, вызывал желание дышать во влажный платочек, как при пожаре.

— Когда посыльные начали вносить эту оранжерею в дом, я даже растерялась, — поделилась Рута. — Роз не меньше ста дюжин.

— Как для покойницы, — заключила я. Народ на нашем родном острове Анадари страшно суеверен. Дарить людям четное количество цветов считалось дурной приметой, даже хуже чем ходить по дому в уличной обуви, а уж грязные ботинки в гостиной — подчистую лишали хозяев денег.

— Между прочим, розы из питомника на Эльбе. Страшно представить, в какие деньги обошлись.

Рута работала в цветочной лавке на площади Гард, а потому прекрасно разбиралась в стоимости роз.

— Я попыталась прочесть карточку, но чуть без пальцев не осталась, — призналась подруга. — Если что, он темный. Только им приходит в голову поставить обжигающее заклятье на открытку.

Темных магов Рута не выносила с детства. Она никогда не рассказывала, из каких соображений светлая семья Шейрос переехала в квартал темных, но миниатюрная цветочная фея, похожая на эльфа, моментально стала мишенью для насмешек. Сколько мной лично было разбито носов за то, что их хозяева посмели обидеть подругу, не пересчитать!

В тринадцать лет все поменялось. Руту по-прежнему пытались дразнить, но у меня резко выросла грудь и необходимость в драках отпала. Теперь стоило вкрадчиво улыбнуться, как хулиганы коллективно покрывались красными пятнами, заикались и поспешно сбежали с поля боя.

Самое паршивое, что к двадцати одному году ситуация перевернулась с ног на голову: безопаснее махать кулаками или еще лучше туфлей с острой шпилькой, чем улыбаться.

Маленький конверт с карточкой я брала с опаской: вдруг ударит магическим разрядом? Но бумага оказалась шелковистой на ощупь и от прикосновения в воздух вылетели золотистые искры. Автор послания обладал твердым почерком без закорючек и писал исключительно лаконично:
«Вы были неотразимы».

Мужчина, приславший сто дюжин роз, не сомневался в том, что подпись не требуется. Он не ошибся. Перед мысленным взором немедленно всплыло надменное аристократическое лицо с красивым капризным ртом и самыми обычными светло-кариими глазами. Соверен Гард — тридцатидвухлетний глава одной из семей-основателей. Почти уверена, что земля, на которой построен наш дом, принадлежит ему.

— Кто это? — подруга вытянулась в струнку, чтобы прочитать содержимое письма.

— Тот, кого я точно не собираюсь заводить, — фыркнула я и с чувством разорвала карточку, обиженно осыпавшую пол затухающими блестками.

К сумеркам стало ясно, что если в тесной квартирке расставлен целый воз свежесрезанных цветов, то мигрень обеспечена всем жителям дома. К сожалению, Рут с помощью магии умела усиливать ароматы, а не разгонять. Мы несколько раз проветривали комнаты, но даже ужин имел вкус роз, хотя, казалось бы, овощное рагу со сладким перцем ничем иным, кроме перца, пахнуть просто не может.

— Сил моих больше нет! — не выдержала я и, отложив вилку, потеряла ноющие виски. — Надо что-то с этим поминальным залом сделать.

— Сварим джем из розовых лепестков? — деловито предложила Рут.

— Честно говоря, я знаю только одного человека, способного есть джем из розовых лепестков.

— Кого?

— Тебя! — огрызнулась я. — А ты даже не нимфа и любишь мясо.

— Зато я цветочная фея! У меня рука не поднимется выкинуть розы. Их можно засушить, а потом разложить по мешочкам и спрятать от моли.

— Мы распугаем во всем доме даже тараканов. Проще продать цветы по золотому за дюжину.

С противоположной стороны стола донеслось очень подозрительное молчание. Я приоткрыла глаза. Рута задумчиво жевала ужин.

— Ты же не собралась их продавать? — тихо уточнила я.

— Думаешь, кто-нибудь придет предъявлять претензии? — изогнула она брови, давая понять, что догадка верна. — У меня завтра выходной. Сбудем тихонечко, зато не придется скидываться на квартирную плату.

Вообще, продавать подаренный мужчиной букет — дурной тон. Настолько дурной, что о торговле даже стыдно думать. С другой стороны, если в гостиной испускает ароматы целая подвода роз, то стоит или тиходохнуть, или активно думать, куда щедрый подарочек сплавить... Или набивать саше. Но у нас в квартирке просто не найдется столько моли.

— Ты права, — отозвалась я. — Претензии вряд ли будут предъявлять.

Неожиданно в тишине раздался стук медного молоточка, висевшего на входной двери. Мы с Руткой подпрыгнули и невольно повернулись к заставленной цветами гостиной, будто рассчитывали, что гость материализуется посреди комнаты. А еще лучше, если переместится одной туфлей в ведро с розами. В голове мелькнула идиотская мысль, что Соверен Гард непостижимым образом разгадал злодейский план и появился, чтобы отвесить почти заслуженный фунт презрения.

— Я открою, — поднялась я из-за стола.

На пороге стоял уже знакомый охранник. Без преувеличений, у меня нервно дернулся глаз.

— Вы снова хотите меня куда-нибудь доставить? — изогнула я брови.

— Нет, я...

— Боже! Может, вы приехали забрать цветы?

Наверное, стоило скрыть радость в голосе, но как можно сдерживаться, если на горизонте замерцала перспектива скорейшего избавления от цветочного ада? Я собственными руками помогу перетащить оранжерею в... Куда там надо нести?

— Господин Гард просил передать, — быстро выпалил охранник и подвинулся.

За его широкой спиной прятался невысокий мужчина в темном костюме и с большой черной коробкой в руках, на боку которой поблескивала эмблема дома мод Арлис. Глаз теперь не просто дернулся, а мелко и неприятно задрожал.

— Примите, пожалуйста, госпожа Астор, — с кроткой улыбкой протянул слуга коробку через порог. На острове Анадари ничего и никогда не передавали через порог — это считалось еще одной дурной приметой, приводящей к потере денег. Если подумать, то все островные приметы сводились к потере или внезапному, как божественное благословение, возникновению золотых в кошельке. Второе, правда, реже.

— Воздержусь, — попыталась я отодвинуть коробку.

— Нет уж, примите, — настойчиво пихнул посыльный подарок.

И тут я поняла хитрый маневр охранника! Осознав, что длинноногая нимфа еще тот крепкий орешек, совершенно не желающий оказаться заваленным подарками, он позвал подмогу.

— Только если вы заберете розы! — нашлась я.

— Но розы доставляли не мы, — несколько растерялся мужчина в костюме.

— Нет? Как хотите.

Дверь захлопнулась перед носами посыльных. Подозреваю, они посчитали меня чокнутой.

— Кто был? — позвала Рута из кухни.

— Коммивояжеры, — соврала я, но не успела вернуться в кухню, как снова раздался стук молоточка. Решив дать точное направление, куда слугам катиться вместе с подарками, я широко распахнула дверь, но крыльцо было пусто. Зато коробка лежала на коврике. Пришлось выглянуть наружу. Двое взрослых мужчин спешной походкой, видимо, боясь, что их догонят и вернут коробку, а заодно отвесят пару ласковых слов, маршировали к карете.

— Эй! Господа! — крикнула я, но «господа» как последние хулиганы не оглянулись и прибавили скорости. Бежать за поверенными я поленилась. Платье можно было отправить почтой в башню Гард, пусть сами разбираются, что с ним делать. Я подхватила коробку и неловко втянулась в тесный холл, ударившись о большую рогатую вешалку.

Под крышкой, как я и подозревала, пряталось то самое золотистое платье из тончайшей ткани, из-за которого меня заставили изображать неподвижный манекен. Я вытащила из конверта карточку.

«Наденьте на завтрашний ужин. Карета будет ждать в пять вечера»,
— в нахальной манере, словно давал распоряжения, написал Соверен Гард.

— Теперь коммивояжеры дарят платья? — не без иронии уточнила Рута, разглядывая содержимое коробки. — Не знаю, что за мужчина у тебя появился, но он определенно пытается произвести впечатление. Богат?

— Даже слишком, — буркнула я, небрежно закрыв коробку. — И точно не планирует жениться в конце месяца.

Кабинет мадам Драмлин, наставницы приюта «Солнечный ветер», в точности походил на его хозяйку: строгий, безликий, пахнущий старым чердаком. За окном светило солнце, радостное и теплое, но, пробиваясь сквозь оконную раму, оно рисовало на темном паркете решетку. Как в застенке.

Старая карга... Проклятие! Я только что назвала Драмлин старой каргой!

Да как твои мысли, Лаэрли Астор, только посмели повернуть в этом недостойном направлении? Разве не знаешь, что не следует думать плохо о наставнице приюта, когда сидишь прямехонько перед ней на жестком стуле? Стул ни при чем, хотя мог быть и помягче, мы же не на судебном заседании. Но карга — демон меня раздери!

— наставница Драмлин совершенно точно обладала даром улавливать все мысленные ругательства в свой адрес еще на стадии их зарождения.

В общем, глубокоуважаемая старая леди сидела за громоздким письменным столом, постукивала по бумагам кончиком перьевой ручки и буравила меня тяжелым взглядом, определенно пытаясь поймать на лжи. А врала я напропалую, не стесняясь и не ведя бровью.

— Говорите, что выходите замуж? — повторила она и недовольно поджала губы.

— Да, — уверенно кивнула я. — Все уже решено. Мой жених исключительно хороший человек, любит детей и согласен на удочерение Хэйзер. Поэтому прошу, не торопитесь отдавать девочку в приемную семью.

— Почему, в таком случае, ваш будущий муж не приехал? — изогнула ухоженные брови старая карга.

— Он очень занятой человек, — уверила я.

— Позвольте уточнить, ваш жених тоже... нимфа? — сухо спросила Драмлин, видимо, пытаясь найти причину для отказа.

Конечно, прости меня, мама, но я что, дура, чтобы выходить за безответственного, неприспособленного к семейной жизни нимфа? Папа и старший брат не стали исключением из правил. Лицо отца я толком запомнить не успела, а второй — повесил на меня огромный долг и сбежал из Города десяти островов, чуточку забыв вписать в семейное древо имя родной дочери. Если бы он иногда думал не только о себе, не пришлось бы ломать голову, как забрать Хэйзер.

— Он темный, — спокойно соврала я и сделала мысленную пометку выставить свахе обязательное условие искать мужа из темных. Если подвернется светлый, выйдет неловко. Мол, даже не смогла запомнить, какой цвет магии у жениха. Мадам Драмлин и так была не слишком высокого мнения о моих умственных способностях.

— Прекрасно. — Она раздраженно отбросила ручку на стол. — Если вы считаете, что сможете обеспечить будущее девочки лучше, чем семья уважаемого лекаря с острова Эльба, то знамя вам в руки.

«Никто не знает, что происходит за закрытыми воротами в богатых домах! А если Хэйзер превратят в бесплатную прислугу?!» — мысленно прокричала я, но вслух вымолвила:

— Приложу все усилия, чтобы нести это знамя с честью.

От неприкрытой иронии у Драмлин вытянулось лицо.

— Надеюсь, в следующий раз познакомиться с вашим женихом, госпожа Астор, — сквозь зубы выцедила она и кивнула на дверь, без намеков выставляя меня из кабинета.

Вот только найду приличного кандидата.

— Непременно, — улыбнулась я, поднимаясь, и оправила скромное мешковатое платье, специально надетое для встречи с наставницей приюта. Прощались мы, как всегда, страшно недовольные друг другом.

С погодой повезло. День выдался теплый, солнечный и безветренный, редкий для Шейросской низины. Первое, что сделала Хэйзер, потащила меня на детскую площадку, где рядом с качелями стоял крошечный ярко-зеленый домик в красный горошек, отчаянно напоминавший измученную несварением божью коровку.

— Лэр-ри, быстр-рее! — вприпрыжку скача по мощеной дорожке, подгоняла меня девочка. Звук «р» она только-только научилась произносить и теперь взалхлеб рычала.

Из-под съехавшей набок вязаной шапки вылезали ярко-красные мягкие локоны, серые глаза, отражавшие цвет приютской одежды, блестели от нетерпения. Хэйзер унаследовала внешность отца и постепенно расцветающий темный дар матери. Не к месту упомянутая мадам Драмлин уверяла меня, что девочка — абсолютная пустышка, как все потомки нимф. До сих пор с удовольствием вспоминаю перекошенное лицо старой карги, когда она вынужденно признала ошибку.

Малышка легко прошмыгнула в крошечную дверцу, но мгновенно оттуда высунулась:

— Чего так медленно?

В отличие от шестилетнего ребенка мне пришлось сложиться, согнуться и только после кое-как втиснуться в зеленое нутро домика, засыпанного песком. Боясь шмякнуться макушкой о крышу, я немедленно пристроила пятую точку на узенькую лавку и машинально поправила девочке шапку.

— Смотри, Лэр-ри! — прошептала Хэйзер и пальцем указала в угол домика.

Я не сразу поняла, кого именно она показывает. На перекладине, головой вниз, завернувшись в кокон кожистых крыльев, дремало создание, похожее на летучую мышь. Однако нормальные зверьки еще не пробудились от зимней спячки и совершенно точно не могли похвастаться ярко-зеленой маскировкой в цвет тонких фанерных стен. Выходило, что мое ненаглядное чадо подкармливало демоненка.

— Это Кыш, — важно объявила Хэйзер. — Он спит.

Бес бдел! Огромные острые уши, торчавшие на круглой башке, незаметно подрагивали. Он вслушивался и, похоже, подбирал момент, чтобы напасть.

— Почему ты назвала его Кыш, сладкая? — спросила я, стараясь не делать никаких резких движений. Вернее, просто вцепилась в край узенькой лавочки и даже глубоко не дышала.

— Ну, нянечка увидела его в комнате и закр-ричала: «Кыш, кыш!». Он и улетел в окно. Забер-ри его!

Без всякого пиетета она схватила демоническую зверюшку и содрала с перекладины. Бедняга вытаращил алые глаза, вместо агрессивного шипения из клыкастой пасти вырвался странный сип. Никогда бы не подумала, что на морде у демона способен отразиться вселенский ужас. В одно мгновение короткая зеленая шерстка окрасилась серым цветом под пальто хулиганки, а уши жалобно задрожали.

— На! Пусть он поживет с тобой, — потребовала Хэйзер.

Бес недобро дернул глазом. Живо представив, как Рута выставит меня из дома вместе со зверенышем, коробкой с золотистым платьем и охапкой завядших роз, я тоже дернула глазом и мягко улыбнулась:

— Воробышек, давай лучше мы прихватим мышку, когда вместе поедем домой. Кыш любит гулять, висеть вверх тормашками...

— Он любит жр-р-рать, — со вкусом выдало нежное создание.

— Хэйзер, где ты слышала это плохое слово?! — охнула я и ударилась затылком о деревянную стенку домика с таким звуком, словно бабахнула по пустой кастрюле. Смешно сказать, но почему-то стало стыдно перед демоном.

— Кухар-рка так сказала: «Эти бесы всегда жр-рут, как не в себя», — охотно пояснила она и тут же предложила:

— Не возьмешь Кыша, тогда пойдем р-рисовать...

Из Шейросской низины я возвращалась в потемках, когда на улицах зажгли фонари. Городской омнибус останавливался у подножья холма, на широком проспекте. Я выбралась из теплого салона и невольно поежилась: в нашем квартале вечно гуляли сквозняки. Переулок, ведущий к дому, бодро взбегал на горку, и я с тоской оглядела озаренный тусклым фонарным светом подъем. Можно было выбрать обходной путь, но не хотелось терять время. Дорога виляла между зданий и заборов, превращалась в каменные ступеньки, а потом снова сглаживалась, обрстая брусчаткой. Честное слово, каждый раз, взбираясь на гудящих ногах на холм, я заставляла себя думать о дешевой арендной плате, а не о желании лечь под каким-нибудь забором.

Перед воротами стояла незнакомая карета, а в нашей квартирке на первом этаже светились все окна. Только я переступила через порог, как в холл выскочила испуганная Рута и мгновенно отгеснила меня обратно на крыльцо. Вид у нее был полуобморочный.

— Ты не одна? — удивленно изогнула я брови.

— Он явился! — с жаром прошептала она и осенила себя божественным знамением. Если Рута начала молиться, то дела действительно плохие.

— Кто?

— Тот, кто розы тебе вчера подарил! В кошмаре такое не приснится!

Я почувствовала, как меняюсь в лице и медленно указала пальцем на дверь:

— Хочешь сказать, что Соверен Гард сейчас сидит в нашей гостиной?

— Именно! Грузим мы розы в подводу, а тут останавливается шикарная карета и из нее выходит Соверен Гард. Я сначала решила, что обозналась. Потом присмотрелась — он самый! И давай ему предлагать дюжину роз по дешевке.

— Ты серьезно продала розы?! — ужаснулась я.

— Ну, не выкидывать же добро. — Она прижала ладошки к бледным щекам, в глазах заблестели слезы. — Я чуть не заставила Соверена Гарда купить цветы, которые он уже покупал! Как ты думаешь, меня теперь в кутузку загребут?

— За что?

— За незаконный оборот роз в Городе десяти островов!

Скорее в пансионат для душевнобольных, если она не перестанет дергаться. Но об этом я мудро промолчала и тихо спросила:

— Давно он приехал?

— Часа полтора назад.

— Надо же, какой терпеливый, — процедила я и, отодвинув соседку с дороги, вошла обратно в квартирку. Рута посеменила следом, опасливо прячась за мою спину.

Наплевав на все приметы вместе взятые, я появилась в гостиной в уличной обуви, разве что пальто расстегнула. В конце концов, глава семьи-основателей в крошечной квартире не в самом шикарном районе острова — уже дурная примета. Хуже не придумаешь.

Соверен Гард, холеный и совершенно неуместный в скромной обстановке, сидел в старом кресле, элегантно уложив ногу на ногу. На аристократической физиономии хозяина половины острова Тегу застыло такое выражение, будто он увяз в грязной луже. Хотя наверняка увяз, правда, не в луже, а в дыре. Кресло давным-давно просело, и в середине зиял провал, лишь для вида прикрытый плоской подушкой.

На кофейном столике стояла чашка с крепким остывшим чаем. На поверхности образовалась тонкая темная пленка и выглядел напиток не особенно аппетитно. Я бы тоже побоялась пить. Зря он попросил чаю, не в обиду Руте, но кофе она варила поприличнее.

Медленный взгляд мужчины прошелся по мне от туфель до макушки. На лице вдруг заходили желваки. Признаю, мешковатое платье в мелкую клетку и неприметное пальто, делавшее мои глаза почти бесцветными, мало походили на шикарные тряпки из дома мод Арлис. Но если бы я нарядилась во что-то приличное, то перекосило бы мадам Драмлин. Одобрение старой карги важнее поправленного чувства прекрасного у аристократа.

— Добрый вечер, — наконец поздоровался гость глубоким спокойным голосом, никак не выдавшим недовольства.

— Пожалуй, свежим воздухом подышу... — пробормотала за моей спиной Рута и скоренько слиняла на улицу. Осторожно закрылась дверь, щелкнул замок.

— Что вы здесь делаете? — холодно спросила я.

— Это же очевидно, жду вас, — насмешливо ответил он. — Конечно, я бы предпочел беседовать в ресторации отеля, но вы опоздали на встречу. На два часа.

— Я не опоздала, — сухо прокомментировала я.

— Не заметили приглашения?

— То есть намека вы не поняли? — вопросом на вопрос ответила я.

— Прекрасно понял, но решил, что отсутствие нормального ужина не отменяет разговора, — объявил он, не сводя с меня пристального взгляда.

— Полагаете, у нас есть темы для разговора?

— Конечно.

— Вы ошибаетесь.

— Я никогда не ошибаюсь, — уверенно заявил он. — Мне в первый раз дали от ворот поворот через охрану.

Подозреваю, что ему вообще впервые дали от ворот поворот.

— То есть теперь вы хотите услышать лично? — предположила я.

Он напрочь проигнорировал сарказм и неопределенно кивнул:

— К слову, здесь тонкие стены. Я не подслушивал, а просто услышал ваш разговор с соседкой. Всегда так поступаете: продаете подарки от мужчин?

Я почувствовала, что против воли начинаю краснеть. С розами действительно вышло неловко. Да что там неловко... помереть от стыда!

— Обычно я их вообще не принимаю, чтобы не избавляться, — ответила я.

— Любите превращать разговор в обмен колкостями? — вдруг спросил он, с трудом сдерживая улыбку.

— Только когда устаю.

— В таком случае не стойте, Лаэрли, присаживайтесь, — хозяйским жестом он указал на диван, укрытый прятанной огромную проплешину пледом.

— Спасибо, — машинально я сделала шаг в комнату, но замерла на месте.

Стоп! Я только что поблагодарила свалившегося как снег на голову гостя за то, что мне предложили войти в мою же гостиную?! Да что со мной такое? Садиться не стала из принципа, скрестила руки на груди и вперила в мужчину ледяной взгляд.

— Какая вы, однако, сложная... — сдался он и поднялся с печально скрипнувшего кресла. Очень ловко поднялся, надо заметить. Я обычно долго ковырялась, чтобы вытащить пятую точку из дыры. И, честное слово, лучше бы он оставался на месте, потому как высокая плечистая фигура, упакованная в дорогой костюм, казалось, заполнила пространство скромной гостиной. В кресле Соверен Гард выглядел... несколько компактнее. Не таким подавляющим. В доме мод он и вовсе не производил столь ошеломительного впечатления.

Мужчина прошелся по комнате. Помедлил возле комода, заставленного цветными гравированными карточками в деревянных рамках. Задумчиво покрутил один снимок в руках, поставил обратно. Кажется, небрежно, но ровно туда, откуда взял. А Соверен Гард, похоже, педант.

— Должен признать, что я несколько разочарован, — вдруг произнес он в тишине.

— В чем?

— Вы гораздо неприятнее в обыденной жизни, чем кажетесь на первый взгляд.

Неприятной я была и на второй, и на десятый взгляд. Когда половина жалования уходит на выплату ссуды в монетном дворе, как-то быстро учишься жить по средствам. Сама не знаю почему, но это верное наблюдение меня страшно задело.

— То есть можно было не напрягаться и не покупать тележку роз? — со смешком уточнила я.

— Знаете, вы бы меня сильно обязали, если бы ограничились букетиком гвоздичек.

— Любите гвоздики? — Он перевел на меня пронзительный взгляд.

— Я вообще не люблю цветы, но чтобы выбросить маленький букет, не надо нанимать подводу.

— Вам нравится так жить, Лаэрли?

— Как?

— Бедненько, но чистенько. — Темная бровь изогнулась, светло-карие глаза насмехались.

Я никак не могла отвести взгляда от этих самых обычных глаз. Разве у магов его родословной не должно быть отличительных черт? В зрачках не должны мерцать звезды, а на физиономии расцветать какой-нибудь сложный орнамент, который на колдовском языке складывается в слова «осторожно, первосортная сволочь»? Нет? Как жаль!

— В таком случае, зачем вы явились в мой бедный, но чистый дом?

— Поверьте, не для обмена колкостями, — хмыкнул он.

— Тогда для чего? Явно не для того чтобы полтора часа любоваться на чашку с чаем, — кивнула я в сторону кофейного столика.

— Я хочу тебя, — будничным тоном произнес он.

— Простите, что? — опешила я.

— Что в этом непонятного? — Он изогнул бровь. — Я хочу тебя как женщину.

— Прямо сейчас?

— Особенно сейчас, когда ты мило остришь. Даже в этом уродливом рубище и в этой убогой хибаре на продавленном диване.

— Вы только что назвали мой дом хибарой?

— Это все, что ты услышала? — быстро переспросил Соверен.

— И диван не продавленный. Он просто вытертый! — для чего-то принялась я доказывать годность мебели, хотя по обстановке давно плакала свалка. — Вообще, прекратите оскорблять нас с диваном!

В комнате стало очень тихо. Замерев, я следила, как Соверен лениво приближался. Он остановился в паре шагов. Поза расслабленная, руки в карманах брюк, голова чуть склонена — он чувствовал себя не только хозяином положения, но даже нашего дома. Дивана с проплешиной в том числе.

Я подавила предательское желание отступить, а еще лучше сбежать на улицу и спрятаться в торговой лавочке тетюшки Совы, которая из-под полы продавала отличную брусничную настойку. Было у меня подозрение, что после милой беседы с Совереном Гардом бутылочка не помешает.

— Что оскорбило диван, я понял. — Мужчина не потрудился скрыть иронию в голосе. — Но что оскорбило тебя, Лаэрли? Откровенность? Мы, конечно, могли бы обсудить погоду или последние постановки в Академическом театре, но к чему начинать издали, если в конечном итоге я бы все равно предложил...

— Стать вашей содержанкой? — с трудом сдерживая ярость, перебила я.

— Покровительство, — мягко поправил он.

— То есть это вы время просто сэкономили? — фыркнула я.

От возмущения ужасно хотелось швырнуть в надменную физиономию Гарда туфлю. Честное слово, снять и с размаху запустить! Глядишь, повезет и посреди лба отпечатается след от каблука.

— Слушайте, господин Гард, я, конечно, встречала разных парней и среди них попадались весьма резвые, но вы обскакали всех! Впервые мне предлагают улечься на диван еще до официального знакомства.

Красивые капризные губы мужчины изогнулись в лукавой улыбке, а на щеке вдруг появилась прелестная ямочка, вызвавшая у меня паралич сознания. Куда смотрели боги, когда награждали такой очаровательной черточкой злодея? Он протянул руку:

— Соверен Гард.

— Я вам каюсь смешной? — вызверилась я, сжимая кулаки.

— Не предполагал, что с тобой будет так сложно. — К счастью, руку он опустил, иначе бы ударила. — Ты же нимфа.

— То есть женщина второго сорта, что ли? Можно не церемониться?

— Ты передергиваешь. — Голос Соверена по-прежнему звучал спокойно. — Мы взрослые люди, и я точно знаю, что хочу. Не проще ли сразу перейти к сути?

— Не проще!

— Да, я заметил, что ты любишь создавать сложности на пустом месте. Я жажду обладать тобой, а взамен могу дать все, что пожелаешь ты.

— Например, купить новый диван?

Да что я привязалась к несчастному дивану? Стоит, никого не трогает.

— Например, купить новый дом.

Некоторое время я пыталась переварить непристойное предложение, но оно отказывалось усваиваться в голове. Внутри кипел гнев.

— И что, господин Гард, это разовая сделка? — стараясь говорить ровно, вымолвила я. — Я вам даю... то, что вы там желаете, а вы мне покупаете новый дом?

— Заинтересовалась? — понимающе улыбнулся он.

— Я выгляжу заинтересованной? — насмешливо изогнула я бровь. И, господи, кто бы знал, сколько сил мне стоило изобразить эту самую насмешливость!

— Ты мне нравишься, Лаэрли. Ты красива и остра на язык, а я всегда щедр и внимателен к своим женщинам.

Ну, да. А еще отличаешься очаровательной «скромностью».

— Просто подумай хорошенько, — продолжал соблазнять он, добавив голосу чувственной хрипотцы, словно мошенник на рыночной площади, уговаривающий меня купить медвежонка вместо хомячка. — Все что хочешь. По щелчку пальцев.

— Прямо сейчас? В смысле, немедленно? — процедила я сквозь зубы.

— Если желаешь, — кивнул Гард.

— Подумала! — резко щелкнув пальцами, выпалила я, определенно приведя Соверена в замешательство. — Я очень, очень хочу, чтобы вы, господин Гард, убрались из моего дома. Прямо сейчас, немедленно! Завтра пришлю платье в башню Гард. Цветы, простите, вернуть уже не смогу, но в качестве благодарности дам отличный совет. Вы ведь не против?

— Как я могу тебе отказать? — Его глаза смеялись.

— Если вы еще когда-нибудь меня захотите, то просто примите ледяную ванну. Очень помогает...

— Ненавижу ледяные ванны. — Одним шагом он практически стер расстояние между нами. Я все-таки струсила и отшатнулась, упершись спиной в косяк.

— Что... что вы делаете?

— Ты похожа на испуганную гимназистку, — усмехнулся он, даже не представляя, насколько оказался прав. Когда мне встречаться с мужчинами, если все время приходится работать, чтобы вернуть долг монетному двору? Вернее, его хозяину Гилберту Эммоту.

— Вы слишком близко стоите, — голос неожиданно сел.

— Знаю, — тихо отозвался Соверен.

— Раз знаете, то отодвиньтесь. Вы нарушаете мое личное пространство!

— Я еще даже не начинал, Лаэрли Астор. — Он вдруг протянул руку и аккуратно заправил мне за ухо выбившуюся из скромного пучка прядь волос. — Нарушать твое личное пространство.

Неожиданно щелкнул замок, и приоткрылась входная дверь, обдав ноги холодным сквозняком. Соверен мгновенно отступил, а ко мне вернулось дыхание. Рута бочком протиснулась в холл и виновато улыбнулась:

— На улице так холодно, а я в одном джемпере...

— Господин Гард уже уходит, — холодно объявила я.

Соверен понимающе усмехнулся.

— Подумай над моим предложением, Лаэрли, — напоследок произнес он и кивнул Рут: — Всего наилучшего, госпожа светлая колдунья.

— До свидания, — пролепетала она, старательно вжимаясь в выкрашенную бледно-желтой краской стену. Подозреваю, подружка хотела бы слиться с ней, но в зеленом платье это было весьма проблематично.

За Совереном Гардом закрылась жалобно скрипнувшая дверь. Я почувствовала себя огуленной.

— И как? — с жаром спросила Рута, схватив меня за руки ледяными пальцами. — Ты уговорила его не сажать меня за продажу роз?

— Что? — словно очнувшись я от гипноза и бросилась на улицу:

— Я сейчас.

— Ты куда? — не поняла она, но я уже выскочила на крыльцо.

Соверен уже забирался в экипаж.

— Господин Гард, постойте! — крикнула я.

Он обернулся и, заметив меня, жестом приказал лакею отойти. От поспешности я случайно промахнулась мимо одной ступеньки и чуть не свернула шею. Хорошо, что успела схватиться за перила, может, не особенно ловко, зато своевременно.

Раздраженно сдвув с лица настырную прядь волос, я зашагала к Соверену и остановилась в шаге от него. Выпрямилась во весь рост, чуть на цыпочки не встала, но все равно пришлось задрать голову, чтобы заглянуть в высокомерное лицо. Честное слово, я привыкла источать надменность точно в глаза наглецов, не напрягая шеи, но спесивый болван Гард оказался настолько спесив, что просто был выше меня ростом! Злодей!

— Не ушиблась? — уточнил он, намекнув, что мой «грациозный» выход не остался незамеченным.

— Больше никогда не приходите в мой дом! — запальчиво произнесла я. — Не знаю, на что вы рассчитывали, когда возникли с этим своим предложением, но я никогда, ни за что, ни при каких обстоятельствах не стану вашей любовницей. Вы мне глубоко неприятны! И ваша прямолинейность вызывает отвращение!

Он смотрел с интересом.

— Почему вы молчите? — взвилась я.

— Ты специально за мной гналась, чтобы сказать, насколько я тебе неприятен?

— А? — хлопнула я глазами.

— Спокойной ночи, Лаэрли. — Соверен обаятельно улыбнулся. — Иди в дом, иначе простудишься. Твоя соседка права, на улице действительно холодно.

Он забрался в салон. Заставив меня посторониться, лакей закрыл дверцу и взгромоздился на козлы. Экипаж тронулся и вскоре скрылся за пригорком, а я в растрепанных чувствах и в расстегнутом пальто по-прежнему таращилась на опустевшую улицу.

Я словно вернулась на три года назад, когда пыталась найти деньги, чтобы спасти жизнь старшему брату... Мужчины, обладающие властью, знали толк в том, как заставить нимфу сожалеть о красоте, доставшейся ей от лесного народа.

Глава 2

Нимфа в активном поиске

«Ты хочешь играть? Хорошо, я не против. Давай играть...» Соверен Гард

«Сверни шею на лестнице «девичьего позора», злодей недоделанный!» Лаэрли Астор

Утром возле дома меня ждала знакомая карета. Не успели мы с Руткой ступить на пешеходную мостовую, как с козел прыгнул знакомый охранник.

— Здравствуйте, госпожа Астор, — вежливо поздоровался он и выразительно открыл дверцу, продемонстрировав отделанный белой кожей салон.

— Доброе утро, — с видом чопорной выпускницы института благородных девиц кивнула я. Только хотела пошагать по крутому спуску легкой походкой манекенщицы, как Рута дернула меня за рукав. Она очень странно улыбнулась охраннику и пробормотала в мою сторону:

— Ты куда?

— На омнибусную остановку. Ты на работу не опаздываешь?

Вообще, непунктуальностью обычно славились нимфы, но из нас двоих все время опаздывала цветочная фея. Выходить из дома вовремя ей не помогали даже переведенные на пять минут вперед часы.

— Извините нас, господин охранник. — Рута схватила меня за руку и, вынудив отойти на пару ярдов, горячо зашептала:

— Чем тебе эта карета — не омнибус? Что за странное проявление самостоятельности? Если человек желает тебя довести до работы, чего ерепениться?

— Боюсь, потом по счетам с хозяином экипажа не расплачусь, — напомнила я.

— Не бойся, я тебе денег добавлю, — серьезно уверила Рута. Стараясь скрыть смех, охранник кашлянул в кулак.

— Лучше за вчерашние розы верни, — проворчала я и обратилась к парню, открыто потешавшемуся над нашим спором:

— У вас снова приказ довести меня туда, куда пожелаю?

— Лучше в дом мод, — заметил он.

— Нет, лучше в цветочную лавку на площадь Гард, — категорично заявила я и подтолкнула подругу к карете. — Садись.

— А ты? — растерялась она.

— Прогуляюсь, погода чудная. Солнышко светит, птички поют.

Солнышко, конечно, светило, но налетали такие порывы ледяного ветра, что всех птишек, похоже, напрочь сдуло с голых веток деревьев. В общем, никакого птичьего перезвона, только в соседнем дворе басовито лаил пес. Зато ветер в спину прибавит резвости на спуске. Донесусь до остановки — дух захватит!

— Но господин Гард будет крайне мной недоволен, если вы снова своим ходом... —

растерялся парень, наблюдая за тем, как маленькая юркая девчонка, похожая на цветочного эльфа, забралась в салон и плюхнулась на белое сиденье.

— Ох, не переживайте, ход у меня замечательный, — уверила я. — Ни разу не ломался.

Очень захотелось по-анадарски поплевать через плечо и постучать по деревяшке, ведь нимфу-манекенщицу ноги кормят в прямом смысле слова: есть перелом — нет показов.

— Господин... — снова возмутился парень.

— Скажите, что сегодня мне срочно потребовалось доехать до площади Гард. Всего наилучшего! Как вас, кстати, зовут?

— Март Тэгу, — машинально представился он.

— Как первый месяц весны и центральный остров? — слышался из кареты ехидный голосок подруги.

— На первородном языке имя и фамилия пишутся по-другому! — вдруг запальчиво воскликнул охранник, но немедленно прикусил язык. Видимо, Рута наступила бедняге на большую мозоль, хотя на ее месте я бы деликатно промолчала.

Шестую дочь в семье Шейрос, не мудрствуя лукаво, назвали в честь северного острова Рут. Каждый раз, когда подружка перебирала крепкой брусничной настойки тетюшки Совы, обязательно начинала стонать, что родители-изверги испортили ей жизнь. Мол, никто и врагу не пожелает жениться на колдунье с фамилией, созвучной Шейросской низине, и с имечком самого бедного острова Города. Она же воплощение плохой приметы! С такой супругой в доме никогда не будут водиться деньги. Пару раз я пыталась доказать, что отсутствие злотых напрямую зависит от умения ими распоряжаться, которого подруге не хватало, но она оставалась глуха к здравым доводам.

— Хорошего дня, господин Тэгу, — помахала я рукой и зачастила вниз по улице, пока парень не пришел в себя и из чувства долга перед хозяином не запихнул меня в карету насильно.

Через полчаса я входила в дом мод. Не успела привыкнуть к полумраку служебных помещений, практически ослепившему после солнечной улицы, как с двух сторон ко мне подскочили Ронни и Стэлла — неразлучные подружки, внешне похожие как сестры. У одной глаза под блузочку отливали золотом, а у второй были такими черными, что терялся зрачок. В

сочетании со светлыми волосами, разукрашенными темными полосками, выглядело жутковато. Что ни говори, а в черное чистокровным нимфам одеваться противопоказано!

— Привет, — улыбнулась одна.

— Лаэрли, — добавила вторая.

Имелась у подружек раздражающая привычка заканчивать друг за другом фразы.

Складывалось впечатление, будто они делили один ум на двоих, этакое коллективное сознание. Жили нимфы вместе, подозреваю, что и на свидания ходили только парные, иначе не могли поддерживать светские беседы.

Меня незаметно увлекли к общей комнате для переодеваний. Мы вышагивали ровным строем, как на параде, заставляя белошвеек строиться по украшенным картинами стенам.

— Поздравляем тебя, детка, — проговорила Ронни.

— Ты подвинула королеву, — добавила Стелла.

— Куда подвинула? — не поняла я. Наверное, следовало уточнить, кого именно подвинула, но мне не дали даже рта открыть.

— За борт, — совершенно ничего не объяснила первая нимфа.

— И теперь она захлебывается в собственной желчи, — добавила вторая.

В спину понеслись шепотки девчонок из пошивочной мастерской. Они сбились в стайку, что-то возбужденно обсуждая, и моментально рассыпались по коридору, стоило мне с недоумением оглянуться через плечо.

— Кто захлебнулся? — наконец спросила я.

— Конечно... — начала Стелла со странной улыбкой.

— Тамарин, — закончила Ронни, назвав имя ведущей манекенщицы дома мода.

«

За что?» — с тоской подумала я.

Видимо, выдав последние новости, подружки синхронно отцепились от моих рук и хором объявили:

— Арлис тебя ищет.

— Сразу не могли сказать? — охнула я.

— Ты же... не спросила, — по реплике выдали нимфы. Боже, дай мне терпения! Одного коллективного разума на двоих им определенно маловато.

— Иди, а то она... ненавидит ждать, — синхронно улыбнулись они.

Вот и я о том же! Не тратя время на переодевания, в пальто и уличных ботильонах я бросилась в другой конец модного дома, только пятки замелькали, и хвостом потянулись шепотки белошвеек. Подскочив к высокой дубовой двери, я перевела дыхание и отточенным движением расплела пучок на голове. Волосы, конечно, закрутились неровной волной, но Арлис терпеть не могла, когда ее модели выглядели, как учительницы младших классов.

Прежде чем войти, я осторожно постучалась и заглянула в шикарный кабинет. Арлис сидела за огромным письменным столом из красного дерева и что-то рисовала грифельным карандашом в альбоме для набросков, поди, снова придумала наряд, плохо подходившей для нормальной жизни. Она отложила работу, сняла очки-половинки и едва заметно улыбнулась:

— Проходи, милочка. Только появилась?

«

Милочками» Арлис называла всех манекенщиц, кроме Тамарин. Подозреваю, чтобы не путать имена.

— На дорогах заторы, — мгновенно выкрутилась я.

— Ничего страшного, присаживайся, — указала она на шикарный диван.

Ничего страшного? Клянусь, после этих слов у меня прошел мороз по коже. На полдень покупательницы с острова Эльба заказали большую демонстрацию пляжных нарядов, в такие дни Арлис нервничала и требовала, чтобы манекенщицы готовились к выходам с рассветом, хотя прекрасно знала, что рассветы существовали для нимф только если они не ложились

ночью спать. Может, я сама не подозревая как-то задела Тамарин, любимую модель хозяйки, и теперь меня решили пнуть с работы?

Придумывая десяток доводов, почему меня ни в коем случае нельзя увольнять, я присела на краешек дивана. Арлис опустилась в противоположном углу, сложила ногу на ногу и, расправив воздушную юбку, заявила:

— На следующей неделе мы планируем гравировать изображения с новой коллекцией весенних нарядов. Ты будешь моделью.

— А как же Тамарин? — вырвалось у меня. Оказаться на разноцветных гравюрах в специальном каталоге, который рассылался по клиентам дома мод, считалось чрезвычайно престижным. Девушки были готовы на убийство, лишь бы попасть хоть на один разворот, и эту отличную работу прежде получала ведущая модель.

— Много спеси и мало форм, — сухо прокомментировала Арлис. — Следует учитывать вкусы клиентов, а им определенно нравятся девушки с грудью.

Она имела в виду Соверена Гарда. Видимо, его манера выбирать женские платья и самих женщин под купленные платья произвела неизгладимое впечатление на хозяйку дома мод.

— А у тебя в том месте, где у нормальных нимф даже не топорщится, вечно расходятся пуговицы, — закончила мысль Арлис.

Искренне хочу верить, что она попыталась сделать комплимент женственным формам, но прозвучало так, будто я страдала лишним весом. По-хорошему, при моем росте следовало набрать еще несколько фунтов, чтобы не сносило ветром с горки, как случилось сегодня утром. Я не просто добралась до omnibusной остановки, а доскакала. И плащ раздувался, словно парус. Даже в глубине души — очень глубоко — пожалела, что из боязни оказаться неправильно понятой не залезла в карету Гарда.

— Твоя белошвейка должна заняться подгонкой нарядов, — дала она последние указания и улыбнулась:

— Хорошо поговорили, милочка.

— Очень, — поддакнула я.

— Готовься к дневному показу.

И «милочка», полная противоречивых чувств, поплелась приходить в себя. Ну и спутанные ветром лохмы превращать в приличную прическу.

Слухи по дому мод разносились со скоростью простуды в пансионе благородных девиц. Я еще не добралась до общей комнаты для переодеваний, а весь коллектив уже знал, чья физиономия и другие части тела украсят сезонный каталог. В комнате для переодеваний меня встретили с нарочитым безразличием. Кто-то вяло поздоровался, другие отвернулись, и только Мика, моя бессменная напарница-белошвейка, лучилась радостью.

— Лаэтли, усаживайся быстрее! — недовольно проворчала мастерица по прическам Сати и указала на свободное место перед ярко освещенным зеркалом. — Времени осталось в обрез.

Она нещадно дергала волосы черепашьим гребнем и ворчала под нос, мол, тысячу раз повторяла, что нельзя ложиться спать с мокрой головой, но все нимфы отчего-то обладают счастливым даром избирательного слуха.

— Сделаем локоны, — заявила она. Через отражение в зеркале я следила, как Сати накрутила длинную темную прядь на горячие щипцы. От волос пошел выразительный дымок, в воздухе отчетливо запахло паленым.

— У меня волосы к показу останутся или придется побриться налысо? — спокойно спросила я.

В комнате, где только-только весенними птичками щебетали нимфы, наступила выжидательная тишина. Мы стали перекрестьем любопытных взоров. Всем было ясно, что мастерица устроила провокацию, чтобы угодить Тамарин, похоже, задетой тем, что полукровку неожиданно выбрали лицом весеннего каталога. Странно, как она не явилась лично. Видимо, посчитала ниже королевского достоинства выходить в холодный коридор из личной комнаты для переодеваний и понадеялась на чернь.

— Убери, — настойчиво попросила я Сати и попыталась забрать раскаленные щипцы из ее рук, но в итоге обожгла запястье и охнула.

— Извини, — состроила испуганный вид мастерица. — Сильно обожглась?

— Нельзя аккуратнее? — громко возмутилась Мика, немедленно вступая в спор.

— Я же не специально, — как будто обиделась Сати.

— Конечно, специально! — в сердцах воскликнула я и тут же захотела прикусить язык. Ссорами все равно ничего не решить.

— С кем не бывает, — буркнула она.

— Да ни с кем не бывает! — огрызнулась белошвейка.

Любой в комнате подтвердит, что подобной неприятности ни с одной нимфой во время подготовки к показу не случалось. Мастера, дорожившие местом в доме мод, старались превращать подопечных в изящные статуэтки, а не в ободранных куриц.

— Девушки, успокойтесь, — попыталась я призвать скандалисток к порядку. Арлис ненавидела, когда подсобные помещения сотрясались от криков, и, бывало, выгоняла на улицу за меньшее.

— Раз так, то сами делайте прическу. — Парикмахерша принялась собирать расчески и баночки с притирками в сундучок. — Больно мне надо тут выслушивать всяких...

— Сати, — спокойно позвала я, заставляя девушку поднять глаза, — ты сможешь мне заплести косу? Они выходят у тебя отличные.

Та поджала губы, а потом буркнула:

— Ладно.

— Мика, — обратилась я к подруге, — давай ты закончишь с платьями?

Она шмыгнула простуженным носом и вернулась к нарядам, но изредка поглядывала через плечо, словно проверяя, а не пытаются ли мне незаметно состричь волосы до затылка. Остальные тоже вернулись к своим делам.

— Кстати, — как будто между делом вымолвила я, пока девица колдовала над сложной косой, — как у тебя выходят праздничные укладки?

— Неплохо, — отозвалась она.

— На следующей неделе мне делать гравированные карточки для весеннего каталога. Поможешь? Не хочу вызывать мастера из салона.

В зеркальном отражении мы встретились глазами. На хмуром личике Сати вдруг расцвела наигранно доброжелательная улыбка:

— Знаешь, Лэри, к этой прическе отлично подойдут мелкие жемчужины. Я как раз десяток булавок прихватила. Сделаем? Заодно потренируюсь.

— Как пожелаешь.

Показ прошел спокойно. Правда, во время последнего выхода я столкнулась в дверях с Тамарин. Светлые волосы высокой худой нимфы пестрели разноцветными прядями под полосатый морской наряд неприлично короткой длины, открывающий худые колени. Ресницы были цвета небесной синевы.

С презрительным видом она попыталась толкнуть меня плечом, но промахнулась и от души вмазалась в дверной косяк. Не стоило дразнить разъяренную гидру, но я не удержалась.

— Ничего себе не сломала? — спросила с фальшивым сочувствием.

Какое счастье, что злобные взгляды скорченных от боли дочерей лесного народа не умели убивать, иначе бы валяться мне на паркете бездыханным трупом в туфлях с высоченными каблучками! Наверное, в этих туфлях меня и похоронили бы.

Едва манекенщиц отпустили, я скоренько собрала вещички и заторопилась к свахе, адрес которой нашла в газетных объявлениях. Прежде чем выйти на улицу, украдкой высунула нос из служебных дверей. Во внутреннем дворе стояла знакомая карета, а возле нее терпеливо дожидался моего появления Март Тэгу. Я быстро втянулась обратно в помещение и, презрев строгие правила Арлис, с независимым видом, высоко держа голову, вышла из дома мод через главный вход.

Кеб остановился возле нарядного особняка из красного кирпича в старом районе острова Тэгу. На деревянной табличке, висящей возле двери, вычурным шрифтом было написано: «Сваха мадам Салазар». Ниже шли приемные часы. На всякий случай я проверила время и, глубоко вздохнув для смелости, постучала медным молоточком. Мне открыла опрятная женщина в строгом костюме.

— Я к мадам Салазар, — с порога заявила я.

— У вас назначено? — нахмурилась незнакомка, поглядывая с подозрением.

— Нет, но надеюсь, что здесь мне помогут найти мужа.

На тонких губах женщины появилась мягкая улыбка. Она пошире открыла дверь, демонстрируя небольшой, но помпезный холл, оклеенный красной тканью с золотыми узорами, и объявила:

— Вы обратились по адресу.

Кричащая гостиная, куда меня проводили, выглядела даже богаче холла: стены, обтянутые яркой тканью, круглый столик на резных ножках, мягкая мебель с белой обивкой, на которую было неловко пристроить пятую точку. Пришлось сесть на краешек. Пухлое плотное сиденье оказалось неприятно скользким, я едва не сползала на блестящий паркет.

Наконец в комнату вошла среднего роста женщина, одетая в платье из дома мод Арлис. Я встала с дивана, стараясь продемонстрировать хорошие манеры, и немедленно попала под прицел внимательного взгляда. Меня осмотрели с головы до ног.

— Здравствуйте, — поприветствовала я.

— У вас красивый голос и превосходная осанка, — немедленно заметила хозяйка брачного агентства. — Это всегда плюс.

— К карме? — не удержалась от иронии я.

— К образу.

— Я манекенщица из дома мод Арлис.

— У всех свои недостатки. Главное, умело их скрывать, — сухо ответила сваха и протянула холеную руку:

— Мадам Салазар.

— Лаэрли Астор, — ответила я на рукопожатие.

— И руку пожимаете уверенно. Превосходно! Присаживайтесь, Лаэрли. — Она грациозно опустилась в кресло, дождалась, когда я снова пристроюсь на краешек дивана, и улыбнулась:

— Значит, хотите мужа?

— В газетном объявлении было написано, что вы гарантируете брак в течение трех недель. Так вот, мне очень, очень надо найти мужа до конца месяца.

— Тогда не будем терять время, моя дорогая нимфа, — по лицу мадам скользнула прозрачная улыбка.

— Моя мама была темной, — заметила я.

— Превосходно, — вкрадчиво вымолвила собеседница. — Никому об этом не говорите. Нимфы прекрасны лишь в неразбавленном виде.

Пока мы представлялись, бесшумная помощница принесла чай в изящных фарфоровых чашечках на звонких блюдцах и раскрыла пухлый блокнот на столе. Мадам сделала изящный жест рукой, и золотая ручка сама собой острым пером нацелилась на чистый лист.

— Итак, Лаэрли, опишите ваш идеальный тип мужчины. Возраст, рост, род деятельности.

— Главное, чтобы был темным и любил детей, — не задумываясь, ответила я. Ручка немедленно замерла, ее хозяйка тоже.

— У вас есть внебрачные дети? — быстро уточнила мадам.

— Нет, но после заключения брака обязательно появятся.

— Простите?

— Я хочу взять на воспитание племянницу.

— Так и запишем: сложные родственные связи. Какие-нибудь еще обстоятельства, сужающие выбор?

Подозреваю, что ссуда в монетном дворе являлась приданым, сужающим круг женихов до невыразительной, едва заметной точки. Я покачала головой и с честным видом соврала:

— Нет.

— Тогда расскажите о себе. — Мадам помедлила, снова смирив меня придирчивым взглядом и вдруг махнула рукой:

— Давайте просто запишем: «главное достоинство — юная нимфа». Вы же юны?

— Двадцать один год — это еще юность или ближе к старости? — на всякий случай уточнила я.

— Ладно, — вздохнула сваха, — оставим коротко: нимфа.

Повинуясь магическому приказу, чернильное перо живенько закрасило в блокноте слово «юная» и исправило на «свежая». Как морковка, в общем.

— Еще у меня есть собственный дом на острове Анадари.

— И особняк на курорте, — удовлетворенно кивнула она, хищно блеснув глазами.

— Знаете, это скорее даже не дом, а домик на берегу реки в квартале, где живут темные, — поторопилась объяснить я и краем глаза заметила, как перо само собой перечеркнуло последнюю строчку. Ниже появилась быстрая запись: «коттедж в элитном квартале».

— Увлечения, — объявила мадам следующую тему, и тут я несколько замялась, ведь на увлечения у меня не было времени. — Книги?

— Я почитываю романы... — осторожно начала я. Целых три любовные новеллы о темных магах и трепетных девах за последние два года. В общем, назвать начитанной меня можно с большой натяжкой.

— Рисование?

Пришлось виновато поморщиться и покачать головой. Пожалуй, мои корявые художества в минималистском стиле «палочка, кружочек — милый человек» приводили в восторг только Хэйзер. И подозреваю, совсем скоро малышка поймет, насколько сильно обманывается насчет теткиных художественных талантов.

— Пение?

— Ну... Иногда, конечно, случается попеть арии в ванной комнате. Но не громко! Иначе соседи начинают стучать по трубам. А еще хуже, подпевать.

Мадам поджала губы. Похоже, последнее уточнение было лишним.

— Играете на музыкальных инструментах?

— В детстве училась игре на скрипке, — вздохнула я и мысленно содрогнулась.

Сколько лет прошло, а до сих пор без дрожи не могу вспомнить тот ужасный год, когда матушке втемяшилось в голову, что маленькие девочки из темных семей просто обязаны освоить хотя бы пару гамм. Как же наказали брата, когда скрипка исчезла! Мама решила, будто Трэн из вредности спрятал дорогой инструмент, а бедняга не сумел доказать, что я сама закопала «пиликалку» под яблоней в саду. Вечная память пыточному инструменту!

— Может быть, умеете вязать носочки или вышивать?

— Нет, — виновато покачала я головой, — но умею готовить.

— Прекрасно! — улыбнулась сваха. — Так и запишем: «увлекается кулинарией».

Образование?

— Старший курс лица на острове Анадари? — произнесла я отчего-то вопросительно, словно сама не была уверена, где училась. Очень не хотелось расписываться в том, что высшего образования получить не удалось. Денег на академию просто не было. Я наивно мечтала, что сумею накопить на поступление, если пару-тройку сезонов поработаю манекенщицей в доме мод Арлис, но три года назад на пороге нашей с Рутой арендованной квартирки появился избитый до полусмерти Трэн...

— Зато вы любите готовить, увлекаетесь чтением, — подбодрила меня мадам Салазари.

— Я?

— Именно, — уверенно кивнула сваха, — но главный ваш козырь, Лаэрли, — красота. Вам достаточно улыбнуться, что бы мужчине стало плевать: читаете вы философские трактаты или сентиментальные романы. Поверьте, я работаю свахой больше двадцати лет. Красота и мягкий характер в вопросе женитьбы решают многое.

Мудро промолчав о том, что кротости во мне было столько же, сколько в шквальном ветре, я скромно сложила руки на коленях. Воспитанница пансиона благородных девиц, а не нимфа! Но стоило признать, что ярко-красный маникюр в образ не вписывался, да и в голове крутилась ехидная мыслишка, что мадам Салазар отлично сохранилась. Наверняка каждую ночь перед сном она возносила хвалы тому, кто придумал косметическую магию, позволяющую до глубокой старости с помощью заклятий и ядреных алхимических притирок поддерживать упругость кожи.

Некоторое время ушло на составление анкеты. Я успела допить остывший ромашковый чай, позволила обмерить себя дюймовой лентой, а под конец выписала чек с предоплатой и, вместе с гравированной карточкой в полный рост, закрытыми глазами вручила помощнице свахи. И меньше всего ожидала, что первое послание от мадам Салазар придет уже вечером.

Во время позднего ужина, когда мы с Рутой обсуждали мои матримониальные планы, в дверь постучались. Я замерла с недонесенной до рта вилкой, на зубцах которой истерично задрожал салатный листик.

— Думаешь, это он? — шепотом спросила подруга. Очевидно, нам в унисон пришла мысль о Соверене Гарде, но имя его мы обе боялись произносить вслух. Чтобы, как говорится, не накликать.

— Стоит ему предложить салат или надо пожарить ту отбивную? — вдруг пустилась в тихие рассуждения соседка.

Намертво замороженная отбивная лежала в морозильном ящике, не соврать, не меньше полугода. Я все подумывала отколупать ее ото льда и отдать хозяйской болонке, но визгливая собачка сбежала раньше, чем с ней случилось наше мясо. Наконец-то отбивная дождалась своего звездного часа!

— Не думаю, что он будет портить нам ужин два вечера подряд, — неуверенно покачала я головой. — Это негуманно. Откроешь?

— Давай на камень, ножницы, бумага, — протянула Рута кулачок.

— Еще детскую считалочку предложи, — презрительно фыркнула я и в следующую секунду выставила раскрытую ладонь, изображая «бумагу».

Соперница уже сидела с двумя выставленными пальцами.

— Ножницы режут бумагу! — победно взвизгнула она. Хорошо в ладошки от радости не захлопала.

Пока мы выясняли, кому встречать незваного гостя, в дверь снова настойчиво постучались.

— Какой нетерпеливый, — буркнула я, поднимаясь из-за стола. Потом вспомнила, что одета в майку на тонких бретельках, не оставлявшую места для фантазии, и накинула на плечи теплую вязаную еще бабкой Шейрос кофту.

— Спрыснись благовонием! — в спину мне посоветовала подруга.

— Зачем? — с подозрением оглянулась я и невольно понюхала рукав кофты. Тут же почудилось, что она попахивала мокрой собачьей шерстью.

— Вдруг у него аллергия на цветочные ароматы.

План по выкуриванию неуютного гостя, конечно, был хорош и коварен, но подозреваю, Соверену Гарду страдать аллергией не позволяла спесь.

Готовая грудью защищать проход в дом я резко открыла дверь и уже собралась послать Гарда восвояси через Шейросскую низину, но на крыльце стоял посыльный. Он доставал мне до плеча. Взгляд уперся ровно в то место, каким я собиралась закрывать дверной проем. Мужу пришлось так задрать голову, что с головы едва не свалилась фуражка.

— Письмо для госпожи Астор, — промычал он. Оставив в бланке нечитабельную закорючку, я забрала послание от мадам Салазар и, попрощавшись с почтальоном, заперла замок.

— Не он? — крикнула из гостиной Рута, пока я рассматривала розовый конверт.

— Кажется, мне нашли мужа.

Сваха писала, что подобрала достойного кандидата. Никлас Фолл был обеспечен, желал в жены красивую нимфу и ничего не имел против приемного ребенка. В общем, мечта, а не будущий муж.

Сдвинув тарелки с недоеденным салатом, мы с подругой изучали черно-белую гравированную карточку с портретом молодого мужчины. «Мечта» выглядела отлично. К тому же он являлся темным. В общем, все как заказывала и даже лучше!

— Господи, где она такого жениха нашла? Даже зависть берет, — протянула Рута. — Как думаешь, может, мне тоже к этой мадам Салазар обратиться?

Она сгребла карточку со стола и приставила к моему лицу.

— Вы отлично смотрите! Давай на кофе погадаем, как у вас сложится.

— Давай я сначала с ним познакомлюсь, — выхватила я карточку у Руты и еще раз присмотрелась к благообразному мужскому лицу. Все складывалось подозрительно хорошо, а в моей жизни ничего легко не получалось. Или, может быть, я напрасно нервничала, и сваха просто хорошо знала свое дело?

С утра мадам Салазар было отправлено письмо с согласием на знакомство с Никласом Фоллом, а в обед мне прислали официальное приглашение на встречу. Посыльный приехал прямиком в дом мод. Новость о том, что вечером я собралась на свидание с каким-то респектабельным господином, сотрясла сначала комнату для переодеваний, а потом непостижимым образом добралась до хозяйского кабинета.

Мы приходили в себя после последнего показа, когда в помещение ворвалась запыхавшаяся помощница Арлис и, схватившись за колющий бок, простонала:

— Зло идет!

На мгновение девушки-нимфы оцепенели, а потом со скоростью испуганных мышек принялись прятать коробки с пончиками, мешочки с крендельками и жестяные баночки с шоколадками, какими тайком, но с большим удовольствием, похрумкивали в перерывах между показами. А я только-только собиралась со вкусом отведать булку, даже успела вонзить зубы в поджаренный бочок! В настоящей панике огляделась вокруг и спрятала запрещенное лакомство с выразительным следом от укуса под полотенце на стуле.

Арлис ворвалась и с подозрительно-милой улыбкой на карминовых губах направилась в мою сторону. Первое, что она сделала: плюхнулась на стул, вернее, на булку под полотенцем и сложила ногу на ногу.

— У тебя сегодня встреча? — прямо спросила она.

— К-хм... — с грустью мысленно прощаясь с перекусом.

— Наденешь изумрудное платье с кружевной вставкой на спине, — приказала Арлис, указав пальцем с острым розовым ноготком куда-то в сторону пустых вешалок.

Я украдкой обвела комнату быстрым взглядом. Нимфы остолбенели от изумления. Некоторые с раскрытым ртом. Ведь если бы кому-нибудь пришло в голову принарядиться в образец и отправиться на свидание, Арлис снесла бы голову этому смельчаку, страшно уставшему от жизни, а потом зарыла по частям где-нибудь на острове Рут.

Похоже, теперь девушки не ограничатся метанием дротиков в гравюру с моей физиономией, а начнут втыкать булавки в восковые ритуальные куклы. Может, пока не поздно, сбежать к шаману и заказать амулет от темных чар?

— Вообще-то встреча деловая, — осторожно поправила я.

— Господи, милочка, в ваших провинциях все такие же наивные или ты отдельный экземпляр? — закатила глаза она. — Чем, по-твоему, заканчиваются эти деловые встречи?

— Замужеством, — не очень уверенно предположила я.

— Даже так? — Арлис выпрямилась на стуле, похоже, окончательно превратив булку в смятый блин, и вдруг напомнила наострившую уши гончую. — Милочка, забудь про изумрудное платье! Только серебряное, которое ты сегодня демонстрировала! Оно добавляет глазам поволоки. Ну, и на спине вышита эмблема дома мод.

Я с ужасом вспомнила, как втискивалась в блестящее серебряное уродство, в котором не то чтобы поднять руку или присесть — дышать было невозможно.

— Да! — хозяйка дома мод хлопнула себя по коленям. — Так и сделаем. Наденешь его! Собирайся и передавай мое почтение будущему мужу.

— Зачем? — насторожилась я.

— Чтобы заглядывал почаще, — хмыкнула Арлис и поднялась со стула, даже не заметив, что превратила мой обед в раскрошенное месиво (не то чтобы я собиралась есть булку, на которой кто-то поерзал пятой точкой).

И тут меня наконец осенило о причине несусветной — нет — немислимой щедрости самой известной в Городе десяти островов скупердяйки. Соверен Гард! Арлис решила, будто меня ждет свидание со спесивым болваном!

Плавной походкой она направилась к дверям, но помедлила и оглянулась:

— Испортишь платье, вычту из жалования.

Удивительная женщина. Одной рукой дает, другой забирает.

Когда комната для примерок опустела, я начала готовиться к свиданию. Платье отказывалось сходиться. Не знаю, может облизанная булка уже давала о себе знать. Мика пыхтела и стоически преодолевала застежку на спинке наряда.

— Может, его куда-нибудь припрятать? — предложила я, чувствуя, как ткань врезается подмышки. — Точно! Спрячу и скажу, что была в платье. Привела в восторг ресторацию и эмблему засветила...

— Ложись на диван! — категорично перебила меня белошвейка. Вид у боевой подруги был действительно весьма и весьма воинственный. Она искренне верила, что все, кто смеют нарушать приказы Арлис, обязательно попадают в ад. Оказаться в преисподней она не планировала, поэтому возжелала непременно упаковать меня в неудобный наряд.

Со скорбной миной я улеглась на живот, перестала дышать, шевелиться и вообще изобразила труп нимфы. Белошвейка ловко застегнула маленькие крючки.

— Вставай! — скомандовала она.

И это была настоящая проблема! Кое-как, не делая резких движений, я сползла с дивана, а потом осторожно выпрямилась. Узкий серебристый подол наряда скромно прикрыл колени, длинные рукава обтянули руки. Еще имелись прорези на плечах, но они меркли на фоне глубочайшего, как разлом на острове Саут, декольте, в котором мои женские прелести с легкостью разглядел бы даже слепой крот.

Некоторое время в единодушном молчании мы с Микой изучали отражение брюнетки с потрясающими глазами серебристого цвета, одетой в самое неприличное платье, какое видел Тегу да, и пожалуй, весь

Город десяти островов.

— Зато не страшно, если потечет тушь, — со вздохом резюмировала я. — Вряд ли он найдет силы поднять взгляд к лицу.

— Почему? — не поняла Мика.

— А зачем? Все самое интересное на виду, — с иронией фыркнула я и похлопала наивную девчонку по плечу. Всегда считала, что такие только на Анадари рождались, а, гляди-ка, на северном острове Клермон тоже случались конфузы.

Из дома мод я снова улизнула через главный ход. Боясь поднять голову, мелкой перебежкой (шагать широко не позволяло платье) добралась до мостовой и попыталась поймать кеб.

Вечером, когда в конторах Тэгу заканчивался рабочий день, отыскать свободного извозчика было большой удачей. Хоть пешком иди. Я бы и пошла, но ресторация находилась возле площади Гард, пришлось бы проскакать на каблуках два бульвара и один каменный мост!

Несмотря на близившийся вечер, на улице было тепло. Сильный холодный ветер, почти неделю третировавший Тэгу, утих и больше не студил ласковое солнце, недоумевающее, отчего неблагодарные островитяне жалуются на холод. В Городе наступила настоящая весна, благодушная, согревающая ледяные воды каналов и уверенно пробуждающая жизненный ток в растениях. Хорошую погоду, наверное, стоило посчитать добрым знаком, но я стояла, как дура, в наглухо застегнутом длинном пальто, под которым медленно превращалась из свежей нимфы в нимфу тушеную.

Наконец мне повезло выловить, возможно, единственного свободного на весь квартал извозчика. Я ринулась в карету, но категоричный хруст платья напомнил, что оно резко против энергичных движений. В кеб пришлось карабкаться очень-очень медленно. Подозреваю, что извозчик принял меня за чокнутую. Наверное, поэтому потребовала оплату заранее.

Кеб остановился перед дорогой ресторацией с большими окнами и полосатым тентом. Я осторожно выбралась на пешеходную мостовую и, прежде чем войти в парадные двери, быстро обтерла о пальто влажные от волнения ладони. В фойе ко мне немедленно устремился распорядитель, худой нервный мужчина с тонкими усиками над подвижной верхней губой.

— Меня ждут, — немедленно отказалась я от помощи, боясь, что сразу не сумею узнать будущего мужа в лицо и выйдет конфуз.

— Ваше пальто, госпожа? — протянул он руки, готовый помочь мне с раздеванием.

— Нет! — вцепилась я в застегнутый до подбородка ворот, решительно отказываясь разоблачаться. Как представила лицо мужика при виде неземной красоты эксклюзивного платья от дома мод Арлис, так захотела сверху платочком замотаться.

— В зале душно, — осторожно предупредил он.

— Я нимфа! — с достоинством объявила я.

— Да, но...

— И мерзну! — отточенной походкой манекенщицы, чувствуя, что подол проклятого платья под пальто упрямо задирается вверх, я направилась в полупустой обеденный зал.

И как назло одиноких молодых мужчин за большими круглыми столами обнаружилось целых три человека! Какой из них мой, сказать было сложно. Смирившись с унижением, я все-таки вытащила из глубокого кармана пальто черно-белый гравированный портрет Никласа Фолла и направилась к мужчине, сидящему ближе к проходу. Некачественные мутноватые карточки зачастую искажали черты лица, но сравнить, конечно, никто не запретит.

— Здравствуйте, — тихо поприветствовала я с аппетитом жующего незнакомца.

Он оторвался от созерцания тарелки и замер. Гладко выбритая щека была оттопырена едой. Не сводя глаз с моего лица, он шумно проглотил кусок.

— Простите, вы случайно не Никлас Фолл? — с милой улыбкой спросила я.

Мужчина отрицательно покачал головой.

— Извините, — пробормотала я и развернулась на каблуках, высматривая следующую жертву. В смысле, претендента. Пн преспокойно читал книгу, попивал кофе и не выглядел человеком, который ждет на свидание «свеженькую, как морковка» нимфу.

— Госпожа! — заставил меня повернуться первый.

— Да?

— Я он!

— Кто? — не поняла я.

— А кого вы там ищите, — нашелся мужик. — Меня зовут, конечно, Энти, но разве имя может помешать хорошей компании?

— Никлас Фолл мне должен триста злотых, — немедленно сочинила я. — Так что если вы его готовы заменить, то сильно облегчите мне жизнь. Сейчас охрану позову и...

Бедняга закашлялся, громко, мучительно, привлекая внимание окружающих. Пока он жадно пил воду, пытаясь протолкнуть застрявшую еду, я устремилась к третьему одинокому едоку. Он поднял голову, и лицо озарила широкая искренняя улыбка.

Вот он! Мой будущий муж! Благословите боги, сваху Салазар!

— Дорогой! — взвизгнули за спиной, и меня едва не снесла невысокая, но очень проворная девушка с фонтаном кудряшек на голове. Звонко стуча каблучками, она неслась к столику с одиноким красавчиком, а мне оставалось, глупо моргая, проводить ее сконфуженным взглядом. И если самый отборный мужик в этом зале тоже оказался не моим, то тогда кто?

И тут я заметила за столом возле окна господина преклонного возраста. Говоря преклонного, имеются в виду те года, когда мужчина способен выпрямиться во весь рост только в одном случае: если опирается на костыль. И внутри шевельнулось глухое беспокойство.

Я внимательно посмотрела на карточку пышущего здоровьем человека, по виду чуть старше тридцати, перевела взгляд на старца, чуть младше гробовых лет. На макушке блестящая лысина, плохо замаскированная тщательно напомаженными редкими прядями седых волос. Сам маленький и тщедушный. Вид спесивый. Возле стула трость с крупным набалдашником. Такой, пожалуй, от хулиганов легко отобьешься.

Определенное сходство между престарелым господином и портретом имелось... как если бы карточку снимали лет пятьдесят назад, когда только-только появились магические гравираты и приходилось неподвижно сидеть по часу, чтобы получить приличное изображение.

Боги, я требую наказать сваху Салазар за обман по всей строгости божественных законов! Желаю ей одновременный приступ кашля и жесточайшего несварения. Пусть прочувствует аферистка, на какие мучения обрекла наивную нимфу!

Я собралась дать деру из ресторана, но старик меня заметил и призывно поднял похожую на куриную лапку руку.

— Господин Фолл? — с натянутой улыбкой уточнила я, подойдя к предполагаемому кандидату в мужа.

Он вытащил слуховую трубку и приставил к уху:

— А?

Орать посреди приличной ресторации, конечно, постеснялась, но наклониться пришлось.

— Никлас Фолл?

— Садись, дева, — величественно кивнул он. Очень вовремя, к слову. Если бы я не села на стул, то от разочарования бухнулась бы на пол. Наверняка бы порвала платье да еще заковырялась, пытаясь подняться на высокие каблуки.

Пока я пристраивала пятую точку, господин вытянул из конверта мою карточку, видимо, переданную свахой, и через монокль начал сравнивать портрет с живым оригиналом.

— На карточке вы выглядите моложе, — проворчал он.

— Вы тоже, — немедленно согласилась я, но скромно промолчала, что «самую малость», лет этак на пятьдесят.

— Я же у вас первый? — вдруг спросил он.

— Простите? — В голову полезли разные гадости. Вернее, если бы передо мной сидел не седовласый високомерный старик, а молодой симпатичный мужчина, каким его представила мадам Салазар, гадости я бы назвала милыми глупостями.

— А? — приложил господин Фолл слуховую трубку к уху.

— В каком смысле первый?

— Мужчина, муж, кормилец, хозяин.

На последнем я подавилась, пошарила взглядом по столу в поисках стакана с водой, но попить мне не предложили. Может, оно и к лучшему. Не хотелось бы захлебнуться и умереть на первом свидании вслепую с глухим стариком.

— Вы-то у меня уже будете пятая, — продолжил он.

— Вы в разводе? — уточнила я.

— Как вы могли такое предположить? — даже несколько оскорбился он. — Я вдовец.

— Пять раз?

— Ну, знаете, женщины в наше время пошли очень слабенькие, — недовольно проворчал он.

— Поэтому я решил завести нимфу. Говорят, они покрепче. Правда, что вы к ядам невосприимчивы?

— Да, — озадаченно согласилась я.

Что правда, то правда. Чтобы укокошить нимфу банального яда маловато. Магия лесного народа проявлялась в феноменальном умении выживать в любых условиях. Ну, кроме холода. Нимфы такие нимфы, знаете ли. В холоде мы способны страдать только от него. Но даже полукровки были не восприимчивы почти ко всем известным отравам. Подозреваю, если мне обсыплют булку крысиным ядом вместо сахарной пудры, я только вкусом удивлюсь (не то чтобы кто-нибудь пытался накормить меня крысиным ядом). Хотя, если постараться, избавиться можно от любого живого существа. Удалось же нам с Рутой отвоевать квартиру у тараканов!

— Вот и чудесненько, — на лице Фолла, покрытом пигментными пятнами, появилась улыбка, никак не отразившаяся в прозрачных глазах. — Вы кажетесь весьма здоровой. И собой недурны. Вы ведь здоровы?

«

Как лошадь», — чуть не брякнула в ответ.

Но вопрос явно был риторическим, потенциальный муж ответа не ждал и продолжил:

— Я как раз отремонтировал дом на острове Эльба. — Он пожевал блеклыми губами. — Думаю, вы отлично впишетесь в интерьер.

Перед мысленным взором немедленно возникла странная фантазия, будто стою я посреди богато обставленной гостиной, одетая в платье под цвет стеной ткани, и сливаюсь с обстановкой. Даже кровь заохолодела, хотя в пальто было ужасно жарко.

— О, как мило! Всю жизнь мечтала стать украшением чужого дома, — буркнула я.

Без слуховой трубки старик Фолл все равно не различил злой иронии и объявил:

— Ну, и о наследнике уже пора подумать.

«А он еще и в силах?!» — мысленно ужаснулась я, но вслух спросила, демонстрируя сдержанное любопытство (или насколько можно продемонстрировать сдержанность, громко озвучивая мысль в сторону слуховой трубки):

— У вас нет детей, поэтому вы не против приемного ребенка?

— Как же нет — есть, — кивнул он. — Шестеро сыновей. Год назад я их всех вычеркнул из завещания.

— За что? — меня разобрал смех.

— Да последнюю жену отравили, — чистосердечно признался он и обиженно крикнул: — Ироды! Хорошая жена была. Месяца не прожила. Мадам Салазар печалилась, что надо новую искать.

Я икнула и испуганно прикрыла рот ладонью. И еще разок. Что за напасть? Не иначе как инстинкт самосохранения, заложенный в нимф с рождения, таким нетривиальным способом пытался намекнуть, что пора хватать под мышки туфли с каблуками, задирать узкий подол тесного платья и дергать подальше от семейства маньяков.

— Извините, мне надо в дамскую комнату, — с нарочито смущенной улыбкой произнесла я, немедленно решив, что глупо противиться природному чутью на опасность. Природа точно умнее меня!

— А? — приставил Фолл трубку к уху.

— Мне надо отойти, — повторила я погромче.

— По естественной нужде, что ли, занемоглось? — Громко переспросил он, и подавальщик, проходивший возле нашего столика, чуть не выронил поднос.

— Нет! Припудрить носик, — на весь обеденный зал объявила я. — Здесь душно.

— Так расстегните пальто.

— Лучше припудрю носик, — немедленно поднялась я из-за стола, подхватила сумочку и, не выказывая поспешности, направилась к выходу из обеденного зала. Правда, ближе к дверному проему самообладание меня покинуло, и я поймала себя на том, что прибавила шаг. Из ресторана выскочила с такой проворностью, точно Никлас Фолл подгонял меня тростью с тяжелым набалдашником. Той самой, которой хорошо отбиваться от хулиганов.

Свободный извозчик, поджидавший клиентов, стоял на противоположной стороне бульвара. Только я ринулась в его сторону, как, перекрыв проход, возле пешеходной мостовой остановилась шикарная карета. Лакей спустился с козел. Мы двигались одновременно: я попыталась обогнуть экипаж, а слуга раскрыв дверцу, украшенную помпезным гербом с изображением расправившего крылья орла.

— Лаэри! — позвал знакомый низкий голос, принадлежавший Соверену Гарду.

— Только тебя еще не хватало... — пробормотала я.

На бульваре, как назло, происходило суматошное движение — запросто на другую сторону не перебежишь. Притворяясь тугоухой, как Никлас Фолл, я развернулась и с независимым видом красивой походкой начала огibtь ресторан. Направление было выбрано исключительно неудачно, потому как пришлось промаршировать как раз напротив окна, возле которого в обеденной зале меня по-прежнему ожидал глава семейства маньяков-отравителей.

Когда брошенный «жених», пытавшийся о чем-то договориться с подавальщиком, увидел сбежавшую невесту по другую сторону стекла, то выронил из рук слуховую трубку. Честно говоря, неловкости я не испытывала. Все знают, что нимфы ужасно легкомысленные.

Оказавшись за поворотом, я наконец решилась оглянуться. Соверен Гард, одетый в дорогой костюм и с искристой бриллиантовой булавкой на галстуке, молча следовал за мной. Судя по смеющимся глазам, он от души потешался над побегом.

— Лаэри, что ты делаешь? — только и спросил он.

— Действительно не догадываетесь? Избегаю вашего общества! — высокомерно ответила я и продолжила красиво вышагивать на высоких каблуках по мостовой... прямо к местной достопримечательности — длинной каменной лестнице из ста пятидесяти ступеней, взбиравшейся к площади Гард. Идиотка! Как вообще на нее вскарабкаться и не помереть где-нибудь на середине?

Неожиданно Соверен меня нагнал и зашагал рядом. Весь из себя расслабленный, с одной рукой в кармане отглаженных брюк, будто преодоление пыточной лестницы его совершенно не беспокоило.

— Зачем вы меня преследуете? — буркнула я.

— Не отвлекаясь, Лаэри, продолжай меня игнорировать, — с иронией протянул он. — Я просто решил прогуляться. Когда еще выпадет возможность. Погода чудесная, скажи?

— Как можно вас игнорировать, когда вы задаете вопросы? — взорвалась я. — Как вы оказались здесь? Следите за мной?

— Раз мы разговариваем, то позволь кое о чем спросить, — уклонился он прямого ответа.

— Разве вам нужно разрешение? — фыркнула я.

— Это свидание — твой ответ на мое предложение? — с очаровательной улыбкой, диссонирующей с ледяным взглядом, произнес он.

— Да! — зло бросила я.

— Предпочитаешь мужчин постарше?

— Предпочитаю мужчин, которые не пытаются затащить меня в постель сразу после знакомства, — огрызнулась я.

— Уверен, что он хочет, но не может, — с убийственной иронией парировал Соверен.

— Не примеряйте на всех собственную рубашку!

— Боюсь, моя рубашка ему не по карману.

— Боже, о чем с вами говорить? — Я резко остановилась и повернулась к магу всем корпусом. — Знаете кто вы?

Думала ответит «владелец острова Тэгу» или «человек, который тебя хочет», тогда бы я гордо вскинула подбородок и уронила что-нибудь возвышенно-оскорбительное вроде «высокомерной сволочи». Но он со смешком спросил:

— Кто?

— Конь в пальто!

Справедливо говоря, в пальто была одета я, а он — в костюме, стоивший, пожалуй, дороже треклятого платья, которое сдавливало меня со всех сторон, как утяжка. Однако мелькнувшее изумление на аристократичной физиономии как-то неожиданно примирило меня с объективной реальностью.

Исполненная чувства собственного достоинства, я презрительно фыркнула и ступила на треклятую лестницу, убегающую в раскрашенное нежными перистыми облачками небо. Сначала дело шло споро, ступенька за ступенькой, все выше и ближе к площади Гард, шумной и заполненной людьми. Вскоре ноги начали ныть, я расстегнула две верхние пуговицы на пальто и помахала перед взмокшим лицом ладонью. В середине проклятушего подъема захотелось не просто схватиться за перила, прорезающие лестницу по всей длине, а улечься на них сверху и... умереть от усталости. Но отойти на тот свет перед Совереном Гардом не позволяла гордость, до крайности обостренная в присутствии этого мужчины.

Судя по всему, подъем ему давался с легкостью завязанного атлета. Может, он вообще по утрам ради тренировки бегал вверх-вниз по этому «пути страданий», и никакие страдания к нему не прилипали? Знаете, пока другие дохли, просто поддерживал форму и чванливо упивался собственной выносливостью. А я полезла совершенно неподготовленная, в тесном платье и в туфлях на высоченных каблуках, что б у них эти самые каблуки отвалились!

— Лаэрли, завтра ты обязательно пожалеешь об этой прогулке, — раздался за плечом насмешливый комментарий Гарда.

Господи, даже не подозревала в нем подобную наивность. Завтра? Я уже до смерти жалела о том, что не повернула назад к ресторации, а решила нахрапом взять вершину. Даже его постель сейчас была предпочтительнее, чем эти дьявольские ступеньки!

— Если бы не вы, мне бы в голову не пришло забираться на эту лестницу девичьего позора, — пропыхтела я и, наплевав на гордость, открыто вцепилась в перила.

— Лестница девичьего позора? — фыркнул он.

— Не разговаривайте со мной, — буркнула я.

— Почему?

— Потому что я собою с ритма и задохнусь, страшный человек!

Наверху наконец появился просвет. Последний рывок — и лестница закончилась. Я торжественно ступила на выщербленную брусчатку площади Гард и грациозно... подвернула ногу. В лодыжке что-то нехорошо хрустнуло, каблук провалился. Серые пыльные камни стремительно приблизились к носу, и тут же, словно мало мне было острой боли, серебристое платье категорично треснуло где-то в районе левой ноги и перестало давить.

Все это произошло так быстро, что я даже выругаться не успела! К счастью, реакция у темного мага оказалась молниеносной. Он ловко подхватил меня под локоть, чем спас и от падения, и от попанного чувства собственного достоинства. Очень медленно, стараясь не опираться пяткой на сломанный каблук, я выпрямилась и осторожно высвободилась:

— Я в полном порядке.

Проклятье, я находилась в полнейшем беспорядке как внутри, так и снаружи! И мечтала провалиться от стыда под землю, но жестокая площадь Гард что-то не торопилась разверзнуться.

— Позвольте на вас опереться, — тихо попросила я и, схватившись за пиджак Гарда, сначала сняла испорченную туфлю, а потом ту, что стоически перенесла знакомство с местной брусчаткой.

— Лаэрли, стесняюсь спросить, зачем ты разубаиваешься? — осторожно спросил Соверен.

Ледяные камни неприятно ступили ступни. Лодыжка ныла, и эта неуместная, неприятная боль ужасно злила.

— Вы спрашиваете, зачем? — тихо повторила я... и сорвалась на единственного близстоящего мужика, из-за которого и погнала по проклятому пути «девичьего позора», чтобы в итоге оконфузиться:

— За тем, что из-за вас я сломала каблук и потянула лодыжку! Знаете, что такое для манекенщицы остаться на неделю хромой? Путь к нищей старости! Если я закончу жизнь в холодном бараке на острове Рут, это будет на вашей совести!

Я потрясла туфель перед физиономией Гарда. Вид у него, прямо сказать, сделался ошалелый. Уверена, еще никто не тыкал главе семьи основателей сломанными каблуками в нос. Просто не решались.

— На моей? — тихо переспросил он.

— Конечно! — воскликнула я. — Площадь Гард принадлежит вам?

— Отчасти, — осторожно согласился мужчина.

— Так вот в этой самой части, которая вам принадлежит, не брусчатка, а демон знает что! — указала я в камни. — Полный бардак! Лучше бы за порядком следили, господин Гард, а не склоняли нимф к внебрачным связям!

— Лаэрли, — в голосе Соверена прозвучало восхищение, — ты что же, меня отчитываешь?

— Как вы могли подумать, что обычная нимфа решится отчитать хозяина острова Тэгу? — фальшиво охнула в ответ. — Я просто высказываю свою гражданскую позицию! Между прочим, я плачу в городскую казну налоги не для того, чтобы ломать лодыжки посреди центральной площади...

В запале я переместила вес на травмированную ногу и, охнув, скривилась от резкой боли.

— Господи, женщина, какая же ты сложная!

В следующий момент он подхватил меня на руки и крепко прижал к груди. От изумления я заткнулась, стиснула туфли, если что готовая ими отбиваться, и затаила дыхание.

— Дыши, Лаэрли, — усмехнулся он и широкими шагами направился к знакомой карете с гербом Гардов на дверце. Вероятнее всего, кучер пригнал экипаж на площадь после того, как хозяин неожиданно надумал прогуляться.

— Зачем ты схватил меня на руки? — пролепетала на выдохе.

— Благородно спасаю налогоплательщицу от смерти в бараке, — отозвался он и вдруг добавил:

— Мне нравится, как ты забываешь об официозе, когда начинаешь нервничать. Я тебя волную?

— Больше всего меня волнует больная нога, а ты меня заставляешь беситься! — огрызнулась я, не поднимая головы. От Соверена пахло упоительно вкусным благовоением с горьковатой цитрусовой ноткой, вызывавшим во мне престранные желания. Хотелось уткнуться в мужскую шею и жадно втягивать в себя аромат до самой последней капли. Или, может, даже чуточку лизнуть. Злодей! Не мог облиться чем-нибудь вонючим, что бы в носу свербело, и на глаза наворачивались слезы?

— Лаэрли, если ты обнимешь меня, то я не стану воспринимать это как приглашение, — с иронией заметил он. — Совершенно точно не посреди людной площади.

— Тяжело нести? — зачем-то спросила я, покрепче стискивая туфли.

— Как считаешь? — фыркнул он. — Ты взрослая девушка и весишь как взрослая девушка.

Пожалуй, это было самое неромантическое признание, которое я слышала от мужчины. Хуже только без приглашения вломиться в мой дом и с убийственной прямолинейностью предложить роль любовницы, без поклонов и демонстрации хоть какого-то уважения к девичьему достоинству. Без обхаживаний, в конце концов! Или ритуально-брачных плясок с бубнами...

— Поставь меня обратно, — как-то совершенно нелогично обиделась я на честность. — Я ногу подвернула, а не сломала.

— Не переживай, страдалница, до экипажа как-нибудь дотяну.

Более того донес с такой легкостью, словно пятью минутами раньше не подниматься следом за мной по длиннющей лестнице. Надо отдать должное лакею Гарда, он даже глазом не моргнул, когда хозяин приволок встрепанную, растерявшую лоск нимфу и осторожно усадил в карету.

Пока Соверен сдержанным голосом раздавал указания, я быстренько проверила стремительно опухающую лодыжку. Дело, похоже, было дрянь. Одним ледяным компрессом не обойдешься и придется вызвать светлого знахаря. Кто бы подумал, что поиск мужа обернется такими тратами: сваха, платье, новые туфли, а теперь еще и магическое лечение. А я только на первое свидание сходила!

— Тебе нужен лекарь, — вдруг прозвучал тихий голос Гарда.

Я резко вскинулась. Мужчина со странным выражением рассматривал мои ноги. Смутившись, я поспешно запахнула пальто.

— Позову, когда вернусь домой, — пробормотала я.

Он забрался в карету, лакей закрыл дверь, и мы тронулись в путь. Не говоря ни слова, Соверен расправил плед, прежде аккуратно сложенный в углу сиденья, и небрежным жестом накинул мне на колени.

— Накройся, а то подхватишь простуду.

Спорить я не стала, послушно завернулась и с независимым видом уставилась в окно. Экипаж обогнул высоченную каменную стену, возведенную в прошлом веке в честь пяти семей-основателей Города, минул большую цветочную лавку, где работала Рута, завернул за угол и вкатил под арку во внутренний двор башни Гард. Следом наглухо закрылись деревянные ворота, отрезавшие экипаж от любопытных взглядов случайных прохожих и дежуривших под башней газетных писак. Поездка оказалась поразительно короткой, не больше десяти минут. Было проще напрямик пешком проковылять, чем в карете огибать площадь по дуге.

— В башне Гард служит лекарь? — сдержанно уточнила я.

— Его сейчас вызовут, — с непроницаемым видом отозвался Соверен.

Эта самая башня, агрессивная вытянутая машина с многочисленными стрельчатыми окнами и остроконечными шпилями, больше всего напоминающая дворец, словно грозила пронзить небеса и высокомерно взирала на широкую мощеную площадь. Претенциознее, пожалуй, на острове было только здание Академического театра на берегу западного пролива, разделяющего Тегу и остров Эльба.

— Не надо, — отказалась я от насильственной переправки на руках.

Подчеркнуто проигнорировав слабую попытку проявить самостоятельность, Соверен сгреб меня в охапку и вытащил из кареты. С ужасом, во всех мрачных красках я представила, что сейчас меня протащат через коридоры, где — на минуточку — работает толпа клерков, и собралась изобразить благородный обморок. Мол, это он сам волочит покалеченную нимфу, завернутую в плед, как подарок — в блестящую бумагу, а я ничего не знаю, ничего не слышу и вообще весьма опосредованно присутствую при возмутительном нарушении правил приличий. Даже прикрыла глаза, когда Гард вошел в услужливо открытую стражами дверь. Но позора не случилось.

Оказалось, что коварный соблазнитель не планировал портить репутацию перед служащими и светить девицей возле конторских кабинетов или общественных приемных. Понес напрямик в злодейское логово в высокой башне, о чем любезно доложил, когда начал подниматься по каменной винтовой лестнице и попросил «чуть-чуть съежиться, что бы случайно не шмякнуться затылком о стену».

У всех магов с хорошей родословной повышенная выносливость или Соверен Гард — штучный товар? Я на одну-то лестницу еле поднялась да еще орудие труда... к-хм... в смысле, ногу травмировала, а он ничего — дышит спокойно, сердце стучит ровно. Даже не взопре.

— Там находится твой рабочий кабинет? — слабым голосом уточнила я.

— Личные покои.

Старенький камердинер, как по волшебству открывший дверь, словно стоял под ней и прислушивался к шагам хозяина, любезно пропустил нас в апартаменты. По-другому это отделанное деревянными панелями лаконичное жилище... чердак... помещение... зал (пожалуй, все-таки он) язык назвать не поворачивался. На стене висела большая черно-белая картина с силуэтом обнаженной женщины, выполненным длинными плавными линиями. В изображении не было ничего вызывающего, но отчего-то у меня в голове личные покои Гарда немедленно превратились в «логово разврата».

— Лекарь прибудет в ближайшее время, — объявил камердинер.

Соверен аккуратно опустил меня на длинный кожаный диван напротив широкого окна. Отсюда открывался прекрасный вид на центр острова, рассеченного каналами и соединенного каменными мостами.

— Давай помогу снять пальто, — предложил он и, стянув пиджак, принялся закатывать рукава белоснежной рубашки.

Вместо того чтобы принять приглашение и вытряхнуться из одежды, я вцепилась в ворот, словно Соверен собирался лично расстегивать каждую пуговичку.

— Лаэрли, снимать верхнюю одежду в помещении — это хороший тон, — съехидничал он. — Или у тебя под пальто нет платья?

— Есть, — уверила я.

— В таком случае, не стесняйся демонстрировать манеры.

— Если что, это твоя идея, — буркнула я и схватилась за протянутую ладонь, чтобы подняться с дивана.

Пальто было снято. Откровенное платье по-прежнему оставалось немислимо откровенным, да еще по ноге до середины бедра тянулся длинный разрыв, и при любом движении кокетливо вылезало колено. Со стороны Гарда не доносилось ни звука. Даже дыхания не было слышно. С недоумением я посмотрела на мужчину и обнаружила, что он впился взглядом в ту часть меня, которая категорично выпирала из неприлично низкого декольте.

— Соверен? — тихо позвала я.

У него на шее дернулся кадык.

— Ты была права. — И голос, оказывается, сел. — Лучше надень пальто.

— А ты говорил, что сидеть в верхней одежде в помещении — неприлично, — напомнила я. — И жарко.

— Я ошибался.

— Ты же никогда не ошибаешься.

Раздался деликатный стук в дверь.

— Проклятье! Просто накинь что-нибудь! — Соверен сгреб с дивана пиджак и швырнул мне в лицо. Спорить я не стала, хотя могла бы и пледом прикрыться. Послушно утонула в мужской одежде, спрятавшей не только вырез, но и колени.

В апартаментах началось бурное движение. Слуги притащили ледяные компрессы, под травмированную ногу подложили бархатную подушечку. Камердинер схватил туфли, без особого пиетета стоявшие на отполированном до блеска низком столике, и был таков.

— Куда? — слабо попыталась я остановить кражу обуви. Сапожник, живущий тремя домами ниже нас Рутой, прекрасно умел ремонтировать каблуки.

— Сейчас принесут, — коротко объявил Соверен.

— Только не надо мне ничего покупать! Я еще золотое платье не износила!

Откровенно сказать, даже не примерила, а теперь и вовсе пыталась избавиться от меркантильной идейки поменять испорченное серебристое платье на новенькое золотистое. Вдруг Арлис примет в качестве компенсации и передумает вычитать из жалования стоимость порванной тряпки.

— Все вон, — негромким голосом велел Гард прислуге. Народ как ураганом смело. В комнате воцарилась испуганная тишина.

Соверен присел на диван, потянулся к моей ноге. Я немедленно пришла в страшный душевный переполох. Вовсе не от интимности прикосновений. Испугала мысль, что я по площади Гард босыми пятками гарцевала, а он за них руками будет хвататься. Как тут не разволнуешься?

— Не надо меня щупать, — промычала я, но почему-то наглеца не пнула. Хотя следовало бы.

— Помолчи! — отрезал он и сухими теплыми пальцами весьма чувствительно принялся ощупывать опухшую лодыжку. — Представь, что я лекарь.

Но воображение явно сбило, и представить темного мага с сексуальными руками обычным знахарем что-то никак не выходило. К счастью, физическая боль всегда заглушает смущение. Соверен как-то нехорошо нажал на пульсирующую точку, и у меня врывалось ругательство. Короткое, образное и весьма-весьма грязное. Взгляд аристократа оказался красноречив. Определенно, сочный мат, которым я в совершенстве овладела в квартале темных на острове Анадари, в образ непреступной гордой нимфы не вписывался.

— Извини, — буркнула я.

— Ты точно не благородная девица.

— Ты тоже не лекарь.

— Не спорю, — отозвался Соверен, — лекарь нежничать не станет.

— Батюшки! Это была демонстрация нежности? — Я картинно прижала руки к груди и замерла, встретившись с мужчиной глазами. Вдруг те самые пальцы, которые только что терзали мою несчастную больную лодыжку, переместились выше, до мурашек ласково погладили гладкую кожу и почти прикоснулись к нежному месту под коленкой.

— Ударю, — пригрозила я.

— Почему еще не ударила? — хмыкнул он, взял завернутый в полотенце лед и приложил к отеку.

Камердинер привел невысокого импозантного мужчину, и его представили лекарем семьи Гард. Меня никто ни о чем не спрашивал, обращались к Соверену, дотошно узнавали, что у меня болит, и как именно болит, точно глупым растяжением оконфузился глава семьи, а не девушка на диване. В общем, меня заставили изображать глухонемую нимфу, умеющую разве что хлопать глазами. Подозреваю, что последнее делать тоже не полагалось, но от возмущения у меня начался нервный тик.

Соверен ошибся в предположении: лекарь прикоснулся к моей лодыжке с такой осторожностью, словно я умудрилась сломать ногу в трех местах. Но вдруг как нажал — истязатель паршивый — что у меня от боли чуть глаза на лоб не полезли, и спросил у Гарда ласковым голосом:

— Хорошо?

— Плохо, — скривилась я. — Очень плохо!

Знахарь посмотрел на меня как на умалишенную, камердинер, с каменной миной наблюдавший за экзекуцией, как на грешницу, а Гард недоуменно изогнул брови, мол, чего ты кочевряжишься? Мы тут мужским коллективом рассуждаем, больно тебе или нет, а ты истеришь, неблагодарная женщина.

Конечно, это я сама додумала, а он, может, с многозначительной миной пытался намекнуть, что нимфам следовало помалкивать и благодарно принимать причинение добра. Но нимфа очень хотела высказаться и лишать себя маленькой радости не собиралась.

— Господин лекарь, извините за дерзость, но если хотите узнать, где больно ему, — я ткнула пальцем в сторону Гарда, — то и щупайте его ноги!

Врачеватель недоуменно глянул на Соверена.

— Лечите, — дал добро тот.

Всегда восхищалась людьми, обладающими избирательным слухом, а он, похоже, являлся мастером в этом полезном во всех отношениях умении.

— Расслабьтесь и получайте удовольствие, — приказал врачеватель.

Ага! Разбежалась и кинулась получать удовольствие! Я на диване-то лежала, как на раскаленной сковороде. Хотя следовало признать, что мой потертый диванчик-старичок, стоявший в крошечной гостиной, в удобстве явно проигрывал.

В зрачках лекаря вспыхнул серебристый контур, а на виске начал проявляться сложный орнамент золотого цвета. Закрутилась тонкая линия, прочертились крепко сцепленные знаки. Колдовские письмена перебежали на скулу, завились на лбу, прочерченном глубокими морщинами. Судя по рисунку, лекарь семьи Гард был намного сильнее врачевателя, живущего в нашем районе.

От ладоней, прижатых к моей ноге, заструился тусклый свет. Казалось бы, кожу должно было жечь, но в лодыжку будто втыкали маленькие ледяные иголки. Минута, и от растяжения не осталось ни следа.

Зрачки врачевателя погасли, рисунки исчезли.

— Вот и все, дорогая госпожа. Предписываю постельный режим на неделю.

— Но вставать-то мне можно? — насторожилась я, естественно не собираясь валяться целую неделю в постели. Так действительно недолго до барака на острове Рут долежаться. Или до долговой тюрьмы.

— Можно даже ходить. Чутьочку. И никаких каблучков!

Я за то, что бы скинуть проклятушие колодки и рассекать босой как настоящая свободная дочь лесного народа. Даже можно наряжаться в вышитые балахоны и втыкать в спутанные волосы цветы. Но, боюсь, Арлис не придет в восторг от манекенщицы, шлепающей грязными пятками по идеально чистому паркету в зале для демонстраций.

— Конечно, господин знахарь, с сегодняшнего дня только удобная обувь! — фальшиво поклалась я. — Спасибо за магию.

— Отдыхайте и постарайтесь не напрягать ногу. Счет придет завтра.

— Мне?

Какая нога? Я уже всем телом была в напряжении! Перед мысленным взором немедленно нарисовался счет с таким количеством нулей, что с первого раза запутаешься.

— Тому, кто посмел сорвать с приема лучшего знахаря острова Тэгу из-за обычного растяжения, — с доброй улыбкой врачеватель махнул рукой в сторону Гарда. — Всего доброго, госпожа.

Пока они прощались, слуги унесли лед и полотенца, а на столик улеглась обувная коробка. Я спустила босые ноги на пол, но почему-то постеснялась проверить покупку, и почувствовала себя робким ребенком, перед которым поставили открытую банку с малиновым вареньем. Угощаться вроде не запрещали, а взяться за ложку все равно стыдно.

Когда мы вновь остались одни, то Соверен опустил на противоположный конец дивана. Устраиваясь удобнее, в расслабленной позе закинул ногу на ногу. Я ерзала от неловкого молчания и не знала, как намекнуть, что пора бы нахальную гостью уже обуть и попросить из башни. Можно даже выставить за дверь в грубой форме. Ни капли не обижусь!

— Спасибо за лекаря... и за помощь, — поблагодарила я, стараясь откровенно не коситься на столик. Это вообще законно держать нимфу босой перед коробкой с новыми туфлями? Был бы пол холодный — возмутилась, но от широких досок шло уютное тепло.

— Разве у тебя сейчас никаких дел нет? — напрямую спросила я.

— Есть, — согласился он.

— Может, я... — быстренько указала в сторону двери.

— Останешься на ужин?

— Нет.

— Мой повар отлично готовит овощи. Тебе понравится.

Интересно, сколько нимф оставалось в этих апартаментах на ужин, если его хозяин знал о том, что прямые потомки лесного народа не переносили мясо животных и птиц. Полукровкам жилось попроще. Я могла пить разбавленное водой молоко и при большом желании даже есть яйца.

— Я бы осталась, но не планирую стать десертом на этом ужине.

— Если я пообещаю вести себя паинькой?

— И тебе можно верить?

— Нет. — Он мягко улыбнулся. — Твое платье до сих пор стоит у меня перед глазами.

Ну, или то, что оно щедро демонстрировало миру. Арлис должна быть довольна: Соверен Гард увидел наряд и запомнил.

— И меня гложет вопрос, — неожиданно его взгляд утерял лукавость и заledenел, хотя голос звучал по-прежнему мягко:

— Какая причина заставила тебя надеть вульгарную тряпку на встречу с мужчиной почти в четыре раза старше и точно в два раза ниже?

— Ты же не думаешь, что я буду перед тобой оправдываться? — мгновенно ошетинилась я.

— Как я могу допустить мысль, что свободная от обязательств нимфа должна кому-то что-то объяснять, — с сарказмом ответил он.

— Эту встречу организовала сваха.

Лицо Соверена окаменело.

— Сваха? — переспросил он, словно посчитал, что ослышался.

— Именно. Она помогает женщинам найти достойных мужей.

Согласна, что «достойный» по отношению к Никласу Фоллу звучит несколько напыщенно.

— Я знаю, чем занимаются свахи. Но, Лазрли... Ты пошла на ярмарку невест? — Соверен спросил с такой интонацией, точно услышал несусветную чушь.

— Да, — изобразила я милую улыбку. — Теперь ты понимаешь, почему я не принимаю никаких предложений, кроме предложений руки и сердца? Разбитная любовница известного в Городе ловеласа плохо вписывается в образ матери семейства. Или в твоих планах сделать меня честной женщиной?

— Ты ведь осознаешь, как нелеп этот разговор? — спокойно уточнил он, когда я взяла паузу, что бы перевести дыхание.

— Поэтому давай закончим наше знакомство здесь и сейчас, — поставила точку в проникновенном монологе. — Надеюсь, что сможешь отыскать приятную компанию для сегодняшнего ужина...

Мы поднялись одновременно. Никогда не видела, что бы мужчины двигались столь стремительно. Или мне никогда не попадались настолько проворные мужчины? Неожиданно я оказалась отесненной к дивану и с размаху уселась обратно. Соверен резко уперся одной

ладонью в подлокотник, а другой в диванную спинку. В капкане крепких рук я замерла и как-то мигом расхотела дерзить.

— Я умею ценить ожидание, Лаэрли. Оно всегда обостряет желание, — тихо произнес он, склонившись к моему лицу. — Однако почему бы тебе не перестать нести чушь и просто прийти ко мне? Мы же оба понимаем, чем обычно заканчиваются игры в недотрог.

— Ты меня окончательно достанешь? — предположила я.

— Я все равно соблазню тебя. Так что довольно набивать себе цену. Клянусь, я не считаю тебя дешевкой.

Набивать цену? Дешевка?! Я почувствовала, как меняюсь в лице. Значит, так Соверен Гард видит мое нежелание прыгать в любезно расправленную постель и, катаясь по подушкам, рыдать от благодарности? Мило, ничего не скажешь.

— Вообще, господин Гард, это так по-мужски, подавлять девушку физической силой, — со злостью фыркнула я. — Прекратите надо мной нависать. Больше заняться нечем? Тогда займитесь ремонтом площади!

Господи, что я несу? Какой — к лысым бесам — ремонт площади?!

Он резко выпрямился, а я по-прежнему вжималась в угол дивана. Хотелось добавить что-нибудь оскорбительное, но ничего умного в голову не шло. Как ни в чем не бывало он небрежно уронил:

— Ты все еще не хочешь остаться на ужин?

— Нет, но очень хочется пожелать тебе подавиться вилкой!

Я вскочила на ноги с такой проворностью, точно под пятой точкой распрямилась пружина, скинула пиджак на пол, подхватила пальто и ринулась к выходу.

— Лаэрли! — окликнул меня Соверен.

— Не смей меня провожать! Я в состоянии поймать кеб! — взвилась, словно в меня саму ткнули приснопамятной вилкой.

— Может быть, все-таки обуешься? — со снисходительной улыбкой напомнил он.

Домой я возвращалась в карете, украшенной гербом семьи Гард, и с охранником Мартом Тэгу — на козлах возле кучера. На ногах красовались новые туфли без каблука, под пальто — порванное платье. Следовало думать, как оправдаться перед Арлис, но отчего-то из головы не выходило наше с Совереном прощание.

— В следующий раз я хочу видеть золотое платье, — объявил он.

— Катись в ад! — гордо вскинув подбородок, я вылетела из апартаментов.

— В аду золотое платье тоже будет к месту, — донеслось следом.

Глава 3

Немыслимое причинение добра

«Ты все еще хочешь замуж?» Соверен Гард

«Спасите бедную невесту от мамы!» Лаэрли Астор

При жизни мой дед любил говаривать, что половина успеха в сражении — это внезапность, поэтому к мадам Салазар я нагрянула в то время, когда нормальные люди отпаивались утренним кофе, боролись с сонливостью или похмельем и лениво просматривали новостные колонки в газетах. Я поднялась на крыльцо и категорично застучала медным молоточком. Через некоторое время мне открыли. Из помпезного холла на меня смотрела горничная.

— Доброе утро, — улыбнулась я.

— Госпожа начинает прием с одиннадцати, — объявила служанка и без дальнейших обсуждений попыталась захлопнуть дверь у меня перед носом. Я подставила ногу. Честно говоря, так прищемило, что стало больно, будто мало мне вчерашней травмы.

— Уверена, что госпожа меня всенепременно ждет, — объявила я и, отгеснив испуганную горничную, буквально вломила в холл. — Я буду в гостиной.

— Я вызову стражей! — пригрозила горничная, неожиданно внушительной грудью защищая проход в гостиную.

— Отлично! Вызовите, пожалуйста, — согласилась я. — Будьте добры. Нам есть о чем с ними поговорить.

— Мадам сейчас спустится, — немедленно пошла на попятную служанка.

Сваха появилась при полном параде, напомаженная и причесанная, через сорок минут. Я специально засекала время на старинных напольных часах, стоящих в углу.

— Госпожа Астор, вы рано, — вместо приветствия произнесла она, грациозно опускаясь в кресло.

— Перед работой забежала, — с иронией отозвалась я.

— И что вас привело?

— Совсем не догадываетесь?

Некоторое время мы многозначительно молчали и буравили друг друга пристальными взглядами.

— Вы сами сказали, что возраст замужеству не помеха! — сдалась она первой.

— И не отказываюсь от слов. Я не имею ничего против седин, лысин и — боже мой! — даже слуховой трубки. Но! Не все же разом!

— Ах, — всплеснула руками сваха, — так вы волнуетесь, что он не переживет первую брачную ночь?

— Откровенно сказать, с такой семьей, как у Никласа Фолла, я волнуюсь, что сама не доживу до первой брачной ночи. Если мне повезет войти в храм для обряда венчания, то вряд ли я оттуда выйду. Можно свадебное платье не заказывать, сразу облачаться в саван.

— Ну, вы немножко преувеличиваете... — кашлянула она, стараясь не встречаться со мной глазами. — Зачем же сгущать краски? И потом, уважаемая нимфа, полагаете, только вы появились на ярмарке невест, как женихи полетели неуправляемыми косяками?

— Не знаю, как насчет косяков, но что-то пока я ни одного вменяемого жениха не вижу.

— Пф! — насмешливо фыркнула сваха и манерно сложила ногу на ногу. — Вы тоже, мягко говоря, девушка не первой свежести, без приданого и без особенных талантов.

— Вы правы, таланта для игры на клавесине мне, может, и не достаёт, но я не настолько глупа, что бы продолжать платить за товар с гнильцой, — отрезала я.

— Что, простите? С гнильцой? — поперхнулась мадам. — Никлас Фолл, может, и не молод, но является достойнейшим господином! А я его уже сорок лет знаю! И ко всем своим женам, между прочим, он относился с большим пиететом.

— Только почему-то ни одна не выжила, — со смешком напомнила я. — Давайте, госпожа сваха, разойдемся без скандалов. Вы удержите неустойку, а я заберу остаток залога и спокойно уйду. Идет?

— Хотите забрать залог? — вдруг заерзала она в кресле, что-то напряженно обдумывая, и вдруг широко улыбнулась:

— Послушайте, Лаэрли, зачем же рубить с плеча?

От внезапной перемены настроения я несколько ошалела. Если бы не пришлось оплачивать испорченное платье, то сбежала бы из дурдома Салазар мелькая пятками, наплевав на деньги.

— Знаете, на острове Анадари есть поговорка: «первый блин всегда комом», — заговорила сваха.

— Нет такой поговорки, — уверенно покачала я головой.

— Ну, может, на острове Клермон, — закатила она глаза. — Речь не о том. Пусть первый блин всегда комом, мы не обязаны им давиться, правда?

— Простите, госпожа сваха, но у вас такие образные метафоры, что я начинаю терять нить разговора...

— В общем, есть превосходный мужчина! Просто ягодка, первый сорт! — Она решительно поднялась с кресла. Сейчас принесу.

— Он здесь? — обалдела я.

Может, она решила пожертвовать собственным мужчиной? Бедняга спокойно похрапывает на втором этаже в общей спальне с белыми занавесками и не подозревает, что его решили передать незнакомой нимфе, не переносящей мясо, не умеющей петь и совершенно ничего не смыслящей в семейной жизни. И спит он, значит, а сваха — хоп! — перевалила «ягодку» через плечо и потащила женить. Злодейка!

— Что вы, не здесь, конечно, — развела она руками, мол, где тут спрятать высококлассного жениха, одни диваны да портьеры. — В архиве.

В воображении горячий полуголый самец, раскинутый на подушках, оказался связанным, с кляпом во рту и спрятанным в дальнем углу архива за бумажными коробками. «Первосортная ягодка» мычит, дергается и пытается освободиться, искренне желая свободы, а не семейной жизни, а мадам Салазар за шкуру решительно тащит его по паркету знакомить с будущей владелицей — ой! — женой.

— Вы нас познакомите? — осторожно уточнила я.

— Конечно. — На покрашенных губах скользнула прозрачная улыбка. — Сейчас принесу.

— Жениха? — жалобно промычала я.

— Анкету и гравированную карточку, — подсказала она.

Уф! У меня чуть нервный припадок не случился. Впору пить успокоительные травки от живого воображения.

Вскоре она вернулась с голубой папкой в руках. Пристроившись в кресле, театральным жестом развязала белые ленты и протянула мне. Я с любопытством посмотрела на крупную цветную гравюру с изображением симпатичного мужчины по виду чуть старше тридцати лет. Ни лысин, ни седины, ни даже родинок на ухоженном лице не наблюдалось. Хотя совершенно не стоило исключать, что он пользовался косметической магией или же мастер ловко подкрасил картинку, убрав на изображении несовершенства кожи, а заодно и пару десятков лет.

Я недоверчиво покосилась на сваху в кресле. С триумфальной улыбкой она помахала рукой, мол, читайте, госпожа Астор, приходите в трепет.

— Как видите, такого мужа и к родителям не стыдно привести, — сказала она.

Учитывая, что в графе с особыми требованиями к будущей супруге было написано «сирота», заявление свахи прозвучало неуместно. Мягко говоря.

— Хорошо. — Я закрыла личное дело. — В чем подвох? Это чужая карточка?

— Чтобы вы знали, госпожа Астор, я никогда не мошенничаю, — оскорбилась мадам Салазар.

— Да, вы просто мило обманываете, — фыркнула я. — Он был женат? Имеет десятерых детей? Хромает, курит табак, страдает бытовым пьянством?

— Ничего подобного! — уверила меня сваха. — Никаких детей, бывших жен, дурных привычек и физической неполноценности. Превосходный холостой мужчина тридцати четырех лет с замечательной карьерой. Правда, кое-что, должна вам признаться, есть...

— Он не хочет приемного ребенка? — немедленно догадалась я.

— Он примет любого ребенка... — сваха замялась, — если согласится его мама.

— Мама? — по-глупому хлопнула я глазами.

— Да, у него есть мама, — загробным голосом подтвердила она. — Очень энергичная женщина.

— Только мама, но никаких скрытых дефектов?

— Могу поклясться на святом писании, — уверила сваха. И на что только человек не пойдет, чтобы не возвращать деньги, которые уже мысленно потратил. Или не мысленно.

— Не надо ритуальных жертв, — вздохнула я. — Просто договоритесь о встрече.

Не понимаю, почему в тот момент меня совершенно не напрягло наличие энергичной родительницы в жизни первосортной ягодки Ашера Богарта. В свою защиту могу сказать, что мне определенно не хватало жизненного опыта, особенно в отношении мужчин и их матерей.

В сегодняшних показах, проходивших в доме мод, я не участвовала, но меня ждали долгие изнуряющие подгонки и примерки нарядов для весеннего каталога. Минувя общую комнату для переодеваний, я тут же отправилась в пошивочную мастерскую, где Мика колдовала над очередным «шедевром» Арлис, чтобы в него втиснулась нормальная девушка, а не швабра.

Мастерская представляла собой большой светлый зал со швейными машинками и безголовыми портняжными манекенами. На стенах висели лопухие лекала из твердого картона. В углу лежали рулоны разноцветных тканей. Мне повезло, что белошвейки помогали

манекенщицам, и Мика в гордом одиночестве корпела над какой-то тряпкой, вручную иголочкой подшивая подол.

— Ты сегодня поздно, — подняла она взгляд от шитья.

— Кое-что с утра надо было сделать, — быстро произнесла я и приложила палец к губам, мол, помолчим.

В доме мод даже стены имели глаза и уши, поэтому общаться с белошвейкой пришлось с помощью красноречивой пантомимы. Не реагируя на удивленно приподнятые брови подруги, которую без спроса обрела на пособничество, я сначала проверила пустой коридор, прикрыла плотно дверь, а уже потом вытащила из сумки на швейный стол изуродованное серебристое платье. Ужас на лице Мики лучше любых слов подтвердил, что мне каюк. Вернее, моему месячному жалованию.

— Как? — шепотом спросила она, поднимая платье и проверяя длинный расползшийся надрыв с торчащими нитками.

— Имеющий ноги и каблук на этих ногах всегда найдет проблему на ровном месте. Особенно на плохой брусчатке, — скорбным голосом объявила я.

— Ничего не поняла, — хлопнула глазами Мика.

— Ты сможешь починить? — указала я на дыру.

— Только если распороть и выкроить подол заново, — вздохнула белошвейка и немедленно добавила:

— Арлис нас убьет.

— А должна? — раздался из дверей голос хозяйки дома мод. Не зря говорят, что не поминай беса, чтобы не накликать!

Платье выпало у Мики из рук и красиво накрыло швейный стол вместе с машинкой. Сама белошвейка стала нехорошего землистого цвета, словно заранее собралась помирать. Подозреваю, что у меня лицо было не лучше.

Арлис легкой птичкой впорхнула в мастерскую. Обутая в ботиночки на плоской подошве, она была и ростом меньше, и двигалась тише. Иначе стук каблуков предупредил бы нас о приближающейся опасности. Оставалось импровизировать, но лицедейка из меня была еще хуже, чем певица.

— Я как раз хотела забрать для показа серебристое платье, — объявила она. — Милочка, ты очень вовремя его вернула!

Она схватила серебристую тряпку, которой теперь можно было разве что помыть пол. Ну, или повесить на ней одну неуклюжую нимфу... У меня перед глазами пронеслась вся жизнь и проклятая лестница «девичьего позора», а заодно проскользнула трезвая мыслишка, что надо бы свалить порчу платья на Гарда.

Между тем Арлис дернула наряд и случайно зацепилась нежной тканью за швейную машинку. Раздался подозрительный хруст. Мы втроем оцепенели.

— Он порвался? — произнесла испуганно хозяйка. — Шедевр швейной мысли?!

Вот уж не знаю, кому в голову пришла столь шедевральная идея сотворить платье, от которого у мужиков случался вывих челюсти, а у дам — приступы завистливого удушья. В общем, не одежда, а оружие массового поражения, как смертоносные боевые заклятья. Даже на магию тратиться не надо. Нарядил нимфу в серебряную тряпочку и пустил гулять по городу, что называется, уничтожать врагов в тылу.

— Надо проверить. Может все не так плохо, — немедленно подскочила Мика и с энтузиазмом принялась освобождать ткань. Но мы-то знали, что шедевр трещал в предсмертных судорогах.

После «нападения» Арлис разрыв оказался длиннее и ушел вбок. Платье точно не подлежало восстановлению.

— Какая потеря, — вздохнула она и как ни в чем не бывало швырнула наряд в корзину с обрезками. — Как прошла твоя деловая встреча, милочка?

— Неплохо, — все еще не веря в столь простое избавление от неприятностей, промямлила я.

— Эмблему все увидели? — резанула меня строгим взглядом хозяйка.

— Даже не сомневайтесь. Рассмотрели во всех подробностях, — соврала я, вспомнив плотоядный, не оставляющий простора для фантазии взгляд, каким Соверен тарасился на то, что платье открывало.

— Превосходно. — Она направилась к дверям, но по обыкновению развернулась на пороге, не давая нам перевести дух:

— Сделай с ним что-нибудь.

— Я? — испугалась Мика.

— Вряд ли Лаэрли знает, с какой стороны шьют иголкой, — надменно вымолвила Арлис.

Она назвала меня по имени?!

Какой ужас!

— Отрежь его и преврати в блузку, — велела хозяйка и вышла за дверь. От облегчения мы с белошвейкой едва не осели на пол.

Я уж думала, что после встречи с Гардом меня навсегда покинула удача лесного народа, а она просто притаилась, пока злодей крутился рядом. Следовало раньше послать его в... чудесный лес искать нимфу поговорчивее! И ведь только я начала подозревать, что где-то в глубине злодейской души он неплохой человек, а что надменен — так все не без греха и недостатка воспитания, но подлец возьми и выдай гадость про дешевку. Умеет же мужик испортить хорошее впечатление!

Вечером меня ждало послание от мадам Салазар. Она писала, что Ашер Богарт пришел в восторг от возможности познакомиться со свеженькой нимфой и попросил о свидании уже завтрашним днем. Признаться, я надеялась, что сваха договорится о встрече в собственной помпезной гостиной, где чинно нас представит, но жених оказался эстетом. Он пожелал всенепременно посетить выставку колдовских манускриптов в музее древностей Тегу, а чтобы мы не потерялись, пообещал держать в руках красную розу.

— Хорошо, не трость с набалдашником, — вздохнула я, моментально вспоминая старика Фолла. — Я бы точно напряглась.

— А выставка тебя не настораживает? — фыркнула Рута, которая после первой неудачи к затее с новым свиданием отнеслась с большим подозрением. — Может, он зануда.

— Лучше зануда, чем отец шести отравителей, — убежденно заявила я.

— Тут я как твоя лучшая подруга должна тебя спросить, — осторожно начала она. — Ты уверена?

— Что стоит идти на свидание? — вздохнула я.

— Что не хочешь, чтобы я погадала на кофе, как все пройдет?

— Воздержусь, — чопорно отказалась я от магического сервиса и спряталась в ванной комнате, пока Руте не пришла в голову идея не только прочитать судьбу на кофе, но еще и какой-нибудь ритуальный шаманский танец провести.

Я до сих пор без жалости не могла вспоминать, как она в прошлом году собиралась на встречу с помощником повара из ресторации на площади Гард. К слову, очень милым парнем. Рута решила всенепременно провести светлый ритуал на призыв любви, ведь выйти замуж за повара для девушки, не умеющей готовить, было спасением от существования на сэндвичах. Весь вечер она окуривала свою крошечную спальню веником из полевых трав, купленных в лавке по три монеты за пучок. Сколько я ее не уговаривала, проветрить комнату она отказалась, заявив, что обязана пропитаться магическими ароматами любовной магии. Почему-то ее не смутило забористое зловоние этой самой магии.

За ночь самопальная шаманка так угорела, что наутро не смогла поднять голову от подушки из-за жесточайшей мигрени. Встречу пришлось отменить, а парень через три месяца счастливо женился на дочери мясника, которой хватило ума не отравиться накануне свидания. По этому поводу Рута рыдала целую неделю. Знаете, когда страдает цветочная фея, то в соседских садах гибнут растения. Это не преувеличение. Соседям по улице повезло, что горе случилось зимой, а моя подруга обладала весьма скромным даром. Единственное, что издохло — кактус у нас на подоконнике, переживший даже переезд с острова Анадари.

Когда я вышла из ванной, то обнаружила, что Рута что-то подкладывает мне в ридикюль.

— Что делаешь? — скрестила я руки на груди, почти уверенная, что подруга подсунула какой-нибудь амулет для любовного притяжения, который будет испускать такой запах, что сумку останется только выкинуть.

— Ты меня напугала! — вздрогнула она и выронила из рук томик в светлой кожаной обложке с коваными уголками. Книжка шлепнулась на пол и раскрылась, продемонстрировав гравюру натянутого на деревянный грибок носка.

— Зачем ты подкладываешь мне... — Я нагнулась за книгой и проверила название, тонким четким шрифтом выдавленное на обложке. — «Домоводство»?! Полагаешь, если он узнает, что я знакома с теорией штопанья носков, то проникнется симпатией?

— Наивная анадарская нимфа! — фыркнула подруга, отбирая у меня книгу. — Он же тебя на выставку манускриптов пригласил. Пусть знает, что ты тоже культурная и умеешь читать!

— Даже не пойму, — кашлянула я, — мне сейчас следует обидеться или пропустить мимо ушей?

— Ценить заботу! — напыщенно фыркнула подруга.

Но между тем «Домоводство» все равно самым непостижимым образом оказалось в ридикюле. Ранним утром впопыхах я не обратила внимания, что сумка потяжелела, домчалась до омнибуса и обнаружила лишний багаж, когда полезла за мелочью на проезд. Рута ловко повернулась затылком, поэтому гневный взгляд отскочил от подруги, как от глухой стены. В итоге книга поехала со мной сначала в дом мод, а потом и в музей древностей. На смотрины я сбежала с примерки, соврав, будто меня срочно вызывали в Шейросскую низину к племяннице. Никому не пришло в голову наряжать нимфу, обязанную выглядеть мило и естественно, в какую-нибудь эксклюзивно-развратную тряпку на встречу со старой мымрой, наставницей детского приюта.

Через полчаса я выходила из кеба напротив величественного здания музея. К главному входу с колоннами вела широкая мраморная лестница. С крыши на площадь смотрели агрессивно оскаленные горгульи. В фойе с головокружительно высоким сводом толпился народ: лиценсты и студенты, загнанные в музей на экскурсии, старушки в шляпках с искусственными цветами и... целый десяток мужчин с чахлыми розочками в руках. Это был полный провал! Понадеявшись на опознавательный знак, я не взяла карточку «сортовой ягодки» Ашера Богарта и лихорадочно пыталась понять, какой из них мой.

Большие часы, украшавшие арку над проходом в экспозиционные залы, недвусмысленно указывали, что знакомство должно было состояться еще пять минут назад, а я по-прежнему дожидалась, когда часть «оцветоченных» мужиков самоустранится по естественным причинам. В смысле, бедняги дождутся припозднившихся дам.

— Госпожа Астор? — сдержанно позвал меня незнакомый мужской голос.

Я оглянулась. В паре шагов от меня стоял опрятный господин в мантии экскурсовода. И с гвоздичкой в руках.

— Ашер Богард, — подсказал он.

— Вы служите в музее? — выпалила я.

— Хотел сразу показать, чем занимаюсь, — с нервной улыбкой на приятном лице объяснил он. — Я вас смутил?

— Нет! — немедленно соврала я. — Вовсе нет!

Надеюсь, что он не попросит в ответ пригласить его на показ в дом мод.

— Это вам, — протянул он мне стебелек с махровым венчиком. — У меня сейчас экскурсия, а потом я совершенно свободен.

Не верилось, что сваха не обманула. Ашер Богарт действительно не хромал, от него не разило перегаром, не воняло резким одеколоном, не сыпался песок, и ему не приходилось задирать голову во время разговора с высокой манекенщицей. А что перепутал розочку с гвоздичкой, так мужчины не обязаны разбираться в цветах.

Мы направились в залы.

— В жизни вы еще красивее, чем на карточке, — объявил он.

— Благодарю.

— Вчера открылась потрясающая выставка древних манускриптов. Я люблю старинные книги, пару лет назад с маминой подачи даже начал их коллекционировать. Вы что-нибудь коллекционируете?

Идиотские свидания? А еще в детстве собирала монетки в фарфоровую копилку в виде пузатой свинки, но через полгода старший брат подчистую разворовал «коллекцию». В отместку я целый месяц подсыпала ему в еду соль, бедняга Трэн тогда похудел на один размер.

— Боюсь вас разочаровать... — выразительно примолкла я. Вряд ли страсть к коллекционированию имеет что-то общее с желанием накопить целую «свинку» мелких денег, что бы честь по чести потратить их с подружкой на полосатые леденцы.

— А как вы относитесь к книгам? — последовал новый вопрос.

— Очень хорошо отношусь. Даже с утра с собой таскаю... ношу... одну, — промямлила я.

— Какую? — оживился Ашер.

— Тяжелую, — брякнула я.

«Домоводство» — будь оно неладно — обе руки оттянуло! С другой стороны, музей большой и темных уголков в нем бесчисленное количество. Если потенциальный жених заведет меня в какой-нибудь зал континентальной скульптуры и попытается прижать к стене, чтобы — так сказать — не только посмотреть, но и потрогать, то сумкой с увесистым томом отбиться проще, чем сумкой без него.

В экспозиционном зале с древними гримуарами стоял собачий холод. Видимо, для старинных книг тепло было губительным... Я когда-нибудь упоминала, что в холоде нимфы, дети вечнозеленых цветущих лесов, начинают неудержимо страдать и моментально зарабатывают насморк? Ашер вел экскурсию для стайки восторженных старушек, которые, как горошины, стремились рассыпаться по огромному помещению. Он говорил поэтично, веско и с большим увлечением, а я возвышалась на полторы головы над старыми юркими леди и энергично страдала.

— Дамы, посмотрите на этот свиток, — указал Ашер на высокий стеклянный куб с парящим в нем желтоватым свитком, отчего-то обгорелым с нижнего края. — Это семейное заклинание семьи Гард из их фамильной сокровищницы, и господин Соверен Гард лично передал свиток в музей! Только представьте, что заклятье было написано еще в те времена, когда Город десяти островов представлял собой дикий архипелаг, отделенный от континента многими милями темной воды.

Стоило услышать знакомое имя, как у меня проснулся совсем недавно приобретенный инстинкт — мелко задергалось нижнее веко. Я страшно боялась, что он начнет развиваться и к нервному тикю, в конце концов, добавится мерзкая изжога, поэтому сделала вид, будто любуюсь на книгу, привезенную в музей с континента.

Пока Ашер пытался собрать разбредшихся старушек возле свитка, мелкой перебежкой, от одного экспоната к другому, я незаметно скрылась в соседнем зале, где было и теплее, и тише... И в самом центре на возвышении горделиво задирал волевой подбородок высоченный каменный мужик. Совершенно, непередаваемо, абсолютно голый! Хоть гравюры к учебникам по человеческому строению снимай.

Кашлянув, я оглянулась через плечо — не прикатилась ли какая-нибудь бодрая бабулька полюбоваться на шедевр островного искусства. Зал по-прежнему пустовал, все престарелые дамы в шляпках блуждали между тумб со старинными книгами и не подозревали, какая встряска для старческой ипохондрии их ожидала буквально через стену.

Вороватым взглядом я скользнула по сильным атлетическим ногам статуи. На пикантном месте, ввергающем в трепет благородных девиц и вызывающем у нимф зудящее любопытство, на том самом запретном месте, которое в книжках деликатно называли «мужским достоинством»... висел носовой платок! Розовый. В белую клеточку. И оценить являлась ли эта часть каменной статуи достоинством или наоборот издевательством над мужским самолюбием было невозможно (не то чтобы мне было с чем сравнивать). Должна признать, когда я обнаружила, что первосортный жених-ягодка вместо свидания притащил меня на собственную экскурсию, даже бровью не повела, а глядя на розовую тряпочку, вдруг испытала нечеловеческое разочарование.

— Любуешься прекрасным? — промурлыкал над ухом знакомый низкий голос.

— Мать моя женщина! — отшатнулась я от Соверена Гарда и немедленно поскользнулась. Вообще, мраморный пол и высокие каблуки — отвратительная комбинация, если некому ловко схватить под локоток и не дать по второму разу подвернуть лодыжку. Реакция не подвела темного мага и в этот раз.

— Осторожно! — Он помог мне вернуть вертикальное положение.

— Как можно подкрадываться к человеку со спины? — огрызнулась я. — Чуть калекой не сделал!

— Я поздоровался, но ты с таким восхищением любовалась Небесным воином, что не услышала.

Между ног Небесного воина помимо розового платка еще имелся просвет. В «сквозную дыру» можно было увидеть, что по другую сторону от изваяния стояли серьезные люди в темных

костюмах, определенно ожидавшие, когда хозяин изучит фасад скульптуры и возьмет направление в... Не знаю, куда они направлялись.

Только я перевела взгляд обратно на изваяние, как носовой платок упал и клетчатой кляксой лег на пол. Я замерла в предвкушении. Вообще обнаженной приятно любоваться в одиночестве, а не в компании всяких Соверенов Гардов.

— Тебя люди не заждались? — без обиняков указала я, что пора отчаливать и дать любопытной нимфе возможность узреть, что там пряталось под розовым покровом.

— Пусть учатся терпению.

— Теперь я понимаю, почему на Тегу такой бардак, — проворчала я. — О каком порядке может идти речь, если хозяин острова никогда не работает?

В отличие от меня он не стеснялся пристально рассматривать поджарую, атлетическую сложенную статую и наслаждаться всеми ее достоинствами, даже сугубо мужскими. Если бы этот человек на прошлой неделе с потрясающим в своей откровенности хамством не заявил, что решил меня сделать любовницей, то я заподозрила бы в нем какие-нибудь странные наклонности, а не страсть к искусству.

— Согласись, что они великолепны, — словно не слыша нарочитого брюзжания, тихо вымолвил Соверен.

— Ты хочешь со мной обсудить эту... к-хм... великолепную деталь? — потрясенно покосилась я на Гарда и указала чахлой гвоздичкой в район ног статуи.

— Небесный воин ими и прославился.

— Шовинизм процветает, — насмешливо фыркнула я.

— Я про уши. — Маг бросил на меня странный взгляд. — А ты?

— И я о них! — мгновенно нашлась я.

Уши действительно находились там, где положено — по обе стороны от скорченного в хмурой гримасе лица. Огромные, острые, вытянутые и воинственно торчащие. Может, мужское достоинство и прикрыли по той причине, что никто не желал полюбоваться этими уродливыми лопухами? Старушки в шляпках залипали на нижнюю половину статуи и не догадывались, что главная ценность оттопыривается гораздо выше, на каменной голове.

— Монументальные уши, — пробормотала я.

— И что ты делаешь в музее? — в голосе Соверена звучал смех.

— Выгуливаю «Домоводство». Цветочек — вот, — подумываю возложить Небесному страннику, — потрясла гвоздичкой.

— Воину, — поправил он.

— Я так и сказала.

К нам приблизился хмурый мужчина и замер неподалеку, намекая, что пора бы Соверену двигаться дальше.

— Идите, господин Гард, — кивнула я, — трудитесь на благо острова.

— Вообще я хотел купить картину, — отозвался он.

— Так идите тратьте деньги честных горожан.

В уголках его капризного рта таилась обаятельная улыбка, готовая в любой момент вспыхнуть и явить очаровательные ямочки, отчего-то страшно меня волнующие.

— Не хочешь со мной?

— Тратить деньги горожан? — изогнула брови. — Я не настолько люблю делать покупки, что бы потом сидеть с тобой в соседних камерах за растрату народных средств.

— Тебе когда-нибудь говорили, что у тебя очень богатое воображение?

— Если кто-нибудь когда-нибудь скажет, что ты умеешь делать комплименты, то знай — тебя льстят, — фыркнула я.

— А еще у тебя не язык, а бритва.

— Наконец-то ты понял, что я тебя пытаюсь отбрить. Иди уже, не заставляй людей нервничать, — кивнула я в сторону безмолвного господина-тени, своим красноречивым видом демонстрирующего, что время поджидает и скоро все картины раскупят.

Соверен все-таки улыбнулся! Сверкнул и ямочками, и смешинками в глазах, обычно хранящих лед. У меня как-то очень подозрительно екнуло в груди. Если бы кольнуло с левой стороны, то я бы решила, что сердце при виде этой обаятельной улыбки напрашивалось на глупости, и страшно испугалась. Но, слава богу, екнуло справа. Значит, снова сработал инстинкт нервного тика.

— Увидимся, Лазрли, — произнес Гард.

— Надеюсь, что нет, — машинально и как-то вяленько огрызнулась я в ответ.

Сквозь зазор между ног воина я следила за тем, как уверенной походкой Соверен направляется к заждавшейся свите. Высокая широкоплечая фигура, упакованная в фасонистые широкие брюки и облегающий черный джемпер, излучала силу и энергию. Никогда в жизни не догадаешься, что в столь шикарную упаковку завернут спесивый болван! И я искренне недоумевала, почему промолчала, что в музей меня привела вовсе не страсть к искусству, а очередное свидание вслепую.

— Госпожа Астор, вот вы где! — вернул меня в реальность оклик Ашера.

Я обернулась. Богарт торопливо семенил в мою сторону. Полы черной мантии развевались и в разрезе мелькали отглаженные брюки.

— Ой, опять платочек упал, — охнул он и поспешно поднял розовую тряпицу.

— Так он здесь, — я неопределенно махнула рукой в сторону обнаженного воина, — не случайно повис?

— Знаете, в музей постоянно приводят учениц из художественного училища... — Ашер выглядел ужасно смущенным. — Они перед Небесным воином собираются и начинают рисовать.

— Слышала, что статуя знаменита своими ушами, — поддержала я беседу.

— Все верно, — нервно улыбнулся экскурсовод, теребя платочек, — только рисуют совсем не уши. Вот и приходится, так сказать, заботиться о девичьей чести и достоинстве. Дайте мне секундочку.

И он потянулся к статуе, встал на цыпочки, но прицепить тряпицу никак не получалось. Мне стало ужасно любопытно, что случится, если вдруг Ашер неловко соскользнет с пьедестала? Оскорбит гордость каменного воина, схватив его за внушительное достоинство? Но Ашер ловко подпрыгнул и сделал стремительный выпад. Розовый платок снова повис там, где он висел прежде, спрятав все самое интересное. В смысле, непотребное.

— Как говорит моя матушка, искусство не знает стыда и скромности... — пробормотал ханжа, отряхивая руки. — Идем в буфет?

Буфет находился под куполом музея и представлял собой небольшое, но приятное помещение со спокойным интерьером. И меньше всего я ожидала обнаружить Соверена Гарда за чашкой кофе. Удивительно, что владелец башни Гард не гнушался заведений для простых смертных. К счастью, он сидел спиной, безразличный и холодный, слушал молодую женщину напротив и не заметил моего появления.

— Госпожа Астор, идемте, — легонько коснулся моей руки Ашер. — Мама ждет.

— Ваша мама здесь? — удивленно поперхнулась я.

Она занимала соседний с Гардом стол и оглянулась через плечо, когда услышала стук каблучков. Острый взгляд прошелся по моей фигуре, и я поблагодарила бога, что надела скромное неприметное платье с пуговичным рядом до самого подбородка.

— Матушка, вы выглядите великолепно, — галантно поприветствовал родительницу Ашер, усаживаясь рядом с ней. Я, как дура, стояла в проходе и молилась, чтобы Соверен не повернул головы. Но он повернул, мазнул по мне безразличным взглядом и словно не заметил.

— Не стойте, госпожа Астор, — поторопил меня Ашер.

Я осторожно села, пристроила возле большой белой тарелки потрепанную гвоздику. Впереди, словно судебные заседатели, готовые начать слушание, восседали мать и сын Богарты, удивительно похожие внешне. Спина к спине сидел Соверен Гард. Теперь я точно знала, как чувствовала себя традиционная анадирийская вафля, когда ее поджаривали на огне между двух фигурных металлических блинов.

— Что-нибудь закажете, госпожа Астор? — между тем спросила мама Богарт.

— Воды, — у меня сел голос. — Только воды.

— Хорошо, заказывайте воду, — милостиво разрешила она, — а моему Шерочке надо покушать. У него ведь очень напряженная работа.

— Ну, что вы, матушка, такое говорите? — поерзал он на стуле. — Всего-то шесть экскурсий в день. Это такая мелочь!

— А у других по четыре, — фыркнула она и потрепала сынулю по гладко выбритой щеке. — Тебе надо хорошо питаться! Иначе сил не хватит нести в мир вечное и прекрасное.

О
, мой Бог!

Вдруг она нырнула под стол и с удивительной проворностью начала выставлять на белую скатерку деревянные расписные ящички для перекусов. Я сама носила похожий сундучок с обедом, когда училась в лицее на острове Анадари.

— Знаете, Шерочка не выносит ресторанный еду, — говорила она, проворными пальцами снимая крышки. — Только домашнее. Я каждый день готовлю свеженькое и приношу ему. Вы же умеете готовить?

— Да, — зачарованно промычала я, обнаружив в одной из коробок пожаренные в масле тигровые креветки размером с мой большой палец. Несчастные создания. Плавали себе в море, никого не трогали и вдруг превратились в обед для Ашера Богарта. Какая ужасная судьба!

— Превосходно, — кивнула мадам. — Кормить мужа — священная обязанность жены! Сегодня четверг — рыбный день. Шерочка кушает дары моря.

Я была настолько ошарашена происходящим, что даже не оскорбилась на ехидное покашливание, донесшееся со стороны Гарда.

Женщина ловко выложила на тарелку перед сыном жареные креветки, подсыпала овощей, потом из извлеченной из-под стола бутылки налила в стакан мутно-желтое питье.

— И обязательно витаминный облепиховый напиток! Мужское здоровье исключительно хрупкое. Согласны?

Исключительно хрупкой у меня была нервная система, чтобы спокойно наблюдать, как Ашер Богарт, маменькина первосортная ягодка (видимо, облепиха), заправляет за воротник льняную салфетку и готовится вкушать, а насчет мужского здоровья — не знаю.

Мама ловко выхватила из его рук вилку:

— Подожди, дорогой! Мы же не знаем, как они их тут моют. Может, вообще не моют, а просто плюют и растирают.

— Ну, мама... — промычал он, стыдливо покосившись на подавальщика, с индифферентным видом следившего за домашним банкетом.

Не обращая внимания на вялое сопротивление со стороны сына, она принялась полировать длинные острые зубцы носовым платочком. Розовым. В белую клеточку.

Проклятье! Теперь я знала с чьей подачи страдало мужское самолюбие Небесного воина! И с этим знанием была готова дать деру из музея, но, словно приклеенная, продолжала восседать на стуле и следить за трапезой.

— Держи, мой мальчик. Кушай с удовольствием, — проворковала маман.

В удовольствии себе Ашер, конечно же, отказывать не стал и начал живенько работать протертыми столовыми приборами. А я зачарованно следила, как «энергичная женщина» подвинула ящичек с жаренной до хрустящей корочки рыбой и начала руками вытаскивать из рыхлой белой сердцевины тонкие косточки. Очищенные ломтики немедленно отправлялись в тарелку к жующему с аппетитом сыну.

— Шерочка совершенно не может есть рыбу с косточками, — причитала она. — Обязательно давится. Ему непременно рыбку надо чистить. Вы же умеете чистить рыбку?

Честное слово, я старалась, как могла, сохранить нейтральный тон, но, подозреваю, интонациями, прозвучавшими в моем голосе, можно было морозить фруктовый лед.

— Я нимфа во втором поколении, мадам Богарт. Мы не едим ничего, что когда-либо бегало, прыгало, плавало и имело глаза.

— То есть в разделке рыбы вы полный ноль? — с неприятной улыбкой уточнила она. — Я подарю вам учебник по домоводству.

— Благодарю, — сухо отозвалась я, — у меня уже есть один. Даже с собой.

Тут мое внимание отвлекло движение за спиной. Сама того не желая, я расслышала, как Соверен проговорил низким красивым голосом:

— Давайте на сегодня закончим.

И он аккуратно поднялся, не задев мой стул, вежливо попрощался со своей сотрудницей. Только я позволила себе перевести дыхание, как Соверен вырос в проходе, высокий и как-то по-особенному кричаще привлекательный на фоне моего потенциального жениха, бодро почавкивающего рыбой. В руках темный маг держал широкий бокал и пузатую бутылку с крепким солодовым виски.

За столом воцарилось удивленное молчание. Шерочка перестал жевать, а сама матушка разглядывала хозяина острова, которого в лицо не знали только слепые, потому что не имели возможности читать газет, с таким выражением, словно каменный небесный воин ожил и пришел в буфет предъявить претензии за розовый носовой платок.

Я осторожно подняла голову.

— Лаэрли? — с непроницаемым видом кивнул Соверен. — Как дела?

Превосходно, подумываю удавиться.

— Господин Гард, давно не виделись, — сухо ответила я. — Что вы тут делаете?

— Добрые дела. — Он поставил передо мной бутылку и бокал. — Не благодари. Тебе это явно нужно.

Соверен посмотрел на Ашера, сидевшего с широко раскрытым ртом, и уронил:

— Приятного аппетита, господин Богарт.

Он развернулся и уверенной походкой направился к выходу из буфета.

— Госпожа Астор, вы знакомы с Совереном Гардом? — наплевав, что этот самый господин вполне мог ее услышать, страшно разволновалась потенциальная свекровь.

— Да, случилось такое неразумение, — неохотно согласилась я.

— Знаете, для кого-то недоразумение, а для Шерочки — отличная карьерная возможность, — прямолинейно высказалась маман Богарт.

— Мама, зачем вы смущаете госпожу Астор? — указал в меня вилкой Ашер.

— Это нормально, когда жена помогает мужу в карьере.

И тут я остро осознала, что без бокала крепкого неразбавленного виски просто не в состоянии переварить все, что увидела и унюхала в обеденных ящичках у Богартов. Но пить решительно не хотелось. Как и многие нимфы, алкоголь я переносила плохо: пьянела быстро, отходила долго, совершала чудовищные глупости, которые во хмелю казались милыми, а на трезвую голову вызвали непреодолимое желание издохнуть от стыда, и в конечном итоге мучилась таким похмельем, что даже Соверену Гарду в сердцах не пожелаешь.

— Тебе необходимы хорошие связи, — наставляла она великовозрастное чадо. — И если невеста хочет позаботиться о семейном благополучии, то обязана представить тебя господину Гарду. С такими знакомствами ты в два счета начнешь руководить музеем. Кто, если не ты? Правда, госпожа Астор?

Тут она взяла розовый платок в белую клетку и принялась заботливо вытирать масляные губы своему отчаянному карьеристу...

Перед мысленным взором немедленно предстала страшная картина, что я, наряженная в лучший кухонный фартук, сижу возле Ашера Богарта. Он поглощает ужин из двадцати пяти блюд, а я подтираю ему розовым платочком слюни и умиляюсь отличному аппетиту, вызванному ошеломительной карьерой.

По коже пробежал мороз.

Дед Астор, при жизни за просто так раздававший отличные советы, однажды сказал, что спасение утопающих дело рук самих утопающих. Пришло время спасаться, пока я не проснулась одним дождливым утром и не обнаружила, что являюсь частью семьи Богарт.

— Прежде чем мы поговорим о семейном благосостоянии, вы должны кое-что обо мне узнать, — выпалила я, и мама с сыном замерли. — Вряд ли мадам Салазар упоминала... Она, если вы заметили, вообще старается говорить о клиентах, как о покойниках, только хорошее. У меня в монетном дворе ссуда, а коттедж на острове Анадари требует капитального ремонта.

— У вас есть долги? — голос мадам Богарт дрогнул.

— И немалые! — наверное, чересчур энергично поддакнула я. — Кстати, по договору в случае моей кончины долг переходит к мужу. А еще у меня есть ребенок!

— Собственный? — Мамаша как-то странно моргнула только одним глазом.

— Не то чтобы собственный, но после свадьбы я собираюсь этого ребенка усыновить. В смысле, удочерить.

— Не рановато ли думать о детях, когда Шерочка еще не стал заведовать музеем? — немедленно принялась шантажировать маман.

— Мама, что ты такое говоришь? — воскликнул Ашер. — Карьера карьерой, но дети — цветы жизни. Мы с Лаэрли превратим твой дом в сад, полный розочек и гвоздичек!

— Я не согласна в своем доме разводить цветники, — непримиримо заявила она.

Они сыпали метафорами и переругивались, а я сидела как на иголках, подгадывая удачный момент, чтобы дать деру и забыть об очередной свадебной неудаче, как о страшном сне.

— Пожалуй, мне пора, — встряла я.

— Вы совершенно правы, госпожа Астор, — согласилась маман, — вам пора. А ты не смей ее провожать, сиди и жуй рыбку! Не для того я три часа стояла у очага, что бы ты оставлял еду на тарелке.

— До свидания, — встала я из-за стола и прижала к груди ридикюль. — Было приятно познакомиться.

— Прощайте, — с выразительной улыбкой намекнула госпожа Богарт, что мы никогда ни при каких обстоятельствах не встретимся.

— Госпожа Астор, цветочек забыли! — окликнул меня Ашер.

— Нет-нет, — оглянулась я, — оставьте себе. Из гвоздик получаются отличные витаминные настойки для мужского здоровья. В общем, не болейте!

Подозреваю, что скоро ко мне прилипнет прозвище «сбежавшая невеста», потому как со второго свидания в буфете я слиняла проворнее, чем из ресторана от отца семьи отравителей.

Музей уже опустел и было не по себе. Казалось, что портреты на стенах незаметно шевелились, а в глубоких тенях, залегших в углах, прятались призраки. Шаги разносились крикливым эхом, пугал любой шорох и даже хотелось запеть, чтобы нарушить пугающую тишину.

Я прошагала между подсвеченных магическими огнями тумб с древними манускриптами, минула проход в зал с Небесным воином и резко остановилась. Потом попятилась назад. Розовый носовой платок по-прежнему висел между ног статуи. Готова поспорить, что скульптор, пару веков назад создавший изваяние, помер бы второй раз от вопиющего попрания естественной мужской красоты.

Оставить несчастного воина страдать от людского ханжества мне не позволила совесть. Ну и, может быть, желание мелко напакостить Богартам. Я чуточку помялась и ринулась к статуе. Сдирать розовое безобразие в прыжке, как это делал Ашер, когда прикрывал воину мужскую гордость, побоялась. Воровато оглядевшись вокруг, я приподняла узкую юбку и оперлась о постамент коленом. Раз! И носовой платок был сдернут. Воин вновь предстал в первозданном виде и утешал женский взор не только чудовищной лопухостью.

— Так-то лучше!

Аккуратно выпрямившись, я одернула юбку, подхватила ридикюль и с независимым видом, словно не совершила акта милосердия, вышла из зала.

Все случилось в один момент! Краем глаза я заметила высокую фигуру, отлепившуюся от стены и сделавшую ко мне широкий шаг. На плечо легла тяжелая ладонь.

— У тебя очень красивые ноги, — промурлыкали почти над ухом.

От страха помутился рассудок. Не издавая ни звука, я размахнулась ридикюлем с увесистой книгой и со всей силы вмазала нападающему по физиономии.

— Женщина, ты рехнулась?! — отпрянул лиходея, и в зале сами собой вспыхнули лампы. Помещение залил ослепительный свет.

Тут ко мне вернулись сознание, зрение и способность соображать. Я замерла с занесенной над головой сумкой и уставилась на покалеченного Соверена Гарда, прижимавшего ко рту ладонь.

— Соверен?

— Ты там кирпич, что ли, носишь? — морщился он.

— Какого демона ты меня пугаешь?! — завопила я, потрясая ридикюлем, и страшный крик эхом отразился от музейных стен. — Просила же не подкрадываться! Зачем до греха доводишь?!

Я была готова огреть его второй раз исключительно ради закрепления мысли, что не стоит пугать хрупкую нимфу, в детстве безжалостно дралась с хулиганами, но Соверен убрал пальцы от лица... Нижняя губа оказалась разбитой до крови, а в уголке рта наливалась нездоровая красота.

— Ой, у тебя... Ба-ба-батюшки, у тебя кровь! — мгновенно растеряв воинственный запал, пролепетала я и полезла в ридикюль за носовым платком.

— Добить меня решила? — с подозрением предположил он.

— Я бы с радостью, но боюсь измять «Домоводство»! — огрызнулась я и протянула розовый в белую клеточку клочок:

— Приложи к ране.

— Это та тряпочка, которую ты сдернула с причиндалов статуи? — отшатнулся Гард.

— Да брось, — полезла я к нему, чтобы промокнуть разбитую губу, — статуя каменная. Она не обидится. Давай кровь сотру.

— Воздержись, — отказался он, ловко перехватывая мое запястье. — Я обязан сохранить самоуважение.

На мой взгляд, мужчине, которому только что вмазали по физиономии ридикюлем, было поздно говорить о самоуважении, но я мудро придержала мысли при себе. И когда Гард не терпящим возражений тоном заявил, что мы немедленно уезжаем из музея, даже ерепениться не стала, а послушно зашагала рядом.

При виде побитого хозяина Марк Тегу, встречавший нас возле экипажа, изумленно округлил глаза, но не позволил себе ни одного лишнего слова и быстро опустил голову. Видимо, догадывался, что первого, кто посмеет неловко покоситься или отвесить неуместное замечание, ждет неминуемый и очень быстрый расчет.

— К дому госпожи Астор, — буркнул Соверен, забираясь в салон.

Экипаж тронулся с места, а маг осторожно прикоснулся к разбитой губе и тихо зашипел от боли.

— Мне правда очень жаль, — тут же объявила я.

— Как нимфа может быть такой воинственной? — не удержался он от возмущения.

— А нечего меня пугать!

Неожиданно карета дернулась. Ридикюль, как живой, выскользнул из рук и плюхнулся Соверену на ногу. Он скривился.

— Больно?

Гард одарил меня хмурым взглядом, мол, ты издеваешься, девица, которую сейчас высадут посреди улицы и отправят домой пешком? Согласна, если бы мне на ногу неосторожно уронили том весом с кирпич, я бы воспользовалась темной магией и, не страдая муками совести, прокляла криворукую нимфу.

За сумкой мы нагнулись одновременно и неизбежно на полпути встретились лбами.

— Проклятье! — охнула я, откидываясь на сиденье, и потеряла ушибленное место. В ярости сверкнув глазами, Соверен ткнул в мою сторону пальцем и... ничего не сказал. Но в этом красноречивом молчании прозвучало столько обидных комментариев, что хватило бы обругать половину острова Тегу.

— Не смей шевелиться! — Подняв ридикюль, он присвистнул:

— У тебя там действительно камень?

— Гранит домоводческой науки.

— Ты никак задумала этой наукой кого-нибудь прикончить, — с такой серьезной миной, что не сразу разберешь насмешку, предположил Соверен. — Или просто готовишься стать идеальной домохозяйкой?

Я даже не огрызнулась, просто насупилась. Пусть видит, гад спесивый, что обидел девушку до глубины души.

Квартал на холме находился всего в пятнадцати минутах езды от музея. Когда экипаж остановился напротив дома, то, глядя на помятую физиономию мужчины, я заколебалась.

— Пригласишь? — тихо спросил он.

— Мой дом по-прежнему чистенький, но бедненький, — не преминула съехидничать я.

— Всегда знал, что нимфы злопамятные.

— Ладно, — буркнула я. — Но только умоешься и тут же уйдешь!

— Лаэрли, ты такая гостеприимная, — усмехнулся Гард и поморщился из-за разбитой губы.

Вдруг припомнилось, как Соверен бережно отнес на руках меня в башню, а потом заставил лучшего знахаря острова Тегу лечить банальное растяжение, и стало нестерпимо стыдно. Но затем перед мысленным взором всплыло воспоминание, как чуть позже он вжимал меня в угол дивана, уверяя, что рано или поздно (лучше рано) затащит в постель, и совесть немедленно заткнулась.

Мы вошли в квартирку, с трудом разминулись в тесном пространстве, толкнули рогатую вешалку, смяли оставленные на проходе домашние тапки Руты и наконец оказались в гостиной.

Надо сказать, с прошлой недели совершенно ничего не изменилось. Я не об обстановке. Понятно, что никто не бросился менять старенькую мебель только потому, что некоторые посчитали ее убогой (каковой она, конечно, и была). Соверен Гард по-прежнему вопиюще диссонировал со скромным домом, выделялся на фоне выцветшей стеной ткани и вытертого дивана, небрежно накрытого перекошенным измятым пледом.

Я немедленно решила, что если гость попутает берега и отвесит хоть один невежливый комментарий моему любимейшему диванчику, то выставлю взашей. Но побитый ридикулем визитер разумно промолчал.

— Умыться можно там, — указала я на приоткрытую дверь. — Сейчас принесу чистое полотенце.

Он скрылся в ванной комнате и тут же крикнул:

— Как зажечь свет?

— У нас вчера перегорела магическая лампа, — отозвалась я. — Там на полке стоит свечка. Зажги ее.

Световой кристалл потух еще зимой, но тратить на новый не хотелось. Мы с Рутой здраво рассудили, что поплескаться в стоячей ванной можно и в полумраке. Все равно, когда моешь голову, закрываешь глаза. Да и мимо собственного тела вряд ли промахнешься — намылишься как миленка.

Я быстро заскочила в спальню и вытащила из старого комода полотенце. Ящик, как всегда, застрял и запихиваться обратно не захотел. Пришлось подналечь бедром. С грохотом комод принял полку обратно, но мстительно прищемил чулок.

В ванной комнате гудели старые трубы и лилась вода. Я постучалась.

— Возьми полотенце.

— Заходи, — ответил Соверен.

В тесном закутке, больше похожем на чулан, горела магическая лампа! Пронзительный, яркий свет заливал каждый уголок и наверняка просачивался через плотную занавеску на окне. Не спрашивайте, который год живем, а до сих пор с соседкой не можем понять сакраментального смысла большого окна, прорубленного напротив ватерклозета.

— О, ты зарядил лампу, — вырвалось у меня.

— Не люблю умываться в темноте, — буркнул Соверен и закрутил вентиль. Несколько раз обиженно хлопнув, кран принялся энергично капать в крошечную, почти кукольную раковину. Я подала побитому гостю полотенце и... взглядом уперлась в аккуратный рядок сохнувшего кружевного исподнего, развешенного на перекладине. Мама дорогая! Как я забыла о том, что накануне устроила постирушки?!

— Ты уже уходишь? — выпалила я.

— Что? — удивленно переспросил Соверен, видимо, не поверив, как стремительно у хозяйки дома иссяк запас гостеприимства.

— Раз не уходишь, значит, надо приложить к губе что-нибудь холодное! — выпалила я первое, что пришло в голову. Уверена, изумленный гость даже не сразу сообразил, что оказался вытолканным из ванной комнаты обратно в гостиную.

— Присаживайся на диван, — распорядилась я и кинулась натягивать съехавший плед на заметно потертую спинку. — Сейчас принесу лед.

Льда в морозильной полке было хоть отбавляй! Он представлял собой выросшую неделимую шубу, стремящуюся выбраться за пределы темницы. Схватив нож, я попыталась отковырять несколько осколков, но наколола только ледяной быстро тающей крошки. Зато удалось отколупать полугодовую отбивную, признать в которой мясо было сложновато даже с моим богатым воображением.

Помявшись, я завернула кусочек в кухонное полотенце, вытащила из шкафа ящичек с лечебными притирками и вышла в гостиную. Соверен удобно развалился на диване, совершенно не смутившись из-за вытертой обивки.

— Приложи, — протянула я сверток.

Гость стесняться не стал и с подозрением проверил, чем ему предлагали убирать отек.

— Мясо?

— Льда нет, — призналась я, пристраивая ящичек со звенящими банками на кофейный столик. — Пришлось завернуть отбивную.

— Почему она выглядит так, словно умерла естественной смертью? — протянул Гард и добавил: — Запах странный.

— Она полгода ждала, чтобы приложиться к чьему-нибудь разбитому рту, — призналась я и сварливо добавила:

— Что ты скривился, как нимфа над тарелкой со шкварками? Тебе же не предлагают ее надгрызть.

Пока он, морщась, прикладывал ко рту холодное, я сдвинула на ящичке крышку и начала перебирать баночки, пытаясь отыскать заживляющее снадобье.

— Тебе он кажется привлекательным? — вдруг прервал молчание Соверен.

— Кто? — не поняла я.

— Экскурсовод.

— Он идет в комплекте с мамой. Выходить замуж за его матушку я не готова морально, поэтому дала обоим отставку.

Наконец найдя нужную баночку, я обмакнула краешек чистой перевязочной ткани в мазь. Чтобы нанести снадобье на губу, пришлось придвинуться к мужчине поближе. С затаенной иронией Соверен следил, за моими неловкими, нервными движениями. По давней привычке, словно обрабатывала разбитую коленку Хэйзер, я осторожно подула на ранку.

— Что ты делаешь? — вкрадчиво полюбопытствовал Гард.

Я замерла, подняла глаза и вдруг осознала, как ничтожно мало расстояние между нашими губами. Отстраниться мне не дали. Сильные руки прижали меня к груди. Вдруг стало ужасно жарко, к лицу прилила кровь. Клянусь, до сегодняшнего дня я считала, что нимфы, если и способны смущаться глубоко в душе, то точно не краснеть.

— Скажи, Лаэрли, — тихо произнес Соверен, — я совсем тебя не привлекаю? Я красив, богат и обладаю властью. Почему я тебе не нравлюсь?

— При чем здесь привлекательность или деньги? Просто я не желаю становиться коротким эпизодом в чьей-то жизни.

— Даже если это будет самый яркий эпизод в твоей? — самоуверенно спросил он.

— Соверен, я вообще-то замуж планирую выйти.

— Как нам могут помешать твои планы? Я не против. Выходи.

Придумать достойный ответ мне не позволили. В комнате прозвучал испуганный голосок Руты:

— Ой, а что вы тут делаете?

Я мгновенно представила, как мы с Совереном, тесно прижатые и мило воркующие, выглядим со стороны, и тут же выпалила:

— Лечимся!

Палец, обмотанный пропитанной мазью тканью, уткнулся в подсыхающую ранку на губе у Гарда. Скривившись от боли, он мгновенно выпустил меня из объятий. Я с такой проворностью от него отпрянула, что едва не съехала с дивана. Нервными трясущимися руками принялась заворачивать крышку на баночке с мазью.

— Добрый вечер, госпожа Шейрос, — как ни в чем не бывало поздоровался Соверен.

— Здравствуйте. — Подруга растерялась настолько, что даже отвесила ему поклон, словно щедрому покупателю в цветочной лавке, приобретаемому огромный букет. — А я смотрю возле дома знакомая карета стоит...

— Господин Гард уже уходит, — объявила я, шумно задвигая крышку на ящичке с лечеными снадобьями, и стрельнула в сторону Соверена выразительным взглядом:

— Правда, господин Гард? Вам надо поскорее вызывать знахаря и... еще немножко подлечиться.

— Откровенно сказать, я бы не отказался от чашечки чая, — нахально объявил он, всем своим видом демонстрируя нежелание отрывать пятую точку от презренного старого дивана и покидать бедненькое, но чистенькое жилище.

— Наш чай все еще пахнет соломой, — мстительно напомнила я о том, как в прошлый раз он кривил оскорбленную мину, когда Рута с перепугу проявила хорошие манеры и попыталась напоить щеголя, привыкшего к чаю, собранному на высокогорных континентальных равнинах, нашим местным пойлом, купленным в лавке тетушки Совы по монете за три унции.

— Обожаю чай со вкусом соломы, — уверил Гард.

— То есть к знахарю вы не торопитесь? — многозначительно изогнула я брови.

— Понимаешь, Лаэрли, в чем дело, — совершенно серьезно пустился он в пространные объяснения, — если я сейчас вызову знахаря, то он начнет задавать неловкие вопросы, поэтому я лучше подержу компресс и подожду, пока спадет отек.

— Ничто не мешает вам, господин Гард, прикладывать компресс по дороге в башню. Полотенце можете не возвращать.

— Но чаем-то меня напоишь? — с небрежной улыбкой спросил он.

— Если вы, конечно, желаете... — процедила я сквозь зубы и потопала в кухню кипятить воду.

Заявив, что просто обязана помочь в сложнейшем процессе приготовления чая со вкусом соломы, Рута сбежала из гостиной. Она хотела закрыть дверь, но постеснялась. Украдкой проверив, чем занимается нахальный захватчик дивана, подруга едва слышно зашептала:

— Почему Соверен Гард ведет себя так, будто это ты подпортила ему физиономию?

Я страдальчески прикрыла глаза и сделала глубокий вдох, стараясь проглотить раздражение.

— Ты разбила ему лицо?! — охнула она и немедленно прикрыла рот ладонью, испугавшись, что побитый аристократ в соседней комнате обладал хорошим слухом. К слову, он им действительно обладал.

— За каким демоном ты запихнула мне в сумку «Домоводство»?! — свалила я вину на цветочную фею.

— Ну, все... — Она резко побледнела и упала на стул. — Мы крепко влипли! Я продала его розы, ты огрела книгой. Нас теперь посадят в каземат и лишат магического дара.

— У меня нет магического дара, — напомнила я, насыпая в чайник большую ложку черной заварки.

— Не повезло, подруга, — с сочувствием цокнула языком Рута. — Раз лишать нечего, сразу отправят на эшафот. Но ты не унывай! Пока будешь сидеть в каземате, я продам твой старый коттедж и найму лучшего в Городе судебного заступника. Как-нибудь отвоюем пожизненное заключение.

— Рута! — перебила я.

— А?

— Достань коробку с печеньем.

— Не смей кормить его печеньками! Ты их пекла не для Соверена Гада... Тыфу, ты! Гарда! — горячо зашептала она. — Да твои печенья способны довести человека до греха чревоугодия! Вдруг ему так понравится, что он пустит корни на нашем диване?

— Тогда просто подарим ему диван, — буркнула я.

Пока соседка лазала в полку за жестяной банкой с песочными печеньями, я сняла с раскаленной конфорки чайник и залила заварку кипятком. Запах старого прогорклого чая, вызывавшего изжогу, а не желание насладиться вкусом, наполнил кухню.

На подносе затеснились чайная пара, вазочка с медом на тот случай, если Соверен предпочитает подслащенное питье. Я положила на тарелку немного рыхлого песочного печенья, крошившегося в руках, и вынесла в гостиную.

— Господин Гард, вам добавить мед? — спросила я, наливая в чашку еще бледный, плохо заваренный напиток. Выглядел чай, мягко говоря, неприглядно, но опыт показывал, что лучше пить бледненькую жижу, чем ядреный крепкий настой. От последнего начинал дико биться пульс и во рту появлялась горечь.

— Не люблю сладкое, — отказался он.

— А аллергия на цветочные ароматы у вас есть? — вдруг выпалила Рута.

— Не страдаю, — сухо отозвался он.

Вдруг вспомнилось, как недавно мы с подругой придумывали легкий и, главное, уголовно ненаказуемый способ выкурить Гарда из квартирки. Неужели Рута решила проверить?

— Тогда, может, вас накормить ужином? — немедленно предложила подруга, и я поперхнулась на вдохе. — У нас есть отличная говяжья отбивная. Очень сочная и свежая! Она, конечно, одна, но что не сделаешь для дорогого гостя. Хотите поджарю?

— Вы о той самой замороженной говядине, которую я вместо льда прижимаю к лицу? — насмешливо уточнил Соверен.

— Так вы уже знакомы с нашей отбивной... — разочарованно протянула цветочная фея.

Подозреваю, что Соверен почуял неладное. Вернув полотенце с растаявшим куском мяса, он шустро засобиравшись на выход. И сбежал восвояси, даже не испробовав печенья. Мы с Руткой плюхнулись на жалобно скрипнувший диван.

— Надо же, — покачала она головой, — знала бы, что его так пугает еда, тут же побежала что-нибудь готовить.

Глава 4

Ритуал сжигания неприятностей и чайной заварки

«Я узнаю твои секреты...» Соверен Гард

«Ты узнал мой секрет. Тебе теперь полегчало?» Лазрли Астор

Весенний каталог снимали с раннего утра и до вечера. Гравировальщик, худой пронырливый тип с острыми глазами, суетливо скакал возле укрепленного на треноге магического гравирата, отдавал резкие указания, размахивал руками. И все время по привычке называл меня Тамарин.

Зал, где проходило суматошное действо, напоминал гравировальный ад. Белошвейка Мика носилась с платьями, мастер по прическам Сати то и дело пыталась поправить мне волосы или подмазать губы коралловой помадой. Арлис энергично нервничала, чашку за чашкой хлебала крепкий кофе с кардамоном и к окончанию съемки уже была неспособна усидеть на месте. А не к месту упомянутая Тамарин, где бы она ни находилась в этот день, скорее всего издыхала от икоты.

Когда последний образ запечатлели на стеклянной пластине, мы с облегчением выдохнули. На радостях хозяйка дома мод, проявив нехарактерную щедрость, отсыпала нам всем выходной. Мысленно я понеслась на вокзал за билетом на утренний дилижанс до Шейросской низины, а потом по торговым лавчонкам купить кучу мелочей, заказанных девочками из приюта, но в комнату для переодеваний заглянула Арлис... Сати как раз пыталась превратить воронье гнездо у меня на голове в нормальные волосы.

— Не распускай прическу, — тихим вкрадчивым голосом приказала хозяйка, и мастер нерешительно замерла с гребенкой в руках, ловя мой взгляд в зеркале. — Мы идем в ресторацию с господином гравировщиком, поэтому не переодевайся.

Наряд на мне был не менее эпохальный, нежели приснопамятное серебряное платье, павшее смертью храбрых на площади Гард. Да и трапезничать в компании скользкого типчика не возникало никакого желания.

— У меня планы, — спокойно отказалась я.

— Тамарин всегда ездила, — заметила Арлис и немедленно вышла.

Хотела бы я предложить взять с собой Тамарин, но, к сожалению, она страдала от икоты где-то в другом месте.

— Что делать с волосами? — испуганным шепотом спросила Сати.

— Расплетай, конечно.

Я без колебаний переоделась в собственный брючный костюм и в глухо застегнутую зеленую блузку, делавшую мои глаза неестественного цвета неспелого яблока. Арлис только губы недовольно поджала, когда я уселась в карету. А что? Сама на прошлом показе доказывала клиенткам, что этой весной без брючного костюма и зеленого блузона любая женщина — это простушка, вывезенная с провинциального острова Рут. Она же не догадывалась, что костюм мне достался от мамы, а блузка куплена с уценкой в лавке готового платья.

Мы с Арлис ехали в натужном молчании, но тишину заполнял гравировальщик. Пожалуй, его было даже слишком много. Он беспрерывно сыпал комплиментами в мой адрес и машинально пытался заглянуть в декольте, надежно спрятанное застегнутым до подбородка пуговичным рядком. Не замолкал болтун и в дорогой ресторации, где нам принесли заранее заказанные помощницей Арлис блюда.

Передо мной поставили широченную, как крышка от квашни, тарелку с крошечной, буквально в одну столовую ложку, горкой салата, чуточку приправленного кунжутными семечками. Почему нельзя сделать наоборот? Маленькую тарелочку и очень много огурцов, пусть и настриганных тонкой соломкой? Ломтик к ломтику целый огурчик соберется, а тут один хвостик, поди, нашинковали. Я в раннем детстве больше ела!

— Почему вы не хотите попробовать отбивную, госпожа Лаэрли? — причмокивал губами гравировальщик. — Фигуру блюдете? Удивительно аппетитная штука, поверьте!

— Я нимфа, господин гравировальщик, и не перевариваю мясо, — сухо отказалась я от «питательного» угощения.

— Господи, да вы просто не умеете его вкусно есть! — убежденно заявил он и жестом фокусника бросил сочащийся соком и кровью кусочек отбивной на мою микроскопическую салатную горку, которую я даже разворошить не успела.

Подозреваю, что древний лесной народ убивал только за то, что рядом кто-нибудь вздумал облизываться на мясо, а если предлагал оскоромиться нимфе, то все — считай выписал путевку на тот свет. Уверена, самоубийца немедленно подвешивался вниз головой на ветку священного дуба.

— «Не перевариваю» — это не фигура речи, — сухо заметила я. Тарелку пришлось отодвинуть, зато появился хороший повод слить.

Честное слово, побеги из рестораций и буфетов стали моим новым увлечением! Некоторые платочки вышивали, другие носочки вязали, а я из элитных жрален, простите мой анадарийский, улепетывала, зажав под мышкой ридикюль.

— Мне надо в дамскую комнату припудрить носик, если вы не против.

Судя по лицу хозяйки, она была категорично против. Остаться один на один с прожорливым гравировщиком, которому для колоритной компании предоставили фигуристую нимфу, Арлис не желала и в душе наверняка досадовала, что не успела воспользоваться удобным предложением для тихого отступления. Она пригубила красное вино и с натянутой улыбкой кивнула:

— Конечно, дорогуша. Не задерживайся.

Мы обе знали, что увидимся теперь только в доме мод.

Сдержанно извинившись, я подхватила сумку и, озабоченно посматривая на наручные часы, взяла направление в дамскую комнату. На середине пути сделала вид, будто у меня сбилась компас и нырнула за занавеску в соседний зал.

Ресторация называлась «Золотое яблоко» и представляла собой широкое кольцо, завернутое вокруг сердцевины служебных помещений. Чтобы незаметно сбежать, надо было пересечь анфиладу залов, украшенных в континентальном дворцовом стиле. Я шагала, радуясь собственной хитрости, и тут краем глаза заметила за столиком возле окна знакомые мужские плечи... Понятия не имею, почему узнала именно эту часть тела Соверена Гарда. Затылок, к примеру, у него тоже весьма запоминающийся.

Спесивый болван ужинал в компании девицы в скромном платье. Беседа велась тихая, еда на столе стояла — дорогая, вино, судя по всему, тоже не из дешевых... В душе шевельнулось незнакомое чувство, подленькое, невнятное, как будто кто-то коготком царапнул. Гард каждый раз возникал на моих смотрилах, наблюдал, язвил и заставлял страдать! Как теперь мимо-то пройти и не испоганить томный вечер?

Буду считать, что в мире все-таки существует высшая справедливость, а я просто — ну — небесный воин этой самой справедливости. Хотя и не каменный лопухий мужик с носовым платочком между ног. А нимфа, живая и страшно недовольная открытием, что Соверен Гард, когда не пытался меня соблазнить, ходил на свидания со скромными девушками, которые наверняка получили прекрасное образование и никогда не ругались матом, если подворачивали ноги. Не потому что не хотели материться, а просто не умели. Сидели печальные на кожаном диване в логове злодея и вытирали беззвучные слезы. В общем, не девушки, а полная противоположность мне.

С лучезарной улыбкой я зашагала в сторону парочки. Они синхронно обернулись и уставились на небесного воина — подвалившую ниоткуда нимфу — в немом изумлении. Девушка точно удивилась.

— Добрый вечер, — вымолвила я низким грудным голосом.

Возникшая пауза была достойна большой сцены в Академическом театре острова Тегу!

— Лаэрли? — уточнил Соверен, будто не доверял собственным глазам.

— Как дела? — одарила я мужчину мягкой улыбкой и грациозно скользнула на стул. —

Наслаждаешься вечером, милый?

Соверен подавился вином, схватил салфетку и приложил ко рту.

— Постучать, любовь моя? — немедленно проворковала я, и он безнадежно помахал рукой.

Боже! Я была гениальна в роли ревнующей любовницы! Может, стоило идти не в манекенщицы, а в лицедейки? Вдруг сцена — мое призвание?

— Мы не знакомы, — обратилась я к сопернице, то есть противнице. — Я Лаэрли Астор, подруга Соверена. В смысле, близкая подруга.

— Очень приятно, — ошарашенно пролепетала она с другого конца стола.

— А мне не очень.

Выкручивайся теперь, спесивый гад, как хочешь! Доказывай своей образованной благородной девице, что ты не крутишь романы с яркими, как экзотические цветы, легкомысленными нимфами!

— Лаэрли, — обратился ко мне Соверен, наконец проглотив и кашель, и вино, — госпожа Тэнсон — помощница стряпчего семьи Гард.

— У нас деловая встреча, — с таким непроницаемым видом, что сразу и насмешки не распознаешь, кивнула она.

— Деловая встреча? — по-глупому повторила я, словно пыталась разгадать значение этих нелепо сложных слов.

Небесная воительница? Высшая справедливость? Ха-ха три раза! Я не на стул в ресторации села, а в глубокую лужу!

— Знаете, не буду мешать деловому разговору... — пробормотала я, с трудом справляясь с желанием от стыда провалиться сквозь землю. — Пойду-ка я дальше. К-хм... На выход.

— Нет-нет! — Девушка немедленно начала собираться. — На самом деле мы уже прощались. Господин Гард, благодарю за содержательную беседу и за ужин. Госпожа Астор, как бы то ни было мне все равно приятно познакомиться.

Она слиняла. Мы остались за столом. В молчании.

— Она дипломатичная, — наконец выдавила я, чувствуя себя не «небесной воительницей», а просто душой. — Сразу видно, что помощница стряпчего.

— Любовь моя? — не преминул съехидничать Гард. — Лаэрли, ты такая забавная, когда ревнуешь.

— С чего бы мне тебя ревновать? — презрительно фыркнула я. — Забудь, что я говорила. Хотелось тебя вывести из себя, а не насмешить.

— Какие планы на вечер?

— Для начала сбежать из ресторации, пока меня не поймали и не вернули.

— Очередной кандидат в мужья?

— Если бы, — уклончиво ответила я.

Светло-карие глаза Соверена смеялись. Не понимаю, почему при первой встрече они показались мне обычными. В его глазах танцевали бесята, вспыхивали смешинки, лед — больно жалил, гнев — прожигал насквозь. Кто в здравом уме посчитает такие глаза ничем не примечательными?

— Что собираешься делать потом, когда успешно сбежишь?

— Пройдусь по торговым лавчонкам.

— Возьмешь меня с собой? — быстро спросил он, глянув из-под ресниц.

— Господин Гард, это лавочки, куда ходят простые смертные. В них ничего дороже золотого не продается. Я к тому, что тебе будет просто не на что тратить народные капиталы. Ни дорогих картин, ни статуй.

— У меня был долгий день, и я не против его закончить в компании остроумной нимфы, — усмехнулся он.

— Что ты имеешь в виду, говоря «закончить день»? — насторожилась я.

— Не то, о чем подумала ты, но направление мыслей мне импонирует.

— Приятного вечера в компании бутылки элитного вина, господин Гард, — решительно поднялась я из-за стола, а когда он не последовал за мной, то оглянулась:

— Ты идешь? А то скоро все торговые улицы опустеют.

Когда я только начала ездить к маленькой Хэйзер, то собирала с собой в Шейросскую низину вещи, которые мне лично казались очень нужными маленькому ребенку: одежду, чулки, игрушки, обувь. Но старая карга Драмлин быстро объяснила, что таким подаркам никто не рад. Даже сама малышка. Из-за них зачастую возникали конфликты. К сожалению, человеку, выросшему в семье, поначалу сложно понять детей из приюта.

Вскоре я поумнела и начала привозить всевозможные гостинцы, которые можно было поделить. Леденцы, лакричные палочки, жевательную смолу с фруктовым вкусом, маленькие мятные шоколадки в жестяных банках, сладкие витаминные пилюли. Пекла обожаемые Хэйзер песочные печенья. Позже прибавился список обязательных мелочей, составленный маленькими жителями «Солнечного ветра».

Обычно закупалась заранее, но на выходной Арлис расщедрилась неожиданно. Пришлось обойти не одну торговую лавчонку, чтобы отыскать все, что было указано в списке. Соверен принимал активное участие в каждой покупке. Спорил из-за цвета булавок. Доказывал, что для рисования надо брать цветные восковые грифели. Из четырех одинаково белых лент он пятнадцать минут придирчиво выбирал самую белую. И — проклятье — один из самых богатых магов острова торговался, как жадная сварливая домоправительница! Будто отдавал за дешевую ленту последнюю монетку, хотя я тратила только свои деньги.

Список закончился, торговая улица постепенно пустела, зажигали фонари. Возле крошечной едальной я невольно притормозила. Из открытых окон струился потрясающий аромат горячего рагу с пастой из красного перца. Знакомые с детства пряные запахи вызвали желание схватить ложку и начать черпать горячее варево прямо из котелка.

Все-таки оставить нимфу голодной — это совершить смертный грех. Мы же страдаем от холода, голода или недосыпа так, словно завтра планируем издохнуть. К слову, от всего сразу страдать не получается, только строго по очереди, иначе нервной системы не хватит.

— Лаэрли? — оглянулся через плечо Соверен.

— Ты когда-нибудь ел острое анадарийское рагу? — выпалила я. — Пойдем! Я сегодня неплохо подзаработала на съемке гравированных карточек, поэтому угощаю.

— Нет! — категорично отказался он приобщиться к прекрасному. — И, честно говоря, я почти уверен, что завтра ты сляжешь с отравлением, если решишься что-то съесть в этой забегаловке.

— Нимфы совершенно не восприимчивы к ядам.

— Зато темные маги очень даже восприимчивы.

— Не хочешь есть, можешь просто вкусить ароматов.

— Понюхать, что ли?

— Торжественно клянусь, что от запаха анадарийского рагу с перцовой пастой еще никто не умер! — приложила я ладонь к груди.

— Слева, — хмыкнул Гард.

— А?

— Когда клянутся, руку прикладывают слева, а не справа.

— Да? Я путаю лево и право, — пожала я плечами.

— Как можно перепутать, где у тебя бьется сердце?

— А ты знаешь, что такое сердце? — фальшиво охнула я. — Думала, что злодеев ими обделяют. Сердцами.

— Кажется, я готов оскорбиться, — беззлобно хмыкнул он.

И знаете, что? Соверен Гард дождался, когда я открою перед ним дверь едальной! Только решишь, что он нормальный мужик, не без закидонов, но еще не потерянный для общества, однако присмотришься повнимательнее... Понимаешь: не ошиблась. И впрямь, спесивый болван, просто замаскировался. Сразу так хочется приложить священным «Домоводством», что руки зудеть начинают.

Едальная оказалась крошечная, темная и с низким потолком. Стены густо усеивали анадарийские орнаменты. Мы уселись по разные стороны одного из трех свободных столиков. Он шатался. Хозяйка проворно подложила под ножку сложенный в несколько раз газетный

листик и принялась влажной тряпкой стирать крошки со столешницы. Смотреть на Соверена, следившего за ее бурным проявлением «сервиса», было по-настоящему больно. Не сомневаюсь, что он мысленно перечислял болезни, которые уже подхватил, просто перешагнув порог дешевой забегаловки.

Я бодро сделала заказ и вскоре между нами выросли общие миски с рагу, овощами и крупно нарезанный салат из зеленых листьев, политый лимонной заправкой.

— Приятного аппетита, — улыбнулась хозяйка и поставила перед опешившим Совереном высокий бокал с темным пивом:

— От заведения. Вы оба такие красивые! Кушайте на здоровье.

Когда я взялась за вилку, на лице аристократа появилось выражение достойное мамочки Богарт, готовой отполировать носовым платочком отдельно каждый вилочный зубчик, а столовую ложку не только протереть, но проверить на свет отражение.

— Ты это все съешь? — изогнул он брови.

— Не сомневайся. — Я положила себе в тарелку понемногу каждого блюда. — Сегодня в мой салат уронили мясо и оставили меня без еды. Не будешь?

— Не люблю овощи.

— Не любишь сладкое, — припомнила я, — не ешь овощи... Знаешь, как говорят на острове Анадари? «Не выносите диких виверн? Вы просто не умеете их готовить».

Рагу оказалось не просто горячим, а огненным! От неожиданности кусочки выпали у меня изо рта.

— А знаешь, как говорят на Тегу? — немедленно прокомментировал Соверен. — «Можно вывезти девушку из Анадари, но Анадари из девушки никогда».

— Это говорят про остров Рут, — сухо поправила я.

— К Анадари тоже подходит, — стараясь скрыть ехидную улыбку, он машинально прихлебнул пиво и с уважением посмотрел на кружку. — Достоинно!

— Ты, главное, закусывай, — хмыкнула я.

Через некоторое время мы вышли из едальной на узкую пешеходную мостовую. На Город опустилась темнота, на каменных улицах запалили фонари. Воздух заметно остыл. Соверен сделал быстрый жест рукой, что-то приказывая невидимому охраннику. К нам немедленно подъехала карета. Страж спрыгнул с козел, разложил ступеньку и открыл дверцу, украшенную гербом семьи Гард.

— Забирайся. Я отвезу тебя домой, — кивнул Соверен.

Судя по всему, охрана весь вечер следовала за нами по пятам, просто я оказалась настолько увлечена покупками и, может быть, чуточку взбудоражена компанией спесивого болвана, что не заметила ненавязчивого сопровождения. Подозреваю, за мной они следили так же, тихо, неощутимо, стараясь не спугнуть и не вызвать возмущения. Разве что Марка Тегу в карете присылали, чтобы усыпить бдительность норовистой нимфы.

Когда карета остановилась на пригорке возле моего дома, то я попрощалась:

— Удачи, Соверен.

В салон кареты проникал тусклый фонарный свет. Лицо мага терялось в глубоких тенях. Он пристально наблюдал за мной и, казалось, чего-то ждал. В необъяснимом напряжении я подхватила корзинку с подарками, купленную в одной из лавчонок, когда куча мелочей раздула бока ридикюля и не позволила защелкнуть застежку.

— Это был необычный вечер, — тихо произнес Гард.

— Вечер со мной стал самым ярким эпизодом в твоей жизни? — не преминула съехидничать я и на этой позитивной ноте сбежала из кареты.

Фонарь возле дома неприятно мигал и потрескивал, невольно привлекая внимание. Я машинально задрала голову, и огонек погас, на мгновение ослепив меня уличной холодной темнотой. За спиной раздались поспешные шаги. Я оглянулась. Мгновением позже Соверен обнял теплыми ладонями мое лицо и прижался сухими губами к моему приоткрытому от изумления рту. Быстро, поразительно нахально и вызывающе самоуверенно.

Одно долгое сладкое прикосновение.

Из ослабевших пальцев выпала корзинка, а потом из-под мышки ридикюль. Хорошо ничего бьющегося с собой не носила и даже «Домоводство» накануне вытащила...

Он отстранился и прошептал мне на ухо:

— А теперь это самый яркий эпизод — в твоей.

В ответ я выразительно моргнула. Губы горели, как от жгучего перца. Соверен развернулся и энергичным шагом вернулся в карету. Дверца закрылась, экипаж тронулся, застучали по брусчатке колеса.

Первый дилижанс в Шейросскую низину уходил ранним утром, и мне повезло отхватить последний билет. Я заскочила в салон буквально за минуту до отправления и, невольно растолкав сонных недовольных пассажиров, плюхнулась на единственное свободное место возле плохо закрытого окна. Пришлось до носа замотаться шарфом. Карета тронулась. Прикрыв глаза, я отчаянно не думала о том, кто целовался так самонадеянно и умело, что захватывало дух.

Хэйзер встретила меня восторженным визгом. Шапка набекрень, ярко-красные пряди лезли в глаза, на маленьком личике радостная улыбка. Вместо переднего зуба — дыра.

— Выпал вчера вечером! — важно пропыхтела она, тут же задрала пальто и полезла в карман платья. На ладонке она протянула мне зуб. — Вот!

— Ты решила мне подарить зубик? — уточнила я с осторожной улыбкой.

— Да нет же, Лэри! — заливисто расхохоталась девочка. — Какой прок его дарить тебе?

Нянечка сказала, что надо положить зуб под подушку, и зубная фея поменяет его на леденец. Но я доверяю только тебе! Передай фее. Конфету потом привезешь. Главное, не съешь.

— Так вот почему сегодня на кухне появилась банка с леденцами! — протянула я. — Похоже, фея догадалась, что ты передашь зуб через меня и уже принесла конфеты.

Я вытащила из корзины с гостинцами жестяную банку с леденцовыми шариками, красиво завернутыми в разноцветные фантики.

— Ой, Лэри! Как здорово! — от радости Хэйзер снова зарычала раскатистое «эр». — Можно я угощу подружек?

— Только не ешьте сразу все, а то обедать не захочется! — прикрикнула я улепетывающей малышке. Подружки моментально бросили скакалку и с восторгом накинлись на нехитрое угощение.

Хэйзер я навещала на прошлой неделе, но возникало странное ощущение, будто с тех пор прошла целая вечность. С неожиданным появлением в моей жизни темного мага, главы семьи-основателей, каждый день шел за три! Честное слово, будто сослали на трудовую повинность на рудники по жутко вредной для здоровья добыче огненного камня, из которого выпиливали конфорки для кухонных плит.

О существовании племянницы я узнала из записки. Девочка лишилась матери, а легкомысленный папаша-нимфа без мук совести позволил забрать малышку в «Солнечный ветер», о чем и предупредил в коротеньком послании прежде, чем свалить в неизвестном направлении, едва срослись ребра, а ноги вернули достаточную подвижность, чтобы дать деру из Города десяти островов. Уверена, что пока я разбираюсь в оставленном Трэном бардаке, он прекрасно живет где-нибудь на континенте и не вспоминает о дочери.

— Лаэрли, вы приехали! — Нянечка, присматривавшая за воспитанницами на прогулке, улыбнулась.

Поздоровавшись, я кивнула на корзинку:

— Кое-что привезла девочкам.

Детей в «Солнечном ветре» проживало немного — их быстро отдавали в приемные семьи. Надолго задерживались только «пустышки», не имеющие дара. Мне повезло, что магия Хэйзер оказалась поздней и пробудилась только к шести годам, когда я уже имела право забрать малышку. Осталось обзавестись мужем...

Через час начинался урок музыки, а пока дети играли на свежем воздухе. Мы с нянечкой следили за веселой суетой, а между делом она рассказывала, что моя девочка не желала учить азбуку и все время таскала в комнату демоненка, которого называла Кыш. Хитрая тварь постоянно забиралась в кухню, пугала повара и вообще чинила всевозможные безобразия.

— А вчера, представляете, своровала отбивную из тарелки у дамы из конторы по усыновлению! Чета с острова Эльба приехала смотреть на Хэйзер... — Нянечка резко осеклась и бросила на меня виноватый взгляд.

— Они приезжали смотреть на мою племянницу? — К горлу подступила желчь и голос моментально сел.

— Вы не волнуйтесь! Они передумали брать вашу малышку, — немедленно уверила меня нянечка. — Знаете, Хэйзер — хорошая девочка, но тут в нее точно демон вселился. С теми людьми вела себя так, что наставница пригрозила закрыть ее в чулане. Мышь эту ушастую даже на натравила...

— Пожалуйста, скажите Хэйзер, что я отлучусь на минутку поговорить с мадам Драмлин, — перебила я сердобольную женщину.

Наверное, идти к старой карге, умирая от желания кого-нибудь прикончить (желательно старую каргу), было дурацкой затеей, но меня искрило от ярости.

— Лаэрли, — остановила меня нянечка, — умоляю, только не говорите, что узнали о смотрах от меня. Вы же сталкивались с мадам! Она выставит меня взащей и глазом не моргнет.

— Не переживайте, — одарила я собеседницу мрачной улыбкой. — Ни за что не доставлю ей такого удовольствия!

Я остановилась в мрачном коридоре перед обшарпанной дверью кабинета наставницы «Солнечного ветра» и мысленно досчитала до десяти. Помогло мало. Стук даже мне показался сердитым и требовательным. Не дождавшись разрешения, я бесцеремонно вломилась в кабинет, неприятно пахнущий старым чердаком.

— Госпожа Астор, я не разрешала войти, — объявила старая карга, не отрываясь от изучения какой-то раскрытой на столе папки.

— Значит, я плохо расслышала.

Стуча каблучками по дощатому полу, я нахально пересекла кабинет, пристроила корзинку возле стула и без спроса уселась.

— Доброе утро, мадам Драмлин.

— Здравствуйте, — с тяжелым вздохом она сняла с носа очки и вперила в меня прямой недобрый взгляд. — Как проходит подготовка к свадьбе?

— Не настолько бодро, насколько вы пытаетесь пристроить мою племянницу в приемную семью, — дала я понять, что наслышана о маневрах ведьмы.

— Кажется, я не совсем вас понимаю, Лаэрли, — ледяным тоном вымолвила она.

— А я полагаю, прекрасно понимаете.

Подозреваю, моя «вежливая» улыбка походила на оскал.

— Вы намекаете, будто я оспариваю ваше право на воспитание девочки? — вздернула брови Драмлин.

— Нет, конечно, — покачала я головой. — Закон един для всех. Так ведь?

— Да, и его придумывала не я! — Голос старой карги был тихим и острым, как нож для колки льда. — В Городе десяти островов сирот, обладающих даром, отдают в семьи, где по крайней мере один супруг владеет магией.

— Месяц назад такого правила не было. Я могу наизусть прочитать свод.

— Это закон здравого смысла, госпожа Астор, — отрезала она. — Скоро Хэйзер потребуются уроки по управлению магией. В приюте нет учителей, способных показать маленькому ребенку, как не поранить себя и не причинить вред окружающим.

— Поэтому я уже подобрала очень неплохую магическую школу недалеко от дома, — заметила я.

На кабинет опустилась напряженная тишина. Было слышно, как в коридоре шушукуются и хихикают дети. Мы с ведьмой буравили друг друга пристальными взглядами.

Честное слово, я терпела три долгих года. Заискивала, юлила и даже изображала из себя дурочку, но что-то последняя неделя выдалась такая нервная, а уж вчерашний вечер побил все рекорды... Я набрала в грудь побольше воздуха и решила заговорить о взятке, как Драмлин нарушила молчание:

— Пару дней назад в моем кабинете появился господин, который расспрашивал о Хэйзер и очень живо интересовался ее тетюшкой-нимфой из известного на острове Тегу дома мод. — Она сморщилась, с трудом проглотив некрасивое «дом терпимости». — Впервые на моей памяти, госпожа Астор, сбор информации о невесте называют подготовкой к свадьбе.

Внутри завязался крепкий узел. Не возникало сомнений, кому понадобилось копаться в моей жизни. Похоже, Соверен Гард выяснил обо мне все. И историю с Гилбертом Эммотом теперь тоже знал...

Из «Солнечного ветра» я возвращалась в сумерках. Дилижанс, курсирующий между центральным вокзалом и Шейросской низиной, трясся на неровной дороге. За окном проплывали скучные пейзажи. Вдалеке виднелись низкие горы, густо поросшие колючим кустарником, по бледному вечернему небу ветер гонял облака. На душе скребли кошки.

Никогда не забуду страшной ночи, когда в нашу с Рутой квартирку вдруг постучались. По-особенному тяжело, тревожно. Стоило открыть дверь, как мне на руки упал избитый до полусмерти Трэн. Денег на лечебную магию не было, нам пришлось позвать аптекаря, разбиравшегося в снадобьях и порошках. Но несмотря на все усилия, старший брат пришел в себя только через сутки. Он рыдал и лепетал в горячечном бреде, что задолжал страшным людям крупную сумму. Трэну Астору — крышка, если они не получат деньги назад. До сих пор помню, как брат хрипел: «Что мне делать, Лаэрли? Что?!» Откуда мне знать, что делать? Я только отпраздновала восемнадцатую весну, похоронила деда, переехала на Тегу и мечтала учиться в академии. Я ничего не знала о реальной жизни!

Тогда-то судьба свела нас с Гилбертом Эммотом, владельцем монетного двора, одного из крупнейших в Городе десяти островов. Сделка казалась до смешного простой: он дает мне денег, а я появляюсь с ним на людях, красивая, юная и по мере возможности смотрю на мужчину втрое старше себя влюбленными глазами.

Что постыдного в том, чтобы сопроводить в ресторацию аристократа? Он не требовал чего-то больше, не покушался на мою невинность, а хотел отомстить супруге, открыто закрутившей роман с молоденьким прехорошеньким нимфом. Предложение показалось божественным благословением. Особенно, если учитывать, что на кону стояла жизнь Трэна.

Месяц спустя у Гилберта случился удар. Еле выкарабкался. Жена вернулась к приболевшему супругу и потребовала от «любовницы» выплатить весь долг до последнего злого. До сих пор считаю, что я легко отделалась. Подумаешь, заставили вернуть деньги и потрепали имя. Некоторые люди живут без рук и ног, а уж испорченное реноме, на моей памяти, вообще никого не убило. Меня в том числе.

Почти три года я аккуратно отдавала ссуду и надеялась, что история потускнела под слоем пыли, но появился Соверен Гард и в обычной нахальной манере распахнул дверцы шкафа со спрятанным скелетом. Надеюсь, этот самый скелет выпал удачно и ударил черепашкой точно в лоб спесивому болвану! Осталось понять, почему я так сильно расстроилась.

Домой вернулась уже в темноте и обнаружила Руту сидящей на крыльце в тусклом круге света от ночника. С несчастным видом соседка куталась в вязаную кофту, шмыгала носом и поджимала колени. Ярко-красный бант на светлых волосах выглядел пожухлым печальным цветком и сполз на ухо.

— У нас заклинило дверь? — осторожно поинтересовалась я.

Рута трагически покачала головой.

— Он

снова явился? — намекнула я на Соверена Гарда, и губы моментально защекали. Господи, неужели теперь не только его имя нельзя произносить всуе, но даже о нем думать?! Но подруга, шумно высморкав в платок покрасневший от холода нос, драматично прошептала:

— Вот ты сейчас сказала, и я вдруг поняла, как была бы рада видеть Гарда. Но пришла твоя сваха.

— Мадам Салазар? — зачем-то уточнила я, хотя других свях, конечно, не знала.

— И еще этот... из музея. Честное слово, он один в один, как на гравированной карточке. Захочешь — не перепутаешь.

— Ашер здесь? — Я почувствовала, как меняюсь в лице.

— С мамой.

— И она?! — охнула я, вдруг поймав себя на желании крепко обнять корзинку и сбежать обратно в Шейросскую низину — попросить у старой карги политического убежища для преследуемой нимфы.

— Они еще папу с собой привели, — продолжила Рута. — И, по-моему, он единственный адекватный человек, потому что тоже не понимает, что делает среди этой подозрительной компании. Его глаза молили о помощи! Слушай, мужика точно надо спасать.

— Надеюсь еды они с собой не принесли... — Вдруг представилось, что квартет подминает задом старенький диванчик и с аппетитом наворачивает из расписных ящичков жаренные в кунжутном масле креветки, и немедленно захотелось нахальных захватчиков разогнать. Взяли привычку заваливаться в чужие дома и жрать, простите мой анадарийский, в чисто убранных гостиных!

— Они привезли гвоздики, — неопределенно кивнула Рита. — Мама жениха почему-то думает, что это твои любимые цветы. Я, конечно, попыталась намекнуть, что мы родились на острове Анадари, а там гвоздиками украшают только поминальные залы и склепы, но она совершенно не понимает намеков.

— В общем, ты их всех вместе с похоронными цветочками оставила в нашем доме, — резюмировала я. Естественно оставила, если жметя на крылечке бедной сироткой, вышвырнутой за дверь жестокими родственниками.

— Полагаешь, только у нимф развит инстинкт самосохранения? — огрызнулась Рута. — Знаешь, какие они странные и страшные! А воровать у нас все равно нечего. Пока не уйдут, в дом не вернусь!

Она обняла лестничный столбик, всем видом демонстрируя, что не сдвинется с места и помогать в освобождении нашего жилища от захватчиков не собирается.

— Ладно... — направились я к двери.

— Ты куда? — жалобно позвала подруга. — Не ходи!

— Предлагаешь оставить их ночевать у нас в гостиной? — проворчала я и, широко открыв входную дверь, переступила через порог. Расстегнула пальто, пристроила у стены корзинку и вздохнула поглубже, пытаясь выудить из головы хотя бы одну приличную мысль, как очистить помещение от неожиданных гостей.

Появление хозяйки встретилось гробовым молчанием. Я обвела комнату быстрым взглядом. Мадам Салазар оккупировала кресло. Похоже, дыра в сиденье ее засосала. Сваха, может, была бы рада подняться, чтобы размять затекшие ноги, но без посторонней помощи справиться с коварным креслом сумел только один человек — не менее коварный Соверен Гард.

Наша мебель вообще ему подчинялась, как ручная: кресло выпускало из дыры, диван не скрипел, чашки не бились, а кран позволял умываться теплой водой. Лично меня подобной привилегией одаривали редко.

Матушку Богарт теснили с двух сторон сын и, вероятно, муж. Судя по страдальческой мине, он действительно не понимал, что делал в чужом доме, и как-то по-особенному трогательно обнимал большой букет гвоздик. Удивительно, что свекровь на цветочки не поскупилась.

Когда я нарисовалась в дверном проеме и громко поздоровалась с захватчиками, в смысле, неожиданными гостями, Ашер, демонстрируя хорошие манеры, немедленно поднялся. Папа тоже хотел встать, но не удалось — он поскользнулся, неловко завалился обратно и тут же вжался в угол дивана, пытаясь слиться с обивкой.

— Госпожа Астор, а вот и вы! — чуточку заикаясь от волнения, объявил Ашер.

— Всегда возвращаетесь к ночи? — недовольно добавила его матушка.

— А мы нагрянули к вам спонтанно, — с нервной улыбкой выстрелила предупреждающий взгляд в сторону недовольной мадам сваха. Какая наглая ложь! Неужели я не догадаюсь, что провокация тщательно спланирована?

Возникла странная пауза. Гости чего-то ждали. Наверное, когда я спрошу, за каким демоном — ой, — по какому замечательному поводу тесный коллектив собрался в моей скромной гостиной. И самое главное, почему именно в моей? Но я прикусила язык, догадываясь, что вряд ли хорошие люди приходят без предупреждения всей семьей и с цветами. Да и присутствие свахи недвусмысленно намекало...

— Вы присаживайтесь, — наконец нашелся Ашер, указывая на клочок дивана возле своей мамы.

— Пожалуй, принесу табурет из кухни, — немедленно отказалась я толкаться локтями и бороться за диванные права с мадам Богарт. Все равно она победит.

Так и уселась в расстегнутом пальто, на старом табурете с распатанными ножками перед всей честной компанией.

— Итак, что вас довело... привело в мой дом? — с любезной улыбкой поинтересовалась я.

— Милая Лаэрли, — деловым тоном начала сваха, — сегодня Ашер прислал мне восторженное письмо о том, что очарован вашей красотой, независимостью, вежливостью и... к-хм... красотой

Удивительно, как ничтожно мало хороших качеств имеется у нимфы с большими долгами и желанием взять на воспитание племянницу. Что говорить, красота спасет мир и Шерочку Богарта от мамочки.

— Я вас благословляю! — взяла переговоры в свои руки мама. — Господин Богарт тоже. Правда, папа Шерочки?

— Так и есть, дорогая, — проблеял он.

— Боже мой, что мы тянем и мнемся? — всплеснула ухоженными руками мадам Салазар. — Давайте просто назначим дату.

— Чего? — хлопнула я глазами, чувствуя, что происходит нечто серьезное, а я как последняя дура никак не уловлю сути.

— Помолвки, конечно же! — воскликнула она.

— Чьей помолвки? — переспросила я и глянула на взволнованного Ашера:

— Нашей помолвки?

— Шерочка, действуй! — величественно кивнула мама.

Он снова вскочил с дивана и решительно шагнул в мою сторону. Невольно я сжала деревянное сиденье и быстро подвинулась вместе с табуретом, неприятно проскрежетав по дощатому полу ножками.

— Только не надо вставать на колени! — вырвалось у меня.

— А что же тогда делать? — растерялся Шерочка.

— Сесть на диван? — почему-то прозвучало вопросительно. — Или даже на стол! Он из железного дерева и точно выдержит. Хотите — пристраивайтесь на полу, я вчера как раз убиралась.

Жених замялся. Взгляд забегал между матушкой и госпожой свахой. Ни та, ни другая не торопились давать подсказок. Потоптавшись на месте, он все-таки пристроился обратно, втиснувшись между маминим боком и подлокотником. В который раз в комнате стало очень тихо и конфузно. А Рута все еще мерзла на крыльчке...

— Дел неуворот. — Мадам Богарт слепо плыла на своей волне. — Нужно составить список гостей и обязательно не забыть о господине Гарде. Он будет почетным гостем.

— Отличная идея! — деятельно поддакнула сваха. — Вообще, Лаэрли, вы же сирота. Пусть господин Гард ведет вас под венец.

Под мой венец?! Он скорее подведет меня под монастырь! Я подло и сильно подавилась на вдохе. Так раскашлялась, что слезы из глаз полились. Ни в одном страшном сне не могло привидеться, чтобы Соверен, наряженный в дорогой костюм, провожал меня к алтарю в трясущиеся от волнения руки Ашера Богарта, которому мама прямо перед ритуальным камнем подтирала розовым платочком слюни!

— На следующей неделе мы организовываем званый ужин, где и объявим о помолвке, — продолжила мадам Богарт. — Вы же передадите господину Гарду приглашение?

— Зачем? — слабо выдавила я.

— Ради карьеры будущего мужа...

— Уважаемые, придержите коней! — вырвалось у меня.

Хотела сказать что-нибудь политесное вроде «дайте мне секундочку прийти в себя и осознать, что я в дурдоме», но получилось резко, грубо и очень категорично. Зато действительно! Замолчали абсолютно все, и даже часы на комоде перестали басовито тикать. Никак снова закончился завод.

— А чего тянуть? — прервала паузу маман. — Шерочка хочет красивую нимфочку и хорошие знакомства, а я хочу, чтобы он женился. Холостого мужчину никогда не выберут смотрителем музея. Вы нам подходите. Гордитесь, госпожа Астор!

— Нет я, конечно, горжусь, — уверила я, — но мне не подходите — вы.

— Что значит, не подходите? — охнула сваха.

— Это мы-то не подходим?! — воскликнула мадам Богарт.

— Мама, тише, — забормотал Ашер, — а то у вас сердце прихватит.

И только господин Богарт прятался за большим веником гвоздик.

Кажется, я начинала понимать истинное назначение букета. Если мы сейчас не сговоримся, а мы не сговоримся, то эти цветочки тут же пойдут на мои похороны...

— Вы встретились с моим сыном, — начала перечислять матушка, — понравились ему, заставили тащиться господина Богарта с цветами на другой конец острова, а он человек немощный! Мог просто сидеть в конторе и писать циферки в счетную книгу.

— Это все сделала я? — пробормотала я себе под нос.

— И вы говорите, что не хотите выходить за Шерочку замуж? Чем же мой сын плох? — прищурилась она. — В отличие от вас, у его есть высшее магическое образование!

Все! Пришло время признаний.

— Я подозреваю, что не смогу сжиться с его мамой.

В комнате воцарилась зловещая тишина. Было слышно шумное сопение Богартов. Всех разом.

— Шерочка, — дрогнувшим голосом прошептала мама, — мы уходим! Вставайте, господин Богарт, нам здесь не рады! Цветы заберите с собой, пригодятся.

Они выходили шеренгой, друг за дружкой, заставив Руту испуганно вжаться в лестничные перила.

— Знаете, госпожа Астор, мой Шерочка — это ягодка высшего сорта! — оглянулась в тесном холле мадам Богарт. — Он недолго проходит в женихах. Клянусь, что пришло вам свадебную карточку, чтобы вы увидели, чего лишаетесь!

— Буду за Ашера искренне рада, — согласилась я. — Карточку присылать не надо.

Сваха, сохранявшая принужденное молчание, вдруг притормозила рядом со мной и тихо произнесла:

— Я отказываюсь с вами работать!

— Спасибо. У меня не выходило придумать, как сказать, что вы уволены, — искренне поблагодарила я, и у Салазар вытянулось лицо. — Деньги можете оставить. Главное, больше никого не приводите ко мне домой.

— До свидания, — жалобно пробормотала Рута вслед оскорбленным гостям и юркнула в тесный холл.

Я поспешно захлопнула дверь, навесила крючок и обнаружила, что плетеная корзина исчезла. Похоже, мадам Богарт решила, что в ней будет удобно возить обеды для Шерочки.

— Они стащили мою корзинку, — пожаловалась я. — А ты говоришь, что воровать нечего.

— Давай вешалку подвинем, — предложила подруга.

Видимо, мы немножко сошли с ума, потому что действительно попытались сдвинуть с места тяжеловесного гиганта, сделанного из железного дерева. Вешалка накренилась, как сломанная штормом корабельная мачта, и косо врезалась в стену, пробив стенную ткань и перекрыв проход. Некоторое время мы в молчании смотрели на безобразную баррикаду. Теперь к нам в дом точно никто не сможет войти. Выйти тоже будет проблематично.

— Надо ее выпрямить, — задумчиво предложила я.

— Утром поправим, — воспротивилась Рута. — Вдруг они решат пробиться боем и еще что-нибудь свистнуть.

— Переплюнь, — буркнула я. Мы синхронно поплевали через плечо, как было принято на острове Анадари, и постучали по деревяшке. Вернее, я постучала о дверной косяк, а Рута — себе по лбу. Странная, право слово, привычка.

— Кстати, как ты сумела их выкурить из нашей гостиной? Опрыскала цветочными духами или предложила отбивную? Вчера я ее обратно заморозила, — сказала она, поднимая упавшие с накрененной вешалки шарфики.

— Призналась, что не хочу выходить замуж за маму Ашера.

— И что она? — прыснула в кулачок Рута.

— Смертельно оскорбилась.

Среди ночи меня разбудил запах горелых трав. Спросонья плохо соображая, я приоткрыла глаза и приподнялась на локтях. Комнату заливала темнота, размытыми тенями высилась громоздкая старая мебель, но под дверью дрожала неровная полоска света.

Поднявшись с кровати, я выглянула в гостиную. С дымящейся плошкой в руках мою дверь окуривало потустороннее создание в белом саване и с тремя вороньими перьями, воинственно торчащими из головы. Тишину спящего дома разрезал истеричный визг двух девиц. Я

отпрянула в спальню, а привидение швырнуло в мою сторону курильницу. По полу рассыпалось нечто тлеющее и воняющее так, что хоть мертвых выноси.

— Господи боже мой! — схватилось создание за сердце. — До обморока доведешь!

— Ты что делаешь? — наконец признала я подругу.

— Провожу ритуал очищения жизненного пространства от неприятностей, — развела она руками, намекая на нашу квартирку.

В гостиной щедро горели свечи, а в воздухе витал густой дым.

— Что ты спалила? — размахивая перед лицом ладонью, сморщилась я.

— Как что? Всего понемножку... — проворчала она, но вынужденно призналась: — В кастрюле на кухне сожгла чай.

— Весь?! — ужаснулась я и ринулась в кухню.

— Я там окошко открыла, — уверила она, семена за мной следом.

Казалось, что в небольшом помещении случился пожар. Воздух был сизым от дыма, даже в носу засвербело, а на глаза навернулись слезы. Удивительно, как соседи среди ночи не позвали пожарников с водовозом, а заодно отряд стражей! Может, в отличие от меня, им повезло ночевать в каком-нибудь другом доме?

— Зачем ты его палила? — раскашлялась я и спрятала нос в рукав ночной сорочки.

— Во сне ко мне пришла бабка Шейрос и сказала, что дурных гостей привлекает наш чай. Я встала и его сожгла!

— А бабка Шейрос не сказала, что если тебе приперло избавиться от заварки, то ее можно просто выкинуть? — рассвирепела я.

— Ну... — замаялась шаманка, — ты же знаешь, что бабка вообще была любительницей чем-нибудь комнаты задымить.

— Да она курила табак и таскалась с трубкой по дому! — рявкнула я. — А твоей матушке врала, что изгоняла злых духов.

— Она курила табак, порченный злыми духами, прямо как наш чай!

— Это был элитный табак. Хорошо, что во сне бабка сказала чай палить, а не курить. Иначе ты забила бы самокрутку?

— Ворчишь один в один, как моя матушка! Вот чем чай хуже табака? — встала в позу подруга. — Дымит не хуже!

— Зато воняет так, что глаза слезятся.

— Конечно, это запах сгоревших неприятностей, — попыталась выгородиться Рута. — Они сейчас выветрятся, а потом на нас снизойдет неудержимое счастье!

— Надо открыть окна в гостиной, пока на нас галлюцинации не снизошли, — пробормотала я. — И свечи погасить. Только пожара нам не хватало.

Как представила полыхающую голубенькую занавеску и обугленный с одного края любимый диван, даже дурно сделалось. Никогда бы не подумала, что сгоревшая заварка могла так невыносимо вонять. словно шаманка-самоучка сжигала не чай, а трупы злых чайных духов!

— Подожди, я еще не закончила ритуал, — спохватилась Рута. — Я призываю в наш дом приличного мужика, а то тебе всю неделю достаются какие-то неприличные. Один старый, другой маменькин сынок, а третий вообще Соверен Гард. Как ты без ритуала собираешься замуж выходить?

— Найду новую сваху. По рекомендации, а не по объявлению в газете.

— К-хм... — Рута почесала затылок и одно перо скособочилось в сторону. — Так, конечно, тоже можно.

Пришлось открыть не только окна в гостиной, но и входную дверь, сначала в четыре руки с грохотом вернув вешалке вертикальное положение. Поджигательнице пришлось до утра бдеть воров на диванчике, пока злые духи несчастий неохотно изгонялись вместе с дымом и зловонием. Наутро шаманка проснулась безнадежно простуженная, а я с трудом оторвала голову от подушки — к рассвету на меня напала жесткая мигрень. Не помог ни один обезболивающий порошок.

Едва открылась аптекарская лавка, как я стояла возле прилавка и требовала с доброго дядюшки, всегда подсказывающего действенные снадобья, что-нибудь от горловой жабы, а заодно от головной боли. Лучше два в одном, но я не придиралась, можно и отдельно. На обратном пути

заглянула в почтовой ящик и обнаружила письмо из монетного двора. Меня просили срочно приехать.

Пока Рута, обвязавшая горло длинным полосатым шарфом, тихо страдала на диване, прихлебывая пустой кипяток за неимением чайной заварки, я поспешно собиралась в монетный двор. Голова трещала как проклятая, а из зеркала на меня смотрело измученное бледное создание с синяками под глазами.

Я даже не сразу сообразила, о чем толкует сердитый счетовод. Сидела на жестком стуле перед громоздким конторским столом, таким чистым, будто за ним никто не работал, и напрягалась, вслушиваясь в быструю стрекочущую речь собеседника.

— Госпожа Астор, ваша ссуда полностью погашена, — объявил он и, кажется, впервые за все время, что мы были знакомы, изобрази пусть натянутую, но улыбку.

— Как погашена? Когда? — тупо переспросила я, решив, что ослышалась. Мало ли, какие органы чувств способна притупить сгоревшая чайная заварка.

— Вчера.

— Могу я увидеть копию расписки? — попросила я.

На минуту, пока счетовод отлучился за документами — всего на одну безумную минуту, — я позволила себе думать, что деньги вернул старший брат Трэн. Но когда открыла любезно протянутую папку и проверила бумаги, то поняла, что в ритуале по изгнанию неприятностей, даже если Рута очень старалась, что-то явно пошло не так (может, чай был испорченный?). В графе для росписи стоял летящий, но узнаваемый росчерк Соверена Гарда.

Он оплатил мой долг.

Глава 5

Контракт на должность любовницы злодея

«Ведьма!» Соверен Гард

«Злодей!» Лаэрли Астор

Приемная Соверена в башне Гард напоминала его личные покои: сдержанная, лаконичная, с дорогой мебелью и идеально ровными выкрашенными стенами с репродукциями Города десяти островов. За столом из красного дерева работал секретарь, мужчина средних лет, который на прошлой неделе привез мне золотое платье. Я сидела на краешке жесткого дивана, больше похожего на обитую темной тканью широкую скамью и ждала, когда до меня снизойдут. Три часа. Он нарочно подчеркивал, что не рад моему появлению, и я ощущала себя так, будто постепенно сливалась с интерьером.

Из кабинета бочком, словно боясь повернуться к Гарду спиной, выбрался полнотелый господин с багряными пятнами на одутловатом лице. Он поклонился напоследок и плотно закрыл дверь. Потом возвел глаза к потолку и осенил себя божественным знаменiem.

— Господи, помоги... — пробормотал он и бросился к секретарю: — Что сегодня с его настроением? Накидывается, как адский демон! Вы бы хоть предупреждали, а то так недолго до разрыва сердца дослужиться!

Помощник с индифферентным видом плеснул в стакан воды из хрустального графина и передал взбудораженному клерку. Тот принял жадно пить.

— Дорогой мой, ну, вы же знаете темных магов, они всегда остро реагируют на плохую погоду, — со вселенской печалью в голосе сказал он. — Может, и дождь сейчас пойдет...

Мужчины синхронно повернулись к окну, даже я не утерпела и бросила быстрый взгляд через плечо, хотя по дороге из банка в башню оценила прекрасную погоду. Площадь Гард озаряло весеннее солнце, а небо поражало лазурной чистотой — ни одного облачка.

Тяжело поохав на судьбу бесправных подданных, клерк убрался восвояси, а секретарь спрятал в кожаную папку аккуратную стопочку каких-то документов и отправился в логово «адского демона». Приемная окончательно опустела. Похоже, слух о дурном настроении Гарда разлетелся по коридорам со скоростью ветряной оспы в осажденном замке, и народ затаился за конторскими столами. Наверное, инстинкт самосохранения у служащих башни был развит не хуже, чем у потомков лесного народа.

Дверь в кабинет открылась, резко и как будто даже неожиданно, заставляя меня вздрогнуть. Я ждала появления Соверена как на иголках, а потому не удержалась и вскочила с диванчика, прижав к животу ридикюль. От резкого движения в затылке нехорошо заныло, а перед глазами смешалось. Однако вместо темного мага вновь увидела секретаря.

— Господин Гард готов вас принять, — дали мне высшее дозволение перешагнуть через порог чистилища башни.

Кабинет поражал размерами, естественным освещением, дороговизной и богатой библиотекой. На стене висел потемневший от времени портрет Криса Гарда. Лицо знаменитого темного мага, пожалуй, знал каждый житель Города десяти островов по гравюрам в учебниках истории. Он одним из первых приплыл к архипелагу на легендарном корабле «Солнечный ветер».

Его потомок сидел на широком письменном столе из мореного дуба и не потрудился подняться, чтобы поприветствовать гостью. Я остановилась, вдруг почувствовав неуверенность, которой ни разу не испытывала по отношению к Соверену. Проклятье, да я вообще не припоминала, когда в последний раз вела себя столь нерешительно!

— Присаживайся, Лаэрли, — указал он на длинный полированный стол для переговоров в другом конце кабинета.

Я была сбита с толку. За эти дни мне приходилось видеть Соверена Гарда разным: самоуверенным нахалом, прямолинейно заявившим о нескромных желаниях, флиртующим ловеласом, собеседником, живо и остро парирующим колкие шуточки. Один человек с немыслимым калейдоскопом лиц. Но подчеркнуто отстраненным — впервые.

— Ты заставил меня ждать три часа, и я уже должна идти, — перенимая холодный тон, отказалась я от долгой беседы.

— Иди, — согласно кивнул он. — Договорись с моим помощником о встрече на завтра, тогда не придется ждать.

— Послушай... — Я осеклась и резко выпалила:

— Ты оплатил мой долг!

— Ты ошиблась.

— Твоя роспись стояла на документах!

— Я не оплатил, а

купил

твой долг, — уточнил он. Разница была очевидна даже ребенку.

На некоторое время в кабинете повисла оглушающая тишина. Мы встретились глазами.

— Все еще торопишься или присядешь? — снова предложил Соверен. Он решил начать торг. Кто я такая, чтобы отказывать ростовщику?

— Конечно, — с трудом разлепила я губы и с прямой спиной прошагала к столу. Плюхнула ридикюль на отполированную до блеска крышку. Не заботясь о сохранности наборного паркета, шумно выдвинула стул и села.

Рядом с сумкой легла тонкая кожаная папочка с золотым тисненым гербом семьи Гард. Соверен с видимым комфортом устроился на соседний стул, сложил руки на груди, вытянул ноги. Он был не только хозяином кабинета, но и хозяином положения.

— В монетном дворе я возвращала долг частями. Надеюсь, ты не станешь увеличивать проценты...

— Я хочу все деньги разом, — перебил он.

— Ты издеваешься? — охнула я, вперив в него обвиняющий взгляд.

— В течение месяца, — добавил он, похоже, получая извращенное удовольствие от измывательств над беззащитной нимфой. Как жаль, что «Домоводство» не со мной. Руки зудели огреть злодея!

— Где я найду такие деньги за месяц?

— А это не моя проблема, милая нимфа Лаэрли Астор, но решение могу подсказать. — Он указал на папку.

Я неохотно потянулась за ней. Рука предательски тряслась.

— Не пойми неправильно, — буркнула, — руки дрожат от ярости.

— Не сомневаюсь.

В первый момент, когда я пробежала быстрым взглядом по документу, вложенному в папку, решила, что из-за утренней мигрени помутилась рассудком. Внутри лежал договор о найме на работу Лаэрли Астор сроком на месяц. На вакансию любовницы. Сумма вознаграждения за оказанные услуги равнялась моему долгу. Вместе с уже выплаченными частями и даже немножко больше. Щедрость Соверена Гарда поражала в самое сердце.

Осторожно я закрыла папку и со злой иронией спросила:

— Почему только на месяц? Испытательный срок?

— Войдем во вкус — продлим.

— Зачем ты это делаешь, Соверен?

— Зачем? — с неискренней задумчивостью повторил он. — Не понимаешь?

— Не понимаю. — Брезгливо отброшенная папка проехала по полированной крышке стола.

— Я хочу тебя.

— Да неужели?! — воскликнула я, но моментально прикусила язык, прикрыла глаза и медленно досчитала до пяти, чтобы сдержать kloкотавший в груди гнев. Помогло слабенько.

— Я пришел к тебе и попытался быть честным. Ты испугалась, что тебя осудят, если согласишься сразу? — Очевидно, что риторический вопрос ответа не требовал, в голове Соверена головоломка «Лаэрли Астор» уже сложилась воедино, пусть она и походила на отражение в кривом зеркале. — Ты хотела играть, я играл. Но мне наскучило, и я купил тебя.

— По-твоему, я что, корова, чтобы меня покупать?! — искренне вознегодовала я.

— А со стариком Гилбертом ты не колебалась. Его жену до сих пор перекашивает при одном упоминании твоего имени. Забавная история.

Он говорил, а в глазах стоял лед. Похоже, ничего забавного в истории он не находил. Впрочем, как и я. Не сделавший ничего плохого, не обязан оправдываться или доказывать людям, что он не хитрая жадная горгулья. Тогда почему так сильно, до глубины души ранило, что Соверен Гард считал меня продажной девкой?

Я никогда не была ничьей любовницей, не выманивала обманом деньги. Бог мой, да я хранила невинность для мужа и каждый месяц отдавала половину жалования в счет погашения долга, спасшего жизнь Трэну. Хоть нимб над головой зажигай и причисляй к лику святых!

— То есть... — голос сел. — Ты посмел собрать на меня досье, обнаружил уязвимое место и воспользовался этим?

— Из твоих уст это звучит так, будто я тебя принуждаю.

— Разве нет?

— Ну, я никогда не записывался в хорошие люди. — Он улыбнулся, сверкнув ненавистными ямочками, совершенно неподходящими негодяю. — Если тебе проще согласиться, сделав вид, будто я тебя принудил. Хорошо, я не против. Подумай, Лаэрли, это отличная сделка. Лучше, чем та, которую ты заключала с Гилбертом. По крайней мере, в конце я не попрошу возвращать этих денег и помогу решить твои проблемы.

— Ты все время машешь у меня перед носом решением каких-то проблем, как призрачной морковкой, — скривила я губы, — но, если вдуматься, то до твоего появления у меня и проблем-то не было.

— А племянница в сиротском приюте? — быстро переспросил он, без колебаний ударив в болевую точку.

— И что, ее ты тоже купишь? — со злостью спросила я.

— Хочешь?

Я резко поднялась со стула, схватила ридикюль и, громко стуча каблуками, направилась к двери.

— Лаэрли, — мягко позвал он, сама не пойму, зачем обернулась, — когда ты успела воспитать в себе гордость? Год назад? Два года назад?

— Соверен, — с трудом изобразила я улыбку, — провались-ка ты в ад! И договор свой прихватить не забудь.

Хотела поступить, как воспитанный человек, тихо и оскорбленно закрыть дверь, но от злости шарахнула так, что у секретаря выпали из рук папки. Странно, как на окнах не задрожали стекла.

Когда Рута, с потрепанным любовным романом лежавшая на диване, увидела меня входящей в гостиную, то охнула, вернее, проскрипела хриплым, как несмазанные полозья, голосом:

— Ты рано.

— Показ! — простонала я и рухнула на жалобно скрипнувший диван, едва не придавив подруге ноги. — Я совершенно забыла об утреннем показе!

После целой ночи проветривания в комнате стоял собачий холод. В воздухе все еще витал горьковатый запах горелого чая, и затаившаяся в основании черепа мигрень, снова вернулась. Виски немедленно заломило.

— Господи, что такого случилось в монетном дворе, если ты даже про работу забыла? — удивилась подруга. — Они хотят, чтобы ты оплатила остаток?

— Нет, Рута, — покачала я головой. — Они продали мой долг.

— Кому? — округлила глаза цветочная фея.

— Соверену Гарду.

— Уф, — вздохнула она и откинулась на подушку. — Не зря я вчера жгла чай! Видишь, как повезло. Поздравляю подруга, ему эти деньги, как медяшка. Надо же! Выглядит полным кретином, а — поди ж — хороший парень.

— Да, хороший парень предложил мне расплатиться телом.

— А?

— Составил контракт на вакантную должность любовницы, — бесцветным голосом рассказала я, вперив взгляд в разноцветные гравированные карточки в рамках, расставленные на крышке комода. — Он узнал об истории с Гилбертом.

— Но вы с Гилбертом Эммотом не были любовниками!

— Да, но Соверен-то об этом не знает.

— Почему ты ему не сказала?

Я бросила на подругу ироничный взгляд. Мол, наивная анадарийская колдунья.

— Подлец! — решительно кивнула она.

— Спесивый болван, — добавила я.

— Злодей! — провозгласила подруга и начала выпутываться из пледа. — Мы должны отомстить!

— Как ты себе представляешь месть Соверену Гарду?

— Слепим его восковую куклу и заколем булавками!

— Полагаешь, поможет? — развеселилась я.

— Ты права, — задумалась самопальная шаманка. — Наверняка у него стоит такая защита, что ее не пробьешь даже золотыми иголками. Но на кофе мы точно должны посмотреть. Вдруг нам предскажут его скорейшую кончину? Тогда проблема решится сама собой...

— У нас нет кофе.

— На чайной заварке! — немедленно передумала она и тут поникла: — Проклятье! Я же чай сожгла... Может, призовем бабу Шейрос и спросим совета?

— Ты точно светлая?

— Ладно, ты права, — сдалась Рута. — Бабу Шейрос будить себе дороже, потом обратно в вечный сон не загонишь. Может, призовем бабулю в гостиной Гарда?

— Ага, — фыркнула я, — в приемной.

На следующее утро к Арлис отправилось жалобное письмо, что несчастная звезда весеннего каталога второй день лежит больная на голову... в смысле, страдает мигренью и не поднимается с кровати. Разве что изредка измученным духом возникает в кухне, чтобы проглотить очередное снадобье. Наплевать, что прежде я не пропустила ни одного показа и вообще отличалась крепким здоровьем, как у молодой горгульи. Пришло время собираться в башню Гард и красиво бесчинствовать, если ничего другого не оставалось.

С упорством, достойным лучшего применения, я расчесывала волосы черепашным гребнем, пока копна не превратилась в блестящий темный каскад. Подвела глаза черными стрелочками, втиснулась в ненавистное золотое платье и вышла к подруге, поддерживая неудобный наряд на груди.

— Застегни!

— Ага. — Она соскочила с дивана и проворно справилась с мелкими крючками.

Платье, перешитое Микой, сидело идеально. Скромный вырез, оставляющий простор для фантазии, скрывал грудь. Тонкий блестящий материал подчеркивал женственные изгибы, а рукава перестали врезаться подмышки. В глазах моментально вспыхнули блестящие звездочки. Если бы радужки окрасились желтым пигментом, выглядело бы жутковато, как раз распугивать клерков в коридорах башни Гард.

Я намазала губы алой помадой, превратив рот в кричащий мазок. Выглядело агрессивно и оглушительно. В стародавние времена древние нимфы всегда надевали красивые наряды и ярко красились перед тем, как совершить месть. Правда, они-то рисовали горизонтальные полосы на щеках, но будет странно заявиться к властному болвану полосатой.

Через зеркало я увидела, как бледная, словно при смерти, Рута из дверей следила за тщательными сборами.

— Не делай этого! — тихим, еще сохранившим сиплость голосом горячо забормотала она. — Не порть себе жизнь! Он, конечно, мерзавец, но за убийство Соверена Гарда тебе грозит смертная казнь. Подумай еще раз!

— Чего? — наконец вернула я дар речи.

— В смысле, чего? — растерялась подруга. — Ты надела золотое платье и приготовила туфли на шпильке, подвела глаза и накрашила губы. Сразу видно, что или соблазнять его собралась, или кроваво мстить. Ты ведь не хочешь его соблазнить? В середине дня — это неприлично.

— Рута, ты порошков от боли в горле не переела? — уточнила я.

— Ну, может, проглотила парочку лишних... — замялась она и засеменила за мной следом, когда я направилась в кухню, где в жестяной банке, припрятанной в шкафу, мы хранили наши скудные хозяйственные сбережения.

— Зачем ты забираешь наши деньги?

— Хочу сделать первую выплату по долгу. Пусть знает, что меня нельзя купить, как деревянную коняшку, — хмуро сказала я, запихивая несколько ассигнаций в крошечную сумочку. Жаль, что объемный ридикюль, куда легко помещалось священное «Домоводство», смазывал образ ослепительной мстительницы. Нет-нет, с потрепанным ридикюлем под мышкой источать надменность и выпячивать оскорбленную гордость было решительно невозможно!

— Ты там не замерзнешь? — жалобно причитала Рута, пока я обувала туфли на шпильках.

— На улице весна, — подбодрила я сама себя.

— Весна — когда ты в плаще, а в одном платье — это не подогретая зима, — протянула она со столь трагичными интонациями в голосе, словно отправляла меня на смерть и прощалась навсегда. — Ты же ненавидишь холод!

— Не обледею. Помнишь, как говорила бабка Шейрос? — Я поправила платье. — Красота требует жертв.

— Мне она говорила, что женщина рождается или умная, или красивая. И всегда так жалостливо по голове гладила.

— Это потому что тебя — она считала умной.

И все-таки Рута оказалась права... Весна-то в этом году наступила неправильная, холодная! Природа с ума сошла, если согласилась оживать в столь отвратительную погоду. Покрытые слабым зеленым пушком деревья грелись в солнечных лучах. Пробивались сквозь толщу земли несмелые зеленые травинки. Им всем было тепло. А дитя природы, гордая нимфа, синела от холода. Как-то в эпичный план по эффектному вторжению в личное пространство спесивого властного болвана никак не входила смерть от переохлаждения.

В пойманный кеб я забиралась с видом «на обшипанном грифоне не подлетишь, на хромой виверне не подъедешь», но едва извозчик закрыл дверцу, как плюнула на гордую осанку, скукожилась на сиденье и начала трястись. Одно радовало: если верить энциклопедии, дрожь — это самопроизвольное сокращение мускулов для согревания тела и внутренних органов (не спрашивайте, откуда мне это известно). В общем, сидя в холодном пахнущем кошками и

чужими резкими духами салоне, я самопроизвольно, без печки и шарфа, отогревалась. Зато страдать от уязвленного самолюбия уже была не способна.

К площади Гард это самое сокращение мышц в теле унялось, разве что подрагивало веко. Видимо, проснулся нервный тик, заметно обострившийся с приближением к властному злодею. Из наемного экипажа вышла уверенная в себе, дерзкая нимфа, в платье, в солнечных лучах блистающем, как хвойное дерево в канун разлома годов. Народ сворачивал головы. Охранники пропустили в здание без вопросов. Вернее, спросили, к кому я такая красивая заявляюсь, но не услышали ответа, потому что втроем зачарованно смотрели на мой улыбающийся ярко-красный рот.

Мужчины в любом возрасте такие мужчины! Я будто снова вернулась в свои веселые тринадцать лет и говорила ошеломленным хулиганам несусветные гадости на чистом анадарийском, от которого вяли уши, а мальчишки только тарасились и изображали напряженную работу мысли.

— Вас сопроводить? — услужливо предложил один из стражей, хотя другие жестами отчаянно ему намекали, что нельзя покидать пост.

— Благодарю, но я знаю дорогу, — немедленно отказалась я от конвоя и отточенной походкой манекенщицы направилась к мраморной лестнице.

Я ворвалась в приемную и, не удостоив секретаря даже мимолетным взглядом, напрямик зашагала в кабинет.

— Госпожа Астор?! — зазвенел голос всполошенного помощника, похоже не сразу меня узнавшего. — Туда нельзя!

— Я ненадолго, — не потрудилась оглянуться я, окончательно войдя в образ ледяной нимфы. Такие, к слову, действительно жили где-то на севере континента. Говорят, они страшные спесивцы. Полагаю, такая высокомерная дамочка неплохо сживется с властным болваном.

Секретарь еще скакал через просторную приемную, надеясь предотвратить вторжение в святая святых, а я уже настезь распахнула двери и эффектно перешагнула через порог. Мужчины, сидящие за столом переговоров, резко повернули головы, и на кабинет обрушилась изумленная тишина.

— Добрый день, господин Гард, — мило улыбнулась я.

В глазах Соверена, возглавляющего уважаемое собрание, полыхнул гнев. На короткое мгновение они почернели, будто зрачок расширился настолько, что съел радужку. На потолке и письменном столе возле окна мигнули ярким светом потушенные лампы. Тут его глаза вернули свой обычный непримечательный свет, а ярость в них сменилась ледяной бесстрастностью.

— Выйди, — тихо и грозно бросил Гард в мою сторону.

— А потом постучаться и зайти заново? — с наслаждением принялась я изображать идиотку.

Готова поспорить на остатки гордости, властному злодею еще никто и никогда не устраивал сцену на людях. Тут мы находились в одинаковом положении. Это и мой первый публичный скандал. Будет что в старости вспомнить. Если, конечно, после сегодняшней эскапады меня не проклянут каким-нибудь смертельным заклятьем. Вот обо всем подумала, когда собиралась, а об амулете от темных чар взбешенных спесивых болванов — нет!

— Выйди и закрой дверь, — разделяя слова, вкрадчиво повторил Соверен.

— Не могу. У меня очень срочное дело.

Было любопытно, прикажет ли он вызывать охрану, чтобы выставить нахальную посетительницу силой. Если хрупкую неземной красоты девушку под белые ручки выставят из кабинета два здоровяка, боевых мага, тоже скандалец выйдет отменный. Лично меня устроит любой исход, если он не доведет до тюремной башни за хулиганство.

Я воспользовалась эффектом неожиданности и немедленно направилась к столу переговоров, словно со стороны слыша, как четко, громко и категорично стучат высокие каблуки по дубовому наборному паркету. Не сбавляя хода, полезла в сумочку за деньгами. Хотелось швырнуть их перед спесивым болваном, но случилась накладочка: аккуратно расправленные купюры застряли в узком кармашке.

Пришлось слегка притормозить, и я пропустила момент, когда Соверен поднялся. Мы встретились на полпути. Ассигнации все еще цеплялись за нутро сумки, а Гард уже сжимал мой локоть и поворачивал в обратном направлении.

— Простите нас, господа, — уронил Соверен и бодренько сопроводил меня к раскрытым дверям.

Мысленно я решила, что сейчас получу чувствительный тычок в спину. Но, по всей видимости, просто выставить неожиданную гостью из кабинета Соверену показалось мало. В гробовом молчании мы пересекли приемную и вышли в коридор! Появилось подозрение, что пинок под зад меня ожидает в парадных дверях башни. Я вылету носом вперед на площадь Гард, потеряв по дороге туфли, равновесие и капельку женского достоинства. В предчувствии удара даже задница, обтянутая золотым платьем, очень подозрительно загорелась.

Я ошиблась абсолютно во всем. Меня привели в помпезный зал с длинным полированным столом и репродукцией острова Тегу на стене. Соверен выпустил мой локоть.

— Какого демона ты устроила?!

— Нежданные гости такие бесцеремонные, — изогнула я губы в улыбке. — Скажи?

Вдруг настроение Гарда поменялось. С невозмутимым видом он лениво прислонился к краю стола и сложил руки на груди. Меня едва не разорвало на части. Я, значит, бесилась, а он уже вернул спокойствие? Как-то несправедливо. Слышишь, вселенная?

— Сомневаюсь, что ты пришла, чтобы развлечь меня, — заметил он. — И, хотя я не выношу сцен, должен признать, ты просто великолепна в этом платье. Так зачем ты здесь?

— Вернуть это...

О, чудо! Купюры выскочили из кошелька почти без усилий! Правда, на одной надорвался уголок.

— Кое-что в счет долга. — Я припечатала деньги к груди Соверена. — Первый взнос. Остаток отдам в следующем месяце. Только не забудь записать, а то потом в суммах не сойдемся.

Он не пошевелился. Ассигнации рассыпались по полу. Одна розоватая купюра прикрыла начищенную до блеска черную туфлю. Я стремительно развернулась, кажется, стеганув властного болвана волосами по лицу, и решительно устремилась к дверям. Стучала, значит, каблуками в звонкой тишине, красиво покачивала бедрами, а перед мысленным взором стояли неряшливо разбросанные по полу измятые ассигнации. Что если

Гад

... Гард на одну наступит?!

Все-таки эффектные жесты — не мой конек. На меня напал такой приступ скупости, хоть от досады вой на потолок! Спесивый болван не подумает подобрать деньги с пола, а мне после пафосного выпада возвращаться и ползать на карачках унижительно — легче удавиться. Достанутся мои кровные чужому человеку! Сумма, может, и не поражает воображение, но ее вполне хватит купить на рынке целую корзинку овощей.

— Не думать о деньгах! — едва слышано пробормотала я и толкнула дверь.

Она оказалась заперта. Подозреваю, что не без помощи магии. Подергала ручку — бесполезно.

— Соверен, открой дверь! — обернулась я.

Спесивый злодей даже не пошевелился. С высокомерным видом рассматривал меня из-под ресниц, гонял в голове какие-то мысли и напращивался на волшебный удар «Домоводством».

— Как понимаю, это эффектное представление — твой ответ на вчерашнее предложение, — резюмировал он. — Я полагал, что ты практичнее.

— Предложением ты называешь контракт на должность любовницы? Уверена, что тебя только что прокляли все стряпчие Города десяти островов. Ты загнал меня в угол, а потом выставил немыслимые требования! Отвратительно! Даже хуже, чем заявиться в дом к незнакомой женщине и предложить покровительство!

— Лаэрли, наблюдаю за тобой и понять не могу: прежде чем согласиться спать со стариком Гилбертом, ты тоже устраивала сцены? Сначала поддержала в тонусе, а когда он дошел до точки, снизила?

— Наши отношения были иного... характера.

— Ну да. Ты была с ним по большой и чистой любви. — издевательски протянул он, — а что денег дали, так по доброте душевной.

Я не желала ни отвечать, ни — тем более — оправдываться. Кровь лесного народа испокон века считали дурной кровью и, что греха таить, нимфы часто оправдывали людскую молву. Даже мой Трэн. Но, честное слово, я смертельно устала от всеобщего порицания.

— Хорошо, ты обнаружил, что у меня есть прошлое и оно тебе не понравилось. Но какое право ты имеешь меня осуждать?

Думала, промолчит, однако он неожиданно ответил:

— Я не осуждаю. Нет. А прихожу в ярость от мысли, что ты кому-то... ему продаться!

— А тебе, значит, приходится напрягаться и никак? — издевательски протянула я. — Ты, как злой ребенок, которому на день рождения никак не дарят деревянную свистульку.

— Мне давно не интересны деревянные свистульки.

— Напомни, я тебе советовала ледяные ванны?

Красивый капризный рот изогнулся в недоброй улыбке:

— Я ответил, что ненавижу их.

— И все-таки воспользуйся моим советом. После разрыва с Гилбертом Эммотом я, знаешь ли, сильно поумнела и решила, что мужчина, с которым мы ляжем в постель, для начала ответит меня к алтарю.

Не без удовольствия я заметила, как на физиономии Соверена нервно дернулся мускул, и мстительно добавила, стараясь ковырнуть побольнее, чтобы одной не страдать:

— И, главное, Хэйзер покупать не придется. Замужним матронам детей из приюта отдадут без взятки. Сплошные плюсы.

— Шайла Эммот — моя троюродная тетка, — сухо вымолвил Соверен. — Полагаешь, я когда-нибудь женюсь на бывшей любовнице ее мужа?

— Нет, конечно, — усмехнулась я, вдруг почувствовав комок в горле. — Разве Соверен Гард может опозориться перед семьей? Но знаешь, что забавно? Снять пробу — почему-то вера тебе не запрещает. Удобно жить, когда легко договориться с принципами, скажи?

Секундой позже он щелкнул пальцами, снимая блокирующее заклятье. Дверь приоткрылась. Выразительный жест. Я мысленно усмехнулась и покинула зал переговоров. Соверен больше не пытался меня остановить или нагнать. Из здания я выбралась без препятствий.

Над площадью Гард сгустились плотные дождевые тучи, на серые камни падали крупные капли, совсем скоро обещавшие обернуться яростным холодным ливнем. Удивительно! Когда я приехала в башню полчаса назад ничто не намекало на то, что погода испортится.

— Давненько такого не было! — вздохнул рядышком дворник-старичок с уличной метелкой в руках. — Как Гард-старший помер, так и не было!

— Простите? — очнулась я.

— В этой семье темная сила — ух! — разрушительная. — Старик потряс метлой. — Они из себя выйдут, а над башней тучи собираются. А тут, смотри-ка, вообще дождь пошел.

Хорошо, не внутри башни. Иначе здание затопило бы и за счет горожан начали бы отстраивать новый дворец Гард. К демону такие стихийные бедствия!

Неожиданно я почувствовала, как кто-то накрывает мне плечи пиджаком. Вздогнула, испуганно оглянулась, готовая оттолкнуть подкравшегося незнакомца. За спиной стоял Март Тегу. На сгибе локтя висел длинный черный зонт, зацепленный на крюк деревянной ручки.

— Я провожу вас до кареты, — объявил страж.

— Это он попросил?

Март промолчал, отвел глаза, но ответ был очевиден — от пиджака пахло одеколоном Соверена. Да и вряд ли охранник вдруг проявил инициативу и бросился к нимфе, устроившей страшный переполох и доведшей хозяина до ливня над площадью Гард. Надеюсь, остров не смочет.

— Лучше поймите мне кеб, — попросила я.

Дождь крепчал, опустевшая площадь мокла, в воздухе клубилась туманная дымка. Воздух зазеленел, и от теплого дыхания вырвались белесые облачка пара. Только усевшись в наемный экипаж, я осознала, что по-прежнему кутаюсь в пиджак Гарда, и меня окружает его запах.

На следующее утро я сидела в кабинете Арлис и с низко опущенной головой выслушивала длинную пространную тираду. Оказалось, что вчерашняя записка не попала в руки к хозяйке, подозреваю, что послание перехватили еще на подлете к кабинету, и теперь меня от души чихвостили!

Вкрадчивым тонким голосом Арлис рассуждала, что некоторые нимфы (я) нацепили на голову корону, а теперь должны бояться сломать шею под ее тяжестью или врезаться в притолоку, не поместившись в двери. Хотелось спросить, не нужно ли мне носить жесткий

воротник или пригнуться при входе в дом мод, но ирония была явно лишней. Хозяйка негодовала.

— Тамарин никогда не пропускает показы! — Она замялась и тут же исправилась:

— По крайней мере, не сразу после съемки каталога!

Ведущая модель дома мод безбожно прогуливала работу, регулярно срывала съемки, саботировала крупные демонстрации для богатых клиенток, если ей не нравились платья или сами клиентки, а не нравились они частенько. И вообще являлась ярким образчиком одной из тех классических нимф, из-за которых потом приличным девушкам разные спесивые болваны портят жизнь!

Уф! Как подумала о Соверене Гарде, так сразу разозлилась! С утра клерк в монетном дворе категорично отказал в новой ссуде. Мол, они не успели поверить, что прежняя закрыта, как я опять возникла на пороге.

— Вышвырнула бы тебя на улицу, — призналась Арлис своим тонким вкрадчивым голосом, — но ты слишком хороша на гравировальных карточках. Пришлось заказать портреты.

Теперь моей физиономией и прочими частями тела завесят весь дом мод, и девочкам не придется далеко ходить — начнут втыкать иголки в глаза, не напрягаясь лепкой восковых кукол.

— Днем у тебя показ. Готовься.

Когда я вышла из кабинета, то Мика, поджидавшая окончание экзекуции под дверью, тут же горячо зашептала:

— Что?

— Пронесло, — прижала я к груди ладонь и перевела дыхание.

— Если тебя выгонят, я тоже уйду! — решительно объявила преданная белошвейка.

— Глупости! — сердито шикнула на приятельницу. — Куда ты пойдешь?

— Куда-нибудь. В ателье! Буду пуговицы пришивать и брюки подрезать, — проворчала она.

Мы вошли в общую комнату для переодевания и от удивления замерли на пороге. Возле моего кресла на корточках сидели две нимфы и энергично переругивались. Они так увлеклись препирательствами, что не заметили нашего с Микой появления.

— Что делаете? — искренне любопытствовала я.

Девушки резко повернули головы. На лицах нарисовался священный ужас, словно перед ними предстал оголодавший за время небытия мертвец, только-только поднятый некромантом. Они синхронно вскочили на ноги. Одна резко прятала руки за спину, явно скрывая то, чем пытались испортить мебель.

— Вы что, ножки у стула подпиливаете? — догадалась я.

Фантазия на пакости у мстительных нимф оказалась неиссякаема! За две недели чего только не наворотили! Я находила в туфлях то битое стекло, то жгучий красный перец. Последнее, заснув ноги. Во время примерки платьев для каталога кто-то стащил из моего шкафчика всю одежду, даже чулки, и домой пришлось возвращаться в вещах Мики, естественно сидевших на высокой фигуристой нимфе, как седло на корове. Они обтягивали до невозможности, а плащ едва прикрывал колени. Учитывая, что в тот вечер обуть пришлось кое-как отмытые от перца и мокрые насквозь туфли, удовольствие оказалось ниже среднего. И пробуждало искреннее желание кого-нибудь (Тамарин) потрепать за лохмы.

Я ждала, что приспешницы Тамарин перейдут к решительным действиям и попытаются притащить в дом мод запрещенную темную магию, к примеру, вызывающую прыщи или облысение, даже не на шутку задумалась о покупке защитного амулета, но народ притих. Сворованная одежда незаметно вернулась на вешалку в общей комнате. А сегодня у девчонок снова началось обострение. Чистокровные нимфы вообще реагировали на фазы луны. Может дело шло к полнолунию и дочери лесного народца тихонечко зверели?

— Чем пилите? — любопытствовала я.

— Пилочкой для ногтей! — восторженно отпартовала одна из вредительниц и, получив чувствительный тычок в бок от товарки, недовольно протянула:

— Ну, а чего?

Тут она поняла, что выдала дерзкий план недругу и обиженно засопела.

— Пилочкой для ногтей ножки стула не подпилишь, — со знанием дела подсказала я, стараясь не замечать, как за спиной давится от хохота Мика.

— Совсем? — уточнили нимфы.

— Даже пытаться не стоит, — категорично покачала я головой. — В следующий раз берите ножовку. Главное, не пораньтесь.

— А я тебе говорила! — зашипела одна другой, когда они двинулись к своим туалетным столикам.

К середине дня я полностью приготовилась к показу. Сати заплела мне волосы в сложную косу, накрашила ресницы угольной тушью, нанесла на губы блеск. Мика принесла пару вешалок с летними платьями из струящихся тканей.

— И все? — насторожилась я.

— Ага, повезло. — Белошвейка почесала затылок. — Арлис сказала, что надо показать только это.

Время подходило к назначенному сроку, и я начала влезать в наряд цвета морской волны, немедленно отразившегося в глазах. Корсаж был расшит цветами и ограненными хрустальными кристаллами, преломлявшими цвет не хуже драгоценных камней.

— Наклонись. — Мика держала в руках газовую шаль. Я послушно присела, и полностью обнаженные плечи прикрыл полупрозрачный покров. Радужки моментально окрасились голубовато-зеленым пигментом, сделав меня похожей на сирену.

К слову, между лесным и морским народами существует легкая неприязнь. На Анадари даже ходит поговорка, весьма точно отражающая суть наших отношений: «Где сирена прошла, там двум нимфам делать нечего». Конечно, взаимная нелюбовь никак не мешает наслаждаться потрясающим пением чистокровных сирен, например, на сцене Оперного театра или на стихийном выступлении на площади бродящих музыкантов, но на Саут, где проживает самая многочисленная община «морских», нимфы лишний раз не суются. Ужасно обидно! Остров знаменит шикарными пляжами с мелким белым песком.

Рассыпался переливчатый звон колокольчика, означавший, что покупательницы ждут начала показа и испытывать их терпение не следует. Я поправила шаль и, нацепив на лицо непроницаемую маску «безмолвной одежной вешалки», вошла в открытые Микой двери зала для демонстраций. И уперлась взглядом в единственного покупателя — Соверена Гарда, в расслабленной позе растекшегося в кресле. За высокой спинкой маячила Арлис. Присутствие хозяйки дома, поутру намекувшей на увольнение, сдерживало настойчивое желание швырнуть в бесящего гада туфлю.

С отсутствующим видом я прошагала в центр зала, остановилась в перекрестье солнечных лучей, как раз перед зрителем. Повернулась, продемонстрировав длинную летящую юбку. Рука — на бедро, взгляд — в нахальные глаза болвана. Он выгнул бровь. Я сжала от злости зубы.

— Еще раз, — прозвучал в тишине низкий голос. — Покрутись.

Арлис немедленно кивнула, мол, действуй. Слушаю и повинуюсь, демон вас дери!

Скрипнув зубами, повернулась вокруг своей оси. Платье красивой волной взметнулось над воощенным паркетом, мягко опустилось, прикрыв туфли.

— Сними, — коротко приказал Гард, обращаясь ко мне, и с намеком на шаль потрепал отворот пиджака.

— Вы просите нимфу? — обескураженно уточнила Арлис.

— Есть другие варианты? — Он выглядел по-настоящему заинтересованным. Хозяйка дома мод растерялась. Казалось, что мысленно она решала сложную дилемму: раздевать нимфу или не раздевать? Словно действительно была готова оставить манекенщицу в исподнем и с газовой тряпочкой на плечах.

С непроницаемым видом я сдернула шаль, обнажила плечи и тонкие ключицы. Нахально-ленивый взгляд, застрявший где-то в районе моих губ, начал медленно опускаться. Желание швырнуть туфлю — обе туфли — становилось непреодолимым.

— Мне не нравится. Переоденься.

— Почему? — решила отстоять красоту наряда Арлис.

— Не оставляет простора для фантазии, — сдержанно объяснил Гард. — Вас устроит такой ответ?

— Конечно. — Арлис улыбнулась одними губами и едва заметно кивнула, призывая меня вернуться в комнату для переодеваний и по-быстрому вытряхнуться из неудобного клиенту наряда. Что я и сделала, кипя от злости, как забытый на огненном камне чайник. Удивительно, что из ушей и ноздрей не валил пар. А пока Мика застегивала ряд жемчужных пуговиц на

грудь скромного закрытого платья, я с наслаждением представляла безжалостное избивание властного злодея увесистым томом «Домоводства». Какое дивное чувство!

Пока меня переодевали, хозяйка мод исчезла из зала демонстраций. От удивления я даже сбилась с шага, а оказавшись в круге солнечного света забыла принять позу неподвижного манекена.

— А где Арлис?

— Я попросил ее найти срочные дела.

— Тогда хорошего дня, господин Гард, — не желая оставаться с ним наедине, я развернулась и зашагала обратно (стараясь не покачивать бедрами, но проклятые шпильки не позволяли изображать строевой шаг).

— Минус тысяча с долга, если ты вернешься, — полетело в спину.

Я резко остановилась. Демон тебя раздери, Соверен Гард!

— Улыбаться не буду, — бросила через плечо.

— Вычту еще три сотни.

— Как я могу смотреть букой на столь щедрого кредитора? — изобразила я фальшивую улыбку.

— И сотня за естественность.

Зря вчера он обвинил меня в непрактичности! Натянута улыбка мгновенно превратилась в милую. Попросит станцевать или песенку спеть, глядишь, весь долг спишу. Главное, чтобы стихи не требовал читать — с поэзией у меня туго, помню только одно скабрзное четверостишие, но в нем из приличного только предлоги.

Я вернулась в круг света и спрятала руки за спину, позволив Соверену внимательно рассматривать фигуру, упакованную в белое шелковое платье. Белый цвет мне не шел: контрастировал с темными волосами и заставлял радужки окрашиваться бледно-водянистым пигментом.

— Какой у тебя настоящий цвет глаз? — резко спросил Соверен.

— Чтобы это узнать, тебе придется меня убить, — напомнила я, что любая магия, даже магия нимф, умирает вместе с человеком.

— Или раздеть.

— Тогда тем более сначала убить.

— Расстегни верхнюю пуговицу, — приказал он, и я почувствовала, как меняюсь в лице. — Минус пятьсот золотых.

Только открыла рот, чтобы со всей возможной страстью объяснить, в каком направлении ему следует направить ласты, как он произнес:

— Тысяча.

Да чтобы тебя разорвало, похотливая сволочь! Как тут откажешься? Пальцами я расстегнула жемчужную пуговицу, закрывающую ворот. В кокетливом вырезе снова мелькнули ключицы.

— Доволен? Не забудь потом внести списание в черный блокнотик должников.

— Не завел блокнота, ты моя единственная должница.

— Остальные не выжили? — любезно поинтересовалась я.

— Остальные возвращают сразу.

— Тогда накарябай на ладони!

— Полторы за следующую.

— Дорого вам обходятся прихоти, господин Гард, — с иронией заметила я, но пуговицу меж тем расстегнула.

— Еще одну, — не сводил он с моей груди горящего взгляда.

— Ослепнешь, — наотрез отказалась я.

Он сглотнул, на шее дернулся кадык. Взгляд переместился к носкам белых туфелек, выглядывающих из-под отороченного кружевом края.

— Ты в чулках? — голос звучал хрипло.

— Ты об этом точно не знаешь!

Под платье действительно пришлось надеть прозрачные чулки, иначе узкие туфли просто отказывались налезать на ступни. К слову, сейчас не левом чулке отстегнулась одна прищепка, и он собрал у коленки.

— Пять тысяч. Приподними подол.

— Ты меня за блудницу принимаешь? — вкрадчиво спросила я.

— Десять тысяч.

— Дом терпимости по улице ниже! — процедила я, упирая руки в бока.

— Двадцать пять.

— Ты уже в минус ушел! — возмущенно охнула я. — У меня долг меньше!

— Договорись с гордостью, — бросил он, судя по темному заведенному взгляду, плохо осознавая, где мы находились.

Нет, я, конечно, тоже не нежный цветочек. По паркету демонстрационного зала нередко вышагивала в таких нарядах, что другая бы упала в обморок от смущения, но покупательницы обращают внимание на манекенщицу не больше, чем на одежду вешалку. Ведь никому не приходит в голову плотоядно заглянуть под платье на портновском манекене или предложить денег, чтобы это самое платье с него артистично стянули!

От ярости перед глазами встала красная пелена, лицо запыхало. Кажется, я разулась быстрее, чем сообразила, что делаю. Туфля по дуге полетела в подлеца. Правда, от злости меткость сбилась. Обувка махнула над головой Гарда и с грохотом упала на паркет за креслом. Не теряя времени, я метнула следующую. Не достигнув цели, она застыла в воздухе, словно муха в куске янтара. Острый каблук агрессивно нацелился в мужской лоб.

На зал демонстраций опустилась густая, давящая тишина. Глаза Соверена потемнели настолько, что казались черными. На виске едва заметно просвечивал орнамент из крепко сцепленных линий. Я оцепенела. По всей видимости, усилием воли он справился с желанием развернуть туфлю в обратный полет. Магические рисунки исчезли.

— Что... случилось? — раздался из дверей изумленный голос Арлис.

Туфля сорвалась вниз и шлепнулась на колени Соверена. На, казалось бы, бесстрастном лице мужчины заметно дернулся мускул.

— Господин Гард, вы закончили ссориться или мне снова выйти? — любезно уточнила хозяйка дома мод. Подозреваю, устраивая этот показ, она чувствовала себя едва ли не профессиональной свахой.

— Мы закончили, — выпалила я, подхватила длинный подол и, отчаянно шлепая босыми пятками по ледяному полу, сбежала в комнату примерок.

— Я подглядывала в замочную скважину! — категорично заявила пунцовая Мика и вдруг испуганно крикнула:

— Ой!

Следом за мной, не дав закрыть дверь, ворвался Соверен. Его высокая фигура отразилась в подсвеченных зеркалах на туалетных столиках.

— Вон, — бросил он белошвейке.

Испуганно потупившись, приятельница моментально слиняла в коридор. В тишине раздался категоричный щелчок запертых с помощью магии замков. Судя по тяжелому взгляду, мужчина задумал недоброе.

— Использовать магию на людях — запрещено, — попятилась я. — Это карается законом!

— Верховный судья — мой хороший друг. — Соверен наступал, тесня меня к зеркальному столу. — Уверен, что меня отпустят с миром.

— Вот и ты отпусти меня с миром! — всплеснула я руками.

— Только после того, как увижу твой настоящий цвет глаз, — мрачно пообещал он, медленно приближаясь.

Я уперлась в край чьего-то стола, зазвенели баночки с косметическими притирками, стоявшие возле зеркала. Со стуком посыпались на пол заколки с булавками. Пятиться стало некуда, разве что неповоротливо задом забраться на столик.

— Ты хочешь меня раздеть или убить? — пролепетала я. — Вспомни о милосердии! Нельзя милосердно сворачивать шеи...

— Ты даже не представляешь, как я хочу тебя поцеловать.

— Не смей!

— Три тысячи.

— За обнаженную ногу ты давал больше, — вдруг вырвалось у меня. Батюшки, и как только в голову пришло?!

— И ты отказалась, — хрипловато напомнил он.

Мгновением позже мы целовались. Это не было деликатным, неуловимым касанием — поцелуй с раскрытым ртом, влажный и долгий. Клянусь, я понятия не имела, что так можно!

Когда язык ласкает, зубы прикусывают, руки крепко держат, воздуха не хватает. В голове вместо мыслей появляется хаотичный клубок, а по жилам растекается жидкое пламя.

Когда Соверен оторвался от моих губ, то прижался горячим лбом к моему лбу. Я тяжело дышала, в висках стучала кровь, сознание возвращалось с трудом. Поднять глаза было совершенно невыносимо.

— Тянет только на сотню. Пойдет? — вдруг прошептал он, заставляя меня задохнуться от возмущения.

Знаете, в детстве я всегда была кулаком, стремительно, неожиданно, чтобы противник только постфактум понял, что огреб от девчонки. А тут так растерялась, что совсем по-женски размахнулась рукой для пощечины. Запястье оказалось немедленно перехваченным. Второе тоже — на всякий случай. Яростный взгляд прожигал в нахальной физиономии подлеца огромную дыру. Соверен Гард превращал меня в курицу!

— Хорошо, договорились. Ты швырнула в меня туфли, я тебя поцеловал, — быстро проговорил он. — Никаких денег. Мы в расчете.

Казалось, что от возмущения и досады меня разорвет на тысячу крошечных нимф!

— Ненавижу!

— И снова ты ошибаешься, — самодовольно ухмыльнулся он и отпустил мои руки.

В странном оцепенении проводила Соверена взглядом. Он скрылся в зале демонстраций, дверь медленно закрывалась. Колени подогнулись. Я схватилась за столик. На пол слетело зеркало в нарядной оправе с длинной ручкой, раздался звон битого стекла. По зеркальному окошку прочертилась путина мелких трещин. Один острый осколок выпал, демонстрируя изнанку рамки. На Анадари считалось, что разбитое зеркало — к несчастью.

— Боже мой, я ничего не видела, но все слышала! — ввалилась из коридора взбудораженная Мика. — Какой мужчина! Какая страсть!

Вид у меня, похоже, был диковатый. Она опустила возведенные к потолку руки, пожевала губы и задумчиво пробормотала:

— А может и нет...

Через полчаса я просила у Арлис недельный отпуск. Хозяйка мод тут же воспользовалась моментом и заставила дать расписку, что по возвращении я приму участие в большом аукционе драгоценностей на острове Эльба. Совершенно бесплатно! Честное слово, если Соверен Гард не исчезнет из моей жизни, я окажусь разоренной и действительно закончу дни в бараке на острове Рут.

Возле служебного входа снова стояла дорогая карета, а возле маячил Март Тегу. Выйдя из дома мод, я немедленно направилась к охраннику. Бедняга так изумился, что неуловимая нимфа, вечно просачивающаяся через щели у него буквально под носом, лично направляется к экипажу, что даже забыл поздороваться и поспешно открыл дверцу.

— Домой? — наконец он вернул дар речи.

— Я-то домой, а куда вы — понятия не имею, — хмыкнула я и открыла ридикюль. — Передадите господину Гарду кое-что?

Покопавшись в дне сумки, выудила несколько завалявшихся медных монеток и ссыпала горку в протянутую ладонь телохранителя. Он непонимающе рассматривал скромное подаяние.

— Мне отдать ему... к-хм... семь медяков? — зачем-то переспросил он, на глаз определив сумму.

— И еще добавьте от меня, что он о себе очень хорошего мнения. На самом деле, на большие деньги не тянет.

— А?! — в лице Марта появилась паника.

— Не стесняйтесь, так и скажите. — Я закрыла ридикюль.

— Госпожа Астор! Вы моей смерти хотите? — промычал страж. — Он же меня отправит в отставку!

— Будет повод найти достойное место, мой друг, — похлопала я его по плечу.

— Но мне нравится работать в башне Гард, — по-детски обиженно засопел Март.

— Тогда отдайте и спрячьтесь, — посоветовала я и похлопала парня по крепкому плечу:

— Желаю удачи в вашей нелегкой службе!

Вечером под недовольное ворчание Руты, мол, за неделю она умрет со скуки, я собрала саквояж. Днем меня ждал паром до острова Анадари. Хотелось верить, что в глуши удастся

успокоить взбесившееся сердце, каждый раз предательски екавшее при мысли об одном спесивом злодее, попортившем мне не одну пинту крови.

Глава 6

Бурная сельская жизнь

«Как мы дошли до этого, удачливая моя?» Соверен Гард

«Против чугунной сковородки не устоит никто!» Лаэрли Астор

— Энбри Полт сбежал! — как всегда недовольно, будто страшно сердясь, объявила старая Грэм, хозяйка лавки мелочей недалеко от дома деда Астора.

— Куда? — для поддержания беседы спросила я, укладывая в корзинку банки с мыльной пастой и чистящим абразивным порошком.

Ни корзинка, ни полки, ни прилавки, ни даже банки с хозяйственными средствами не могли поделиться сакраментальным знанием, кто такой Энбри Полт, и почему он дал деру. Может, его дома жена мучила: каждый день метелкой охаживала и добавляла по макушке толстым томом «Домоводства»? Спрашивать у тетушки я поостереглась ради экономии времени, иначе придется выслушать полное жизнеописание неизвестного господина от рождения до самого побега. А у меня дом невымытый, холодильная полка — пустая, напольные часы завешены пыльной простыней.

— Ты лучше спроси откуда, — посоветовала Грэм и немедленно ответила:

— Из покойницкой.

— Он там служил?

— Он там лежал.

Я замерла с банкой желтоватой соды в руках и быстро глянула в гладкое загорелое лицо лавочницы. Сколько ее помнила, она выглядела именно так: глубокие складки на лбу, лучики морщинок у глаз, в любое время года загорелое лицо и обязательно облупленный лак на ногтях. Старая Грэм — женщина без возраста, увязнувшая во времени.

— Гробик такой нарядный, вокруг красные гвоздички, — вздохнула она и пошевелила пальцами, изображая пушистые бутоны, — карточка гравированная. Все как у хороших людей. И представляешь? Сбежал, подлец!

— Так он... к-хм... мертв? — осторожно уточнила я.

— Был. Подняли, сволочи!

— Кто? — по спине пробежал мороз.

— Кто-то, — пожала она плечами. — Община некромантов-то вон какая большая и все на одно лицо. Как выйдут из своих академий, так к нам, на Анадари. Чем им уж бедняга Энбри приглянулся, кто ж их знает. Ты, главное, Лэри, не бойся. Его изловят. Скорее всего. Когда-нибудь обязательно. Ну, не изловят, так разложится, если плоти не нажрется... В общем, дверь запирай.

Немедленно вспомнилось, что на втором этаже в спальнях остались открытыми окна. Да и дверь входную я полдня держала нараспашку, пытаясь создать сквозняк и выгнать из комнат тяжелый запах влажной рухляди.

— Швабра есть? — Грэм вытащила из ведра стоявшую вверх тормашками деревянную швабру.

— Есть, — не пожелала я приобретать ненужную вещь.

— Как закроешься, подопри дверь!

— К-хм... хорошо. — Я поймала себя на том, что судорожно пытаюсь сообразить, в каком из чуланов хранится универсальное оружие от зомби. Вдруг поднятый уже того... забрался в коттедж по дождевому желобу и рыщет в поисках еды, а я магический охранный контур не пробудила! Но главное... Где стоит швабра — не знаю!

— А чугунная сковородка есть? — вела допрос с пристрастием лавочница.

— Сковородкой тоже дверь подпереть?

— Нет, просто держи поближе, — посоветовала лавочница. — Вдруг придется отбиваться.

Возвращаясь в дедовский коттедж, я трусливо оборачивалась и вообще внимательно осматривала знакомую с детства улицу, пытаясь выискать кого-нибудь, кто нацелился слопать нимфу. Сколько помню старую Грэм, заглянешь к ней в лавку за какой-нибудь ерундой, наслушаешься жути, а потом крадешься по улице, как не в себе. Да еще молишься, чтобы до родного порога добраться живой!

За еду мертвецы принимали все, что трепыхалось и подавало признаки жизни. Ни обонянием, ни слухом они не обладали — реагировали на движение. В кабинете некромагии, бесполезные уроки по которой приходилось посещать, чтобы получить аттестат, висела иллюстрированная памятка. В ней говорилось, если среди бела дня или темной анадарийской ночи неожиданно встретился подозрительный тип, и по специфическому зловонию удалось наверняка определить, что он не маньяк, а оживший труп, то следовало падать на землю и энергично притворяться мертвым. Зомби своих не ели!

На террасу не поднялась, а взлетела, словно по тихой улочке действительно галопом неся померший Энбри Полт. Истерично зазвенели ключи, замок — подлец, — провернулся. Наконец за спиной хлопнула дверь и... охранный контур, работавший всего-то два жалких года, оказался разряженным. Наверняка в сбежавшем мертвеце признаков жизни сейчас было больше, чем в поставленной «на годы» магической защите!

— Да ты издеваешься! — простонала я, разглядывая вживленный в притолоку потемневший амулет и черные язычки копоты.

Позапрошлой весной в дом забрались воришки, перевернули вверх дном комнаты и разломали мебель в гостиной. Видимо, разозлились, что брать оказалось нечего. Уцелели только старые напольные часы, сделанные из железного дерева. Похоже, их просто не смогли сдвинуть с места и перевернуть. Но дедовский любимый диван и кресла с высокими спинками восстановлению не подлежали — их выпотрошили до основания. Было проще выбросить, чем отремонтировать. Я тогда расплакалась от злости и от нее же без колебаний отвалила внушительную сумму за магическую защиту. Мастер, создававший заклятье, уверял, будто колдовского тока хватит минимум на пять лет. Аферист!

Ночью, когда я в потемках вышла из наемного экипажа и попыталась отпереть дверь, защита не хотела гаснуть. Ручка истерично билась магическом током, а замок стопорило. Коттедж удалось открыть только с помощью чуда. Ну, и десятка нецензурных слов, разлетевшихся по всей сонной округе. А сейчас контур подло издох! Вот и верь после этого светлым. Разве цвет дара не подразумевает, что они обязаны сеять добро и творить справедливость, а не обманывать осиротевших нимф?

Поддавшись паранойе, я заодно проверила и дверь, ведущую из кухни в сад. Это был полный провал! В прямом смысле слова. Пыльная москитная сетка немедленно выпала на заваленный прошлогодними листьями пол веранды, а шпингалет, державшийся на честном слове, со звоном сорвался с проржавелого гвоздика.

— Проклятье!

Приснопамятная швабра нашлась в кухонном чулане и подперла дверь. Подозреваю, что даже воскресший Энбри Полт зайдет демоническим смехом, когда увидит, на чем именно держится защита в старом коттедже Астора.

В мрачных мыслях я вычистила холодильный шкаф и загрузила купленные на рынке овощи. Пока полки оставались пустыми, магия спала, но едва появились продукты, от стенок начал исходить деликатный холод.

Я заканчивала с мытьем кухонных полов, когда вдруг заметила в дверном окне темную фигуру. Раздался стук. Вряд ли мертвец стал бы предупреждать о своем приходе. Мол, уважаемая нимфа, тук-тук, вас пришли жрать. Но сердце чуть из груди не выпрыгнуло. С опаской я проверила нежданного визитера. На веранде стоял Юджин Войт в форме местного стража.

В лицее он крепко дружил с Трэном и проводил в нашем доме много времени. В четырнадцать лет я была в него до смерти влюблена. Тайно! Однако подозреваю, что на деле весьма даже явно. Женская хитрость во мне проснулась позже привлекательности.

— Стучался в дверь, но молоток отвалился! — с широкой улыбкой на симпатичном лице он продемонстрировал медный дверной молоточек, еще поутру спокойно висевший на крючке.

Чувствуя себя по-дурацки, я убрала швабру и с грохотом открыла хлипкую дверь.

— Наш дом избавляется от лишних вещей, — пошутила я, забирая протянутый молоточек. — Давно не виделись, Юджин Войт!

— Точно. Лет шесть?

— Семь, — деловито поправила я.

Тут случилась неловкая пауза. Следовало по-человечески поздороваться, но мы не понимали каким образом. Потреть меня по щеке, как в глубоком детстве, он разумеется не мог, а обниматься с повзрослевшей сестрой бывшего лучшего друга было сильным перебором.

— Старая Грэм сказала, что ты приехала ночью. Надолго?

— На неделю. Хотела проверить дом. — Я неопределенно махнула рукой. — Когда вернулся на Анадари?

— В прошлом году. — Он замялся. — После магакадемии попытался остаться на Тегу, но не срослось. А сейчас, как видишь...

— Тебе идет форма, — из вежливости соврала я, хотя не знала ни одного мага, кому бы оказалась к лицу мешковатая форма городского стража. — Зайдешь? У меня толком никакой еды, но чаем смогу напоить. Клянусь, что заварку час назад купила в лавке у Грэм.

— Я вообще-то еще на службе, — поспешно отказался он. — Просто зашел предупредить, что тут случился инцидент с некромантами. У них поднятый сбежал. Мы его ищем, но дом деда Астора стоит в стороне, так что покрепче запирай двери.

— Крепче уже некуда, — смеясь, кивнула я на швабру, скромно прислоненную к подоконнику. — Но я почти нашла молоток, чтобы приколотить шпингалет обратно.

Парень замялся с дурацким видом. На щеках вспыхнули нервные пятна, серые глаза забегали.

— Слушай, Лэри... Я через пару часов освобожусь, могу зайти. Ну, помочь со шпингалетом... — предложил он и тут же оговорился: — Если, конечно, хочешь.

Если человек по зову сердца желает поработать плотником, как можно сдерживать его светлые порывы? У темных магов они случаются исключительно редко.

— Было бы здорово, — кивнула я, с трудом подавив улыбку.

Он действительно появился через пару часов. За прошедшие годы Юджин сильно возмужал, и в обычной одежде выглядел привлекательно. Вместе мы разыскали старый дедовский набор инструментов в деревянном ящике. Вскоре шпингалет вернулся на место, а швабра начала служить по прямому назначению, то есть для уборки.

Рукастый помощник вызвался починить почтовый ящик, стоявший возле дороги, вернее, лежащий возле дороги, после того, как его сбили какие-то варвары, а я взялась за приготовление ужина. Знала бы, что в дом заглянет столь полезный гость, то купила бы немножко мяса, так сказать, прикормить. Глядишь, на мясных лакомствах до конца недели половину мелкого ремонта в доме переделает, но просчиталась.

— Скажи, что ты ешь овощное рагу с перцовой пастой! — потребовала я, накрывая на стол, когда Юджин вернулся с улицы.

— Кто-то не любит перцовое рагу? — наигранно возмутился он.

— Попадают странные люди, знаешь ли.

Нет-нет, я вовсе не намекаю на кое-кого, чье имя больше не произношу вслух в своем доме и не вспоминаю всуе. Именно так! Имя Соверен Гард — теперь под запретом, как оживляющие заклятья на бесполезных для нимфы уроках по некромагии.

— Не знаю, что насчет некоторых, но я коренной анадариец. Мы не представляем жизни без перцовой пасты! — торжественно заявил он и начал мыть руки под тонюсенькой струйкой воды, текущей из кухонного крана. Я следила, как парень аккуратно закрутил разболтанный вентиль, потом замер и снова раскрутил. Подозреваю, что попытается починить, если не доломает окончательно.

Мы провели приятный вечер за разговорами. Юджин рассказывал об учебе на боевого мага, о службе стражем. От местных он знал, что я не сумела поступить в академию, и как-то ловко обходил неприятные вопросы. Правда, кроме одного...

— Что собираешься делать с коттеджем? — спросил он.

Я замялась и, ковыряя вилкой в еде, призналась:

— Честно говоря, задумываюсь о продаже. Мне не по карману его содержать, а дому нужен хозяин.

— А Трэн?

— Если он с тобой вдруг свяжется, то обязательно дай знать. Мне есть что ему сказать. Много!

— Он тебя бросил, — прозвучало утвердительно. По всей видимости, ничего другого от нимфы никто не ждал. Для потомков лесного народа было в порядке вещей легко разрывать семейные связи. Этим брат пошел в отца.

— Не только меня. Ты знал, что у Трэна дочь? Зимой ей исполнилось шесть, и она живет под фамилией матери. Даже в семейное древо не внес, паршивец!

На некоторое время в кухне поселилась странная тишина. Похоже, для лучшего друга Трэна Астора новость о ребенке тоже оказалась полной неожиданностью.

— Ты никогда не думала вернуться на Анадари? — прозвучал вопрос. — Здесь, конечно, нет ничего модного, тем более дома мод... Но, уверен, работа найдется. И коттедж деда не придется продавать.

— Этот коттедж слишком большой для одного человека.

— А зачем жить одной?

На секунду мы встретились глазами, но парень быстро отвернулся, сделав вид, будто страшно заинтересовался стаканом с водой. На самом деле, даже мне стало любопытно, потому что на поверхности отчаянно боролась за жизнь крошечная мошка. Юджин закономерно стакан отставил.

— Если бы жизнь была простой, то люди походили бы на бабочек, — припомнила я любимое выражение моей матушки.

— Сколько я тебя знаю, Лэри, ты всегда была такой, — усмехнулся Юджин. — Ужасно сложной.

Я словно наяву услышала низкий ироничный голос спесивого болвана:

«Женщина, какая ты сложная!»

Еда встала поперек горла, и рука машинально потянулась за стаканом. Поднеся его к губам, я обнаружила, что именно из этого стакана пил гость — на поверхности воды барахталась знакомая героическая муха. Вдруг представилось, что она таращила глаза и молилась богам всех насекомых, чтобы не оказаться утопленной или съеденной. Пить я, конечно, поостереглась.

В пустой гостиной, ломая звонкую тишину, забили старые напольные часы. Они отсчитали восемь ударов, и Юджин начал собираться. На острове Анадари существовали собственные правила. Если неженатый мужчина после наступления сумерек выходил из дома одинокой женщины, и они не являлись родственниками, то им было проще обвенчаться. Желательно на следующей день. Все равно припишут страстный роман, обсудят во всех деталях и начнут энергично порицать. Осуждение — это любимый вид развлечения у анадарийцев! Мне по большому счету было плевать, а Юджин, видимо, побаивался в конце недели вдруг проснуться бесповоротно женатым на нимфе. Даже если она не собиралась задерживаться на острове.

— Слушай, Лэри, — вдруг помедлил он в дверях, — у меня завтра свободный день. Может, прошвырнемся куда-нибудь? На озере Мирра открыли новый гостевой дом с хорошей кухней.

— Ладно, — кивнула я.

— До завтра? — Он подозрительно медлил. — Заеду в четыре.

— Увидимся, — помахала я рукой, избавляя беднягу от необходимости судорожно выбирать пожать ли мне пальчики, приобнять или вообще, может, приложиться к щеке невинным поцелуем.

За порогом стремительно сгущалась темнота и безлюдная улица окрасилась в серые тона. Фонари возле коттеджа давно не зажигали, а потому очертания кареты, загрохотавшей на разбитой дороге, были размазанными, словно чуточку стертыми ластиком. Нахмурившись, я задумчиво проводила экипаж взглядом. Почти уверена, что он дежурил перед домом.

А ночью хлынул ливень! И неожиданно выяснилось, что черепичная крыша коттеджа похожа на решето. Потоп я обнаружила, когда спустила ноги в теплых носках с кровати и немедленно окунулась в ледяную лужу.

Через полчаса дедовская комната, где я спала, была заставлена мисками и пространство наполнилось звонкой каплей. Распугивая свечой темноту, я выстроила дорожку из кастрюль на скрипучей лестнице. Грозному оружию против зомби, тяжелой чугунной сковороде, в отсутствии оживших трупов пришлось послужить на благо домашнего очага и изобразить тазик. Швабра тоже пригодилась, но работала по прямому назначению. Прорву времени я потратила на то, чтобы собрать с пола лужи.

Яростный дождь продолжал атаковать коттедж, не ослабевая и не иссякая, словно небеса надумали смыть квартал темных с лица земли. Наплевав на опасность во сне оказаться смытой на пол, я рухнула на влажную постель, завернулась в отсыревшее одеяло и под барабанную дождевую дробь заснула беспробудным сном. Знаете, как говорят на Анадари? «Бессонница для аристократов, белоручек и ходячих мертвецов».

Уверена, что Энбри Полт позеленел бы от зависти, если бы все еще умел зеленеть.

Следующий день прошел в хлопотах: найти кровельщика, готового быстро и желательно за небольшие деньги залатать крышу, привести в порядок второй этаж, снова расставить миски на случай дурной погоды. В лавке старой Грэм народ шушукался, что ливень, едва не смывший мой дом, прошел только над кварталом темных. Остальной остров преспокойно наслаждался пронзительной весенней ночью и полной серебристой луной, какая бывала только на Анадари.

Вернулась поздно, усталая, голодная и с единственным осознанным желанием — завалиться спать. Читали про сказочных драконов? В любой непонятной ситуации они давят подушку! Вернее, подстилку в тайном логове. Подлая башня Гард не пожелала вспыхнуть от яростного пламени, любимую принцессу сожрал враг, пронырливый разбойник вынес из пещеры почти все золото? Крылатый ящер махнет хвостом на весь мир, свернется калачиком и будет дышать. Проспит плохие времена, проснется — вроде жизнь снова наладилась.

В общем, я собралась налаживать жизнь хорошенько выспавшись и доскребывала ложкой прямо из кастрюли остатки вчерашнего рагу (тарелку доставать было лень, а в благородные девицы не записывалась, как некоторые спесивые болваны — в хорошие люди), но в дверь постучались. Нетерпеливым кулаком. Медный молоточек по-прежнему никем не приделанный лежал на подоконнике.

О, мой бог! Под тяжестью прохудившейся крыши я напрочь забыла о Юджине Войте! Сначала бросилась открывать, но резко затормозила и оглядела кухню. Пустая кастрюля и грязная ложка намекали, что нимфа набивала живот и не думала о волнительном свидании со своей первой детской любовью. Запихала посуду в полку и заторопилась впустить гостя.

— У меня тут потоп ночью случился, пришлось ехать на улицу мастеров, — извиняющимся тоном объяснила я собственный затрапезный вид. — Дашь пятнадцать минут?

— Даже двадцать, я попросил извозчика подождать, — согласился он.

Лестница была хаотично заставлена посудой на тот случай, если на нашей улице снова пойдет дождь. Поднимаясь, я случайно задела миску, и та с оглушительным грохотом покатила по ступенькам.

— Все в порядке! — крикнула я, обращаясь к Юджину.

Собраться было недолго. Нарядных вещей я с собой не привезла, пришлось довольствоваться старым платьем, оставшимся еще с лицейских времен. Выглядело оно приличным, но на груди заметно натянулось. Непотребство закрыла шалью. Волосы собрала в опрятный пучок и надела ресницы угольной тушью. Через десять минут, секунда в секунду, спустилась в холл.

— Уже все? — удивился гость, поджидавший меня возле лестницы.

— В искусстве быстрого одевания манекенщицы дают фору стражам-первогодкам, — пошутила я.

На озере Мирра стояла резиденция семьи-основателей Курт, но сколько я себя помнила, ни один представитель славного светлого рода не появлялся на острове, а если и появлялся, то без шума. Дела вел ставленник, предпочитавший жить в башне на центральной площади.

В пору моей учебы в лицее первый этаж особняка открыли для посещений. Смотреть там было особенно нечего, но раз в год учеников привозили на экскурсию и рассказывали об открытии острова. Историческая наука у лицеистов не вызывала интереса, но палатка с уличной едой недалеко от резиденции всегда пользовалась ошеломительным успехом. Как сейчас помню, там продавали умопомрачительные пирожки с овощной начинкой и еще свиные сосиски (об их умопомрачительности ничего не знаю — не проверяла). Молоденький историк приходил в ужас от нежелания подопечных проникаться прекрасным и патетично цитировал анадарийскую мудрость: «сколько ходячего мертвеца не корми, он все равно в сторону кладбища смотрит».

Вообще та самая поговорка звучала по-иному: «сколько нимфу спелыми яблоками не угощай, она все равно в чудесный лес сбежит». Видимо, преподаватель страшился не только бросить на меня случайный взгляд, но и оскорбить чувства единственного представителя «вымирающей расы» на старшем курсе лицея. Так и говорил: «вымирающая раса»! По-моему, он безбожно путал нимф и сирен.

Во время последней реконструкции здание резиденции Куртов претерпело заметные изменения. Фасад отремонтировали, внутри помещения перестроили. Сквозная анфилада огромных полупустых залов, завешанных картинами, исчезла. В одном крыле теперь располагались номера для постоя, в другом — банкетная и ресторация с отдельными кабинетами. Интерьер отличался собранностью, лаконичностью, дороговизной. И эта подчеркнутая строгость что-то отчаянно напоминала...

— Гостевой дом открыли Курты? — тихо спросила у Юджина.

— Ходят слухи, что его выкупил глава семьи-основателей Гард. Ты же слышала о Соверене Гарде? — вполголоса ответил приятель, и я подавилась на вдохе. — Ты в порядке?

— Да-да, — помахала я рукой и предложила: — Ты садись за столик. Мне надо в дамскую комнату.

Поплескать в лицо водичкой и выкинуть из головы образ спесивого болвана, чье имя только что осквернило кристально чистый воздух Анадари!

Я вовсе не пыталась найти предлог, чтобы ловко улизнуть домой. По крайней мере не в тот момент. Но когда пересекала холл, то услышала подозрительно знакомый низкий голос... Ужас! Похоже спесивый злодей наложил какое-то неизвестное магической науке, но знакомое спесивым злодеям проклятье! И теперь каждый раз, когда кто-нибудь в разговоре случайно упоминал его имя, у меня начинались слуховые галлюцинации.

Машинально я подняла голову. В светлом холле, когда-то представлявшим собой жалкое зрелище, в окружении раболепной свиты вышагивал Соверен. В гостевом доме не витал его дух, он явился к анадарийскому народу во плоти! Недобитому «Домоводством» ростовщику не сиделось в башне Гард, в провинцию потянуло?! Вотчины инспектирует?

Казалось, будто в помещении стремительно сходились стены, а пространство сужалось. Столкновение было неизбежным! Пока Соверен не заметил, что по холлу в панике мечется знакомая нимфа в цветастом платье, она — в смысле, я — нырнула за дубовую регистрационную стойку и плюхнулась задом на ледяной пол, поджав к груди колени.

Когда портье, объяснивший приезжим постояльцам, как проще выйти к берегу озера Мирра, обернулся и обнаружил под ногами свернутую бубликом девицу, то изумленно открыл рот. Допустить, чтобы он еще и звук какой-нибудь из этого раззявленного рта издал, я просто не имела права. Как говорит старая Грэм: «спалит же всю контору»!

Сложив руки в молитвенном жесте, я вперила в мужчину полный страдания взгляд. Действовало всегда безотказно! Насколько дед Астор был крутой нравом, но всегда размякал, когда я разыгрывала перед ним «измученную обстоятельствами святую простоту». Надо бы еще пустить слезу...

— Добрый вечер, господин Гард, — вежливо произнес портье невозмутимым тоном, в жизни не догадаешься, что у него под ногами скукожилась девица. — Всю корреспонденцию, полученную днем, уже передали в ваш номер.

На секунду я затаила дыхание.

— Благодарю, — прозвучал знакомый голос, и у меня вдруг сильно-сильно загорелись уши.
— Безмерно рад тебя видеть.
— Меня?! — опешил служащий.
— Девушку, которая спряталась за вашей стойкой, — ответили ему абсолютно невозмутимо.
— Но здесь никого нет, господин Гард, — фальшиво протянул портье.
— А край платья мне кажется? Кстати, Лаэрли, оно тебе идет.

Сморщившись от позора, я осторожно втянула предательский цветастый хвост и пожелала самой себе провалиться под землю, вернее, под мраморный пол гостевого дома, принадлежащего Соверену Гарду.

— Вылезайте, он ушел, — не опуская головы, проговорил служащий.
— Как далеко ушел? — уточнила я.
— Поднялся по лестнице.
— Могу я вас отблагодарить? — прямо спросила я размер благодарности.
— Даже не сомневайтесь, — не стал отказываться он, но оговорился:
— На успокоительные порошки.

Люблю анадарийцев! Они всегда найдут вескую причину, почему нельзя отказываться от чужих денег.

Я вытащила из сумочки пару ассигнаций и, не вставая с пола, сунула в полку под крышкой стойки.

— Купите еще пилюли от головной боли. Уверена, что в ближайшие дни они вам понадобятся.

Кое-как я поднялась на колющие иголками ноги, оправила платье и вспомнила о Юджине, дожидавшемся меня за столиком в ресторации. Страшно представить, что он себе надумал.

— Господин портье, окажите еще одну любезность. Я пришла с молодым человеком...

— С Юджином Войтом, — высказал он удивительную осведомленность. Хотя чему удивляться? Это же Анадари! Тут все друг друга знают, а уж боевого мага из городской стражи, тем более.

— Передайте ему, что мне срочно — нет — очень срочно пришлось уехать домой. И главное! Окажите милость не упоминайте... Ну, об этом, — помахала я рукой, намекая на прятки под стойкой.

— Разумеется, — кивнул портье и вдруг заговорщицки подмигнул.

— Всего доброго! — немедленно попрощалась.

— Заглядывайте к нам, — дружелюбно кивнул он.

Нет уж! Пожалуй, воздержусь. Галопом я неслась к свободному извозчику, поджидавшему пассажиров на дороге возле гостиного дома. Говорю же, у меня появилось новое увлечение. Рута гадает на кофе и тихонечко шаманит в спальне за закрытой дверью, а я от мужиков, приличных и не очень, сломя голову сбегая.

Коттедж встречал мертвой тишиной и тяжелым запахом влажности. Хотелось зажечь в гостиной камин, но в прошлый приезд я едва не угорела от чада, а нанять кого-нибудь, что прочистить засорившийся дымоход, так и не сподобилась. Пришлось плестись в спальню и натягивать теплые вещи: полосатые гольфы, начесанные лосины и растянутый свитер, чуть сточенный на спине молю, который когда-то давно носил Трэн.

Утеплившись, я спустилась обратно. Входная дверь оказалась распахнутой настежь и демонстрировала пустынную погруженную в серые сумерки улицу. Сердце нехорошо сжалось. На всякий случай я выглянула на террасу, но ни одного оживленного Энбри Полта не обнаружила. Заперла замок, добралась до кухни...

Ходячий труп был вовсе не на улице, а в грязном и словно изжеванном костюме застыл посреди кухни. На голове — воронье гнездо, мертвые глаза затянуты бельмами, синеватые пальцы с черными полумесяцами на ногтях подрагивают.

Я оцепенела. Судорожно пыталась вспомнить памятку из кабинета некромагии, но от страха в голове помутилось и всплывали только наставления преподавателя, что с оживленным мертвецом следует себя вести как с медведем-шатунотом. Дурацкий совет, право слово! На улице проще встретить какого-нибудь... Соверена Гарда, чем медведя. Топтыгин и вовсе жил в зоопарке на острове Эльба. Случайно с ним столкнуться — нереально. Но я же на Анадари! Как мне все еще хватало наивности удивляться?! В один день встретила и с Гардом, и с зомби. Один другого краше. Остался медведь.

На кухонном прилавке, всего в шаге от меня, стояла чугунная сковорода, которую старая Грэм считала лучшей защитой от зомби. Не доверять Грэм было глупо, она многое повидала!

Я осторожно потянулась к грозному оружию, но Энбри Полт был не диким животным, реагирующим на угрозу, а мертвецом, готовым сожрать все, что умело шевелиться. Даже плавное движение заставило его сорваться с места. От страха в голове появилась совершенно идиотская мысль: за мухами они тоже гоняются?!

Плохо осознавая, что уже зажимаю двумя руками длинную ручку чугунной сковороды, я размахнулась. Господи, кому расскажешь — засмеют! Мощный удар свернул зомби шею и отбросил на несколько шагов. Проворно выскочив из кухни, я захлопнула дверь и привалилась к ней спиной. В панике покрутила головой, пытаясь прикинуть, чем закрыть проход. Напольные часы, составлявшие весь интерьер пустой гостиной, не подвинешь — проще сразу позволить себя слопать. Но швабра стояла тут же, в уголке, обвернутая подсохшей ветошью.

Вдруг от мощного толчка меня едва не выкинуло вперед. Накатила новая волна паники: что делать-то?! Резко раскрыла дверь. С хрустом шибанула вытаращенного зомби сковородкой по голове. Захлопнула дверь. И все за пару секунд. Лесные нимфы-воительницы лопнули бы от гордости за дерзновенность! Кажется, я даже не дышала в момент отважного рывка.

Швабра была сунута за ручку кухонной двери. Мертвец оказался замурован! Прижав к груди прокопченную, промасленную посудину, я перевела дыхание. Вот уж воистину нимфы не умеют страдать от всего сразу. Нападение зомби напрочь отбило желание издохнуть от холода. Я очень сильно хотела жить! Не важно где, в выстуженном доме с текущей крышей или даже на северных ледниках.

Дверь снова содрогнулась от мощного удара! Голодный Энбри не сдавался, а стремился выбраться наружу и сытно отужинать. Пока баррикада не пала и меня не превратили в еду, я бросилась наутек. В смысле, на улицу. Правда, что делать за пределами дома тоже плохо представляла. Вряд ли соседи кинутся спасать сиротку, орущую во всю глотку, что Энбри Полт обнаружен, и он вышел на охоту за нимфами. Придется нестись в стражий участок. В соседнем квартале. Надеюсь, что по дороге меня не сожрут.

Сковородку была вынуждена оставить. Замок заедал, связка ключей истерично звенела. Я рванула дверь, перескочила через порог и со всего маха врезалась в Соверена, только-только поднявшегося на террасу. От неожиданности он пошатнулся.

Знаете, какое это чувство во время зомби-апокалипсиса обнаружить у себя на пороге сильного темного мага? Волшебное! Трясущими руками я сжала — ладно — вцепилась в широкие плечи ошарашенного мужика и восторженно воскликнула:

— Боже мой! Как же я рада тебя видеть!

— Меня? — искренне удивился он.

— Убей Энбри Полта!

— Прости? — опешил маг, внимательно вглядываясь в мое лицо. Видимо, пытался отыскать признаки буйного помешательства или тяжелого опьянения, а может, всего сразу.

— Ты только не пойми неправильно. — Я экспрессивно замельтешила руками. — Он уже умер. Пару дней назад. Но захотел меня сожрать. Я его сейчас шваброй на кухне закрыла...

— Он умер в твоей кухне?

Понятно, что после нападения ожившего трупа я была немножко взбудоражена. Сложновато сохранять невозмутимость и сыпать ироничными остротами, чудом избежав участи анадарийского рагу из нимфы. Но что непонятного? Зачем переспрашивать, когда надо действовать: крушить и сжигать! Разумеется, не дедов коттедж, а зомби.

— Да почему в моей-то? В своей! Или вообще не в кухне! Потом его кто-то оживил и вот...

Я закрыла рот и выразительно моргнула, больше не в силах выдать ни одной мысли. Неважно, связной или бессвязной. Судя по озадаченной физиономии свалившегося мне на голову... в смысле, посланного свыше помощника, логики он не проследил.

— Что? — кивнул Соверен, побуждая меня продолжать, когда словесный фонтан, так сказать, фонтанировать перестал.

— В смысле «что»?

— Ты сказала «и вот», — с досадой рявкнул Гард.

— И вот... не слышишь? Он ломает кухонную дверь, — дернула я головой, намекая на темные холодные внутренности коттеджа.

Вокруг царил необычайная тишина. У меня возникла страшная догадка, что Энбри Полт при жизни был ужасным хитрецом и после кончины превратился в очень коварного зомби. Поди, сорвал приснопамятный шпингалет, выбрался в сад и сейчас обходил дом, чтобы напасть на нас с тыла. Только я собралась поделиться размышлениями с магом, как у того случилось долгожданное просветление.

— Постой, Лаэзли. — Он поменялся в лице. — Ты пытаешься сказать, что в доме поднятый, и он на тебя напал?

— Энбри Полт! — объявила я, как будто имя имело принципиальное значение.

— Где ты его нашла? — не скрывал Соверен удивления.

— Это он меня нашел, — возмущилась я. — И захотел сгрызть!

— Но ты сумела сбежать?

— Я его огрела сковородкой.

— Мертвеца?!

— Два раза.

— То есть ты ударила поднятого сковородкой, — повторил он. — Два раза. И все равно побежала? Ты рехнулась?!

— Боже, почему ты на меня орешь? — охнула я.

— Ты должна была лечь на пол и не шевелиться!

— А так можно было?! — изумилась я и тут же вспомнила каждый паршивый пункт памятки, висевшей в кабинете некромагии. — Точно... Нас же этому учили.

Соверен сжал мои плечи и медленно, словно глупому ребенку сказал:

— Подожди меня здесь и не заходи в дом. Ни в коем случае! А лучше сядь в экипаж. Кивни, если поняла.

Я послушно кивнула. Он мягко отодвинул меня с дороги и перешагнул через порог дедовского коттеджа.

— Ты будешь один? — жалобно пропищала я ему в спину. — А где твоя охрана?

— Кто по Анадари ходит с охраной?

Хороший вопрос. Никто, конечно! Но учитывая, какой бурной может оказаться сельская жизнь, я бы не отказалась от присутствия, к примеру, Марта Тегу.

Дверь сама собой захлопнулась, отрезая меня от мага. Дрожа как осиновый лист, я обняла себя руками и оглянулась через плечо. На дороге стояла темная карета с горящим на крыше фонарем... Мгновением позже настороженную тишину в клочья разорвал грохот. Коттедж вздрогнул, зазвенели стекла, на крышу террасы посыпалась отвалившаяся черепица. Стук заставлял вжимать голову в плечи. И стало тихо.

Прошла минута, вторая. Не выдержав, я осторожно заглянула в сумрачный холл и позвала:

— Соверен?

Он не отвечал. В пугающем безмолвии раздался странный чавкающий звук.

Его что... ели?!

Недолго думая, я ворвалась в дом, подхватила с подоконника оставленную сковородку и выскочила в гостиную. Большая комната, утопающая в полумраке и безмолвии, была пуста и на первый взгляд казалась в полном порядке, но оконные стекла покрылись крупными трещинами, а циферблат у напольных часов затянулся паутиной. В воздухе стоял сладковатый запах сожженной плоти. Его ни с чем не перепутаешь!

— Соверен! — стараясь не дышать полной грудью, я сжала покрепче сковородку и вошла в кухню.

Вокруг творился настоящий хаос. Мебель из железного дерева, сколоченная на годы, конечно, выстояла после мощного колдовства, однако стеклянные витрины щерились острыми клыками-осколками, а кухонная утварь, перевернутая и раскиданная, валялась где придется. Соверен сидел над Энбри Полтом. Вернее, над тем, что осталось: кучкой пепла, завернутой в изжеванное одеяние. Казалось, маг не замечал невыносимого зловония, от которого у меня к горлу подступил тошнотворный комок.

В вязкой тишине под моей ногой хрустнул осколок чашки. Гард резко повернул голову. Сильный темный маг во время колдовства — страшное зрелище. Черные глаза были глубокими и недобрыми, взгляд — засасывающим. На лице перетекали и менялись рисунки, словно нанесенные тушью. Сцепленные, агрессивные орнаменты вились даже на веках, сползали на

шею, ныряли за ворот свитера. А еще по виску от разбитой брови стекала струйка крови, в полутьме казавшаяся черной.

— Соверен... — осторожно позвала я. Он мгновенно вышел из транса, магия погасла: исчезли рисунки, потухли глаза.

— В карету ты, конечно, не пошла. Никогда не слушаешь, что тебя говорят? — хрипловато спросил он.

— Слушаю! Сначала было слишком громко, потом чересчур тихо, и тут я испугалась.

— Когда боишься, бежать надо, а не возвращаться, — вдруг надумал он учить меня ум-разуму. — Ты пришла меня спасти или прикончить?

— А? — непонимающе я посмотрела на сковородку в своих руках.

Соверен поднялся. Поморщившись, стер ладонью кровь.

— Ты ранен, — пробормотала я не в силах пошевелиться.

Он повернулся к раковине, видимо, рассчитывая умыться. Дернул вентиль... и кран вместе со злосчастным вентилем с грохотом выпали из гнезда. В лицо мага злобно выплонуло шипящий ледяной фонтан. В общем, умылся вместе с одеждой. Замерло все: время, я, Соверен.

Сожженный труп не шевелился... В глубине трубы недовольно ворчало и булькало.

Оплеваный — к-хм — облитый Гард оперся о край каменной раковины ладонями, опустил голову. С волос, подбородка и кончика носа стекала вода.

— Дать полотенчко? — осторожно спросила я.

— Стражей.

— В смысле?

— Попроси кучера, чтобы привез отряд стражей. Они разберутся с останками.

— Но полотенчко...

— Прямо сейчас, — вкрадчиво настоял он.

— Ага, бегу! — выпалила я и действительно ринулась на улицу, все еще прижимая к груди сковородку.

Сначала кучер мне не поверил. Таращился как на чокнутую, хлопал глазами, морщил нос. Потом решил перепроверить диспозицию лично у хозяина и начал спускаться с козел. Но сковородка его убедила! Когда я принялась в отчаянии потрясать грозным оружием против ходячих мертвецов и людского недоверия, он проникся ситуацией и поклялся привезти стражей. Прямо сейчас! Немедленно! Но было у меня подозрение, что этой ночью мы не дождемся ни кучера, ни городского отряда магов.

Галопом, размахивая сковородкой, я вернулась в дом. Первый этаж окончательно погрузился в густую полутьму, но запах почти исчез. Витал в воздухе едва заметный след, точно кто-то сжег на очаге кастрюлю с мясной похлебкой. Подозреваю, что без магии не обошлось, ведь окна были по-прежнему закрыты.

— Женщина, в этом доме хотя бы что-то зажигается? — раздраженно спросил Соверен, выходя из кухни.

Хотела пошутить, что только ходячие мертвецы, но помощник был явно не в юморе.

— Свечи. Лампы разрядились года два назад.

Я пристроила сковородку на каминную полку (честное слово, даже душой к чугунной посудине прикипела) и дрожащими руками попыталась выбить искру из огнива, чтобы запалить оплавленные свечи в старом трехрожковом подсвечнике.

— Оставь. — Гард протянул руку к ночнику на стене. Воздух рассекла яркая голубоватая вспышка, но ничего не произошло.

— Что ты делаешь? — аккуратно поинтересовалась я.

— Заряжаю магическую лампу.

— Ну это... Она пустая. Я кристаллы выбросила.

Хорошо, что взглядом темные маги не умели ни убивать, ни обращать живых нимф в прах, иначе меня постигла бы печальная судьба Энбри Полта, и стражи забрали бы из дома две кучки пепла. Прозвучал резкий щелчок пальцами. Свечи в канделябре вспыхнули сами собой. В комнате заметно сквозило, но язычки пламени непривычного голубоватого цвета вытянулись ровные, как пики. А в пустом камине замельтешили крошечные мушки-светлячки, готовые поджечь поленья, но бесполезно осыпались угасающими искрами.

Соверен сделал неуверенный шаг и вдруг схватился за стену.

— Ты в порядке? — подскочила я к нему и подставила плечо:

— Обопрись.

— Пощади мою гордость, — пробурчал он.

— Тебе на самом деле стоит прилечь, но лучше не на пол, — приобняла я его за пояс и ловко поднырнула под руку.

Мы медленно потащились к лестнице на второй этаж. Должна признать, что Соверен Гард был тяжел не только характером. Самомнение, прибавленное к высокому росту, явно добавляло пару десятков фунтов.

Едва мы в потемках начали подниматься по ступенькам, как он сбил ногой одну из мисок. Посудина с восторженным звоном покатилась вниз и утонула за собой пару товаров, поднявших невообразимый грохот.

— Тебе не хватает полок? — не удержался от ироничного вопроса Гард.

— У меня протекает крыша.

— Поэтому ты пошла на мертвеца со сковородкой? — немедленно подколол остряк.

— Еще одно слово, и ты сам поползешь к кровати! — проворчала я. — А еще лучше — выгоню тебя лежать на террасе.

— Там холодно, — заметил он.

— И очень грязно!

Бог мой! Сейчас он увидит спальню, заставленную тазиками, и решит, что я живу в решете. Конечно, первым делом Соверен толкнул посудину в проходе, со стуком отскочившую к стене, но промолчал. Он опустился на кровать.

— Зажжешь свечи? — попросила я, немедленно открывая дверцы старенького шифоньера, чтобы найти что-нибудь из одежды Трэна.

Гард послушно щелкнул пальцами, и комнате вдруг залил ровный белый свет. С удивлением я оглянулась через плечо. На тумбе вспыхнул магический ночник, прежде никак не реагирующий на мои жалкие попытки вернуть его к жизни. Зато враз стали заметны и застарелые влажные пятна на стенной ткани, и многочисленные тазы, и сиротская неопрятность обстановки. Честное слово, лучше бы не поленилась и запалила свечи огнем.

Внутри гардероба пахло ветошью, старым деревом и сухой лавандой в холщовых мешочках, привязанных к перекладине. Вещи Трэна аккуратно сложенными стопками хранились на верхней полке. Я вытащила рубашку получше и повернулась. Соверен уже разулся и вытянулся на кровати. Лицо бледное, бровь разбита.

— Как ты себя чувствуешь?

— Неприлично богатым и ужасно избалованным, — отозвался тот, конечно же, намекнув, как жалок коттедж. — Я начинаю понимать, почему ты отказалась от нового дома. Похоже, любовь к шалашам у нимф передается через поколения.

— Я позволяю тебе злословить в доме деда только потому, что признательна за помощь. Но, должна предупредить, что благодарность у нимф заканчивается быстро! — Я швырнула ему в физиономию чистую одежду. — Сухое!

— Уверен, в детстве ты была хулиганкой и держала в страхе всю улицу, — начал дразнить он, подхватив рубашку.

— Не приходилось, — фыркнула я. — Спесивых болванов всегда сбивала с толку моя улыбка.

— Серьезно? — насмешливо отозвался он.

— Ага. Они сразу пытались меня купить, как корову на рынке.

Соверен схватился за свитер, чтобы рывком стащить его через голову, но замер. Мы встретились глазами. Неблагодарно дразнить человека, который только что спас мне жизнь, но до чего же он бесил, если не колдовал! Сил и терпения не хватает!

Гарду стоило промыть разбитую бровь, а мне — куда-нибудь выйти, пока не появилось неопределимое желание опустить сковородку на его побитую голову.

— У тебя еще кровь идет, — буркнула я и развернулась на пятках, чувствуя, как он за мной следит.

Когда вернулась с плоской воды и чистым полотенцем, мужчина уже переоделся и растянулся на кровати, прикрыв глаза ладонью. Рубашка Трэна была узка в широких плечах, нелепо натягивалась, а пуговицы топорщились, стремясь выскочить из петелек. На животе парочка осталась не застегнутой, и в прорехе виднелся кусочек обнаженного тела. Почему я туда смотрела?

— Любишь подглядывать, Лаззли? — вдруг тихо произнес он, не открывая глаз.

— А ведь когда молчишь, нормальным человеком кажешься! — машинально оцетинилась. Присев на краешек кровати, осторожными мягкими касаниями я протерла ему рассеченную бровь.

— Подуешь? — дернул он уголком рта.

— Перебьешься.

Неожиданно он перехватил мое запястье, посмотрел в лицо. Внимательный взгляд засасывал, не давал отвернуться. Сердце вдруг грохнуло о ребра. Тяжело, сильно. Я замерла, удивленная этим неестественным буханьем.

— Я испугался, — тихо произнес он.

— Тот, кто учит тебя соблазнять женщин, ничего в женщинах не понимает. Выгони его вон! — наверное, не к месту сострила я. — Слышал, что признаваться в слабостях — совершенно немужественно? Человечно, конечно, но с образом не вяжется.

Странная напряженная атмосфера, воцарившаяся в комнате, оказалась разрушена.

— Дурочка, — хмыкнул он, отпуская мою руку и откидываясь на подушку. — За тебя испугался. Никогда ничего подобного не испытывал.

— Не понравилось, да?

— Еще не оценивал.

— Да ты из тех, кто на ночь мысленно смакует, какого добра за день причинил? — издевалась я. — Хорошо тебе живется, глава острова Тегу, лично я так устаю, что падаю лицом в подушку и засыпаю. Признайся, самые яркие моменты в твоей жизни связаны со мной?

— Верно, — вдруг усмехнулся он.

— Это повод списать долг? — немедленно вернула я.

— До знакомства с тобой я никогда не ходил с разбитым лицом. Безусловно, яркий момент. Думаешь, это повод подумать о процентах?

— Может, тебе водички налить? — с деятельным видом засуетилась я, демонстрируя желание угодить придирчивому кредитору. — Предложила бы перекус, но ты превратил кухню в склеп бедняги Энбри.

— Я буду не против порошков от головной боли, — вдруг признался он.

— Сколько спишешь?

— А ты умеешь пользоваться моментом, — слабо пробормотал Соверен и прикрыл глаза. Лицо было бледным. Видимо, после удара чем-то там, чем его шибануло, котелок действительно трещал. Монстром, как Энбри Полт, я не была, порошками, на всякий случай прихваченными из домашней аптечки, поделилась.

Возможно — я просто допускаю такую мысль, — что во время болезни Рута перепутала снадобья, и в порошки от головной боли абсолютно случайно затесались пакетики со средством от горячки, в которое по непонятной прихоти аптекарь добавлял чуточку — ну, самую чуточку — снотворного. В общем, сегодня хозяину острова Тегу не пришлось вспоминать причиненное добро. Когда в двери заколотили стражи, Соверен спал глубоким беспробудным сном. И, разумеется, пропустил все веселье!

Долгожданные блюстители порядка долбили так, будто за ними гналась толпа мертвецов, а дедов коттедж являлся единственным безопасным местом в округе, где поднятых умели укладывать обратно.

— Госпожа Астор, немедленно откройте! — орали с улицы. — Иначе мы выбьем двери!

— Не выбивайте, там открыто! — испугалась я, скатываясь с лестницы и попутно сбивая парочку чудом оставшихся на ступеньках плешек. Хорошо, в руках несла магический светильник. Свечи точно погасли бы и пришлось бы встречать стражей в крошечной темноте.

Стучать прекратили, дверь толкнули и в дом ворвались четверо людей в форме с нашивками городской стражи на груди. Мы встретились возле лестницы и с удивлением друг на друга уставились. Они на меня, я на них. За спинами боевых магов маячил кучер с нервическим, перекошенным от избытка эмоций лицом.

— Где он? — требовательно спросил тот, кто, видимо, в банде — ой — в отряде был старшим.

— В кухне! — немедленно объявила я. — Только лампу возьмите!

— Справимся, — буркнул старший.

Настаивать посчитала лишним. Чтобы заблудиться в крошечном коттедже надо было страдать тяжелым топографическим кренинизмом. В смысле, такой тяжести, когда, направляясь в кухню,

обнаруживают себя на чердаке или в чулане с садовыми инструментами. Вряд ли у боевых магов, закончивших академии и прошедших подготовку, случился бы такой конфуз. Но через некоторое время я начала сильно в этом сомневаться. Анадарийские стражи умели удивлять! Конфуз случился! У всех разом.

Может, на дальний остров специально отправляли магическую отбраковку, которую не хотели брать в другие приличные места, или местный воздух странно действовал? Однако один из парней схватил с каминной полки чугунную сковородку, едва не сбив подсвечник с горящими ровными голубоватыми пиками свечами, и констатировал:

— Орудие преступления найдено!

— Какого еще преступления? — опешила я.

— Вот ей! Ей она размахивала у меня перед носом! — потряс кулаком кучер, неожиданно выходя на первый план.

— Ну, извините, была не в себе, — протянула я, переставая понимать, что за цирк с конями и драконами происходит в моем доме. Они собираются забирать прах или что?

— Он лежит здесь! — прикрикнули из кухни.

— А вы думали, что я обманываю? — вырвалось у меня.

— Тело уничтожено! — отрапортовали следом.

— Уничтожено? — сверкнул глазами, вернее, одним глазом, как мне показалось, страж.

— По-вашему, его надо было связать и сунуть кляп в пасть, чтобы он кусаться не мог?

Серьезный, хмурый страж потеснил меня с дороги. Кучер, прижимавший к груди измятую шляпу, посеменил за ним следом.

— Двигай! — подтолкнул в спину еще один из боевого квартета. Тут у меня случился легкий приступ ненависти к магам, и я рявкнула в рябое лицо:

— Да вы берега попутали, господа!

В кухне царили разруха и темнота. Тусклый свет, озарявший лишь гостиную, рисовал полупрозрачный прямоугольник от дверного проема на плиточном полу.

— Зажгите свет, — приказал старший.

Один похлопал в ладоши, другой пощелкал пальцами. Ничего. Следовало сказать, что единственная горящая лампа осталась в холле, но я была оскорблена до глубины души и насуплено промолчала.

— Бездари... — процедил старший и попытался на ладони зажечь голубоватый шар. Однако что-то пошло не так и щегольнуть умениями не удалось. Невыразительный полупрозрачный шарик пыжился, пульсировал... и рассыпался жалкими искрами. Кажется, я начинала понимать, почему они два дня ловили беднягу Энбри, но так и поймали.

Может, лампу из холла принести? — наконец пожелала подать голос.

— Сами разберемся, — буркнул страж и лично перетащил из гостиной зажженные Гардом свечи, горевшие ровно и весело, несмотря на бесцеремонные перемещения по дому. Светлее в кухне стало ненамного, но кое-что разглядеть удалось: кто-то из стражей случайно наступил на прах несчастного Полта и на плитках отпечатался след от подошвы.

— Опознавайте! — приказали кучеру.

Он хлопал глазами, мялся, таранился на сожженного зомби и жевал губы.

— Он?! — приказали поторопиться.

— Костюмчик, кажись, другой. Может, того... переоделся? — Кучер с надеждой обвел взглядом суровых блюстителей порядка. — Или она сковородкой пристукнула, а потом передела.

— И сожгла, — хмыкнула я.

— Ага, и сожгла, — поддакнул слуга. — А запах с помощью магии развеяла.

— Господин кучер, если вы вдруг не заметили, я нимфа.

— Как же такое не заметишь? — пробурчал он. — У тебя на лице все написано.

— А у меня на лице не написано, что нимфы не умеют колдовать? — уточнила я. — Вообще ни разочка.

В кухне повисло задумчивое молчание, замаявшиеся мужики пытались оценить бесценное сведение.

— Нет, господа, я согласна, что рискованно отбиваться от мертвеца сковородкой, но с каких пор самозащита является преступлением? — Я старалась говорить ровно, но возмущение прорывалось. — Надо было дать себя сожрать?!

— Господин Гард вас... к-хм... хотел съесть? — уточнил старший.

— Энбри Полт! — ткнула пальцем в сторону останков, кажется, даже немножко окосев от злости. — Сначала не следите за своими мертвецами, а потом честных законопослушных горожан в немыслимых вещах обвиняете! За что я только налоги в казну плачу?! Забирайте своего мертвеца и выметайтесь из моего дома! И чтобы ни унции не просыпали! Иначе каждый день буду приходить в участок и писать жалобы!

— А где Соверен Гард в таком случае? — рявкнул страж.

— На втором этаже!

— Живой?

— Идите проверьте, — предложила я.

Суровые боевые маги переглянулись, но старший был категоричен — никому не дал улизнуть! Кучеру в том числе. Я держала в руках магическую лампу и озаряла путь пятерым мужикам. Они решительно поднимались следом за мной по лестнице и топали тяжелыми сапогами так, словно маршировали на параде. Сгрудились честной компанией возле открытой двери в спальню, где на кровати, не подозревая о развернувшейся охоте на нимф, живой и относительно здоровый, в сладком забытье пропускал развлечение Соверен Гард.

— Он? — любезно спросила я.

— Он? — переадресовали вопрос кучеру.

Тот шмыгнул носом и промычал:

— Но одежда на нем другая!

— Так что, господа? — спросила я. — Забираете обоих? Кто потащит?

Почему-то никто не захотел стаскивать с крутой лестницы главу семьи-основателей Гард и доставлять в гостевой дом. На месте стражей я бы тоже побоялась будить высокородного господина, сделавшего за них грязную работу. Проснется в дурном настроении и начнет предъявлять претензии. Объясняй, что за переполох устроили в доме жертвы! Без слов народ тихонечко потянулся к лестнице. Кажется, они даже шикали друг на друга.

Ничего хорошего от анадарийских боевых магов я уже не ждала. Подозревала, что они попросят метелку собрать прах, но магических умений все-таки хватило. Энбри Полт упокоился в глиняном горшке, найденном в полке кухонного шкафа за грязной кастрюлей из-под рагу.

— Госпожа Астор, — старший замялся, — вы уж не держите зла.

— Не буду, — пообещала я со сладкой улыбкой, чтобы ни у кого не возникло сомнений — держать зло будут и очень долго. Блюстителю порядка нервно засунул палец за ворот плаща и прочистил горло.

— Но, может быть, хотя бы не станете рассказывать господину Гарду о... к-хм... недоразумении?

— Может быть... — любезно согласилась я, и на лице стража нарисовалось облегчение.

Мимо нас с горшком и сковородкой прошмыгнул молоденький страж. Другой нес завернутый в простыню грязный костюм.

— Может быть, о чем-то умолчу, если вы вернете мою сковородку! — немедленно остановила я дерзкое ограбление.

Что за люди? Одни строят из себя интеллигентов и воруют корзинки прямо из-под носа хозяйки, другие прикрываются нашивками на форме и тащат дорогую сердцу кухонную утварь, с которой мы фактически прошли огонь, воду и нападение мертвеца. Да это как отдать врагу боевой меч и дрессированную виверну в придачу!

— Мы забрали вещественное доказательство! — немедленно ошетинился страж.

— Что вы ей собираетесь доказывать? — уперла я руки в бока. — Что от мертвеца сковородкой можно отбиться? Лучше памятку учите, а сковородку отдайте. Мне на ней еще яичницу жарить.

— Просто отдай ей сковородку, — примирительно пробормотал старший. — От нас не убудет.

— Почему с вас должно убыть мое имущество? — не преминула высказать я недовольство.

— Но как мне ее в рапорте-то описать? — промычал страж.

— Воспользуйтесь фантазией! — забрала я боевую подругу.

Наконец все покинули дом. К слову, первым улизнул кучер с таким видом, будто ночью собирался сбежать на Саут, сесть на корабль до континента и навсегда покинуть Город десяти

островов. Народ тянулся гуськом к каретам, а один из стражей, не заботясь, что в тихом квартале голоса разносились на три улицы окрест, начал громко жаловаться:

— Капитан, нам точно конец! Вы не представляете, какие нимфы злопамятные! Я как-то с одной на свою голову связался. Пять лет прошло, а она на каждые именины шлет похоронные венки. И ведь помнит, стерва! До развода этими своими цветочками довела.

Входная дверь была тщательно заперта на замок. Устало поднявшись на второй этаж, я заглянула в дедовскую комнату. Соверен, не обращая внимания на свет, крепко спал. Пришлось плестись в свою комнату, где на узкой кровати стоял тазик с водой, а от окна сквозило так, что на раз гасли свечи.

Таз переместился на пол. Не раздеваясь, я улеглась на неровный матрац, попыталась взбить влажную подушку. Только задремала, а перед мысленным взором поплыли неясные тревожные образы, как обрушился потолок. Нет, конечно, не весь разом, а свалился приличный кусок отсыревшей после дождя побелки. С перепуга я резко села и, как сова, захлопала глазами. С толстого лоскутного одеяла, заметно отсыревшего после потопа, на пол слетели комки, мелкая крошка засыпала ноги. На потолке зияла большая дыра и в ней виднелись тонкие планки перекрытий.

— Ой, ну все! — рыкнула я, вскакивая с кровати, и едва не угодила ногой в злосчастный таз. Да еще из туфли пришлось высыпать крошки побелки.

Что «все» для меня самой оставалось загадкой. Спальня Трэна была непригодна для ночевки, а в единственной комнате, где я поддерживала относительный порядок, дрых без задних ног нахальный захватчик!

Я вошла в спальню и, встав в изножье кровати, некоторое время изучала спящего. Может, его пнуть с кровати? Постелить на полу одеяло и совершенно случайно узурпатора уронить? Все равно же не заметит, а если утром начнет возмущаться, то скажу, мол, сам скатился... Но совесть взыграла.

Оставалось договориться с принципами и поклясться самой себе, что слиняю из комнаты еще до рассвета. Ведь крепко спать рядом с Совереном Гардом ни одна приличная нимфа не рискнет, а неприличная просто не сможет — измучается от соблазна прижаться к теплому крепкому боку, а не страдать от холода. Хорошо, что я приличная, невинная нимфа, решившая в ближайшее время выйти замуж!

В общем, отгоняя странные мысли, я выстроила посреди кровати стену из подушек и тихонечко легла на голый матрац, обтянутый простыней. Из-под тяжелого соседа с трудом, но удалось вытянуть краешек одеяла. Подложив под щеку сложенные ладони, я вырубилась, как от снотворного порошка.

Проснувшись в один миг, резко открыла глаза и обнаружила, что рассвет давно наступил. В комнату сочилась косые солнечные лучи, и в них растворялся свет по-прежнему горящей на тумбе магической лампы. Но самое главное открытие оказалось и самым неприятным. Баррикада из подушек за ночь рассыпалась, и бессознательное победило! Никаких приличий во сне! Мы с Совереном лежали в позе сложенных ложек, изгиб к изгибу, ладно и филигранно. От его тела шло тепло, грудь прижималась к моей спине, а рука... коварная мужская рука всей тяжестью обнимала меня за пояс!

— А говорила, что ляжешь в постель только к мужу, — промурлыкал хриловатый ото сна голос мне в затылок.

— Болван! — задохнулась я, вырываясь из тесных объятий.

Мужские пальцы вцепились в мой свитер, не позволив скатиться с кровати. Я схватила подушку, вывернулась и от души прихлопнула подлеца.

— Женщина, я же пошутил!

— А я по утрам не страдаю от приступов юмора! — снова атаковала я тяжелой подушкой.

Он сделал резкий рывок. Орудие убийства спесивых болванов отлетело на пол, а меня придавили к матрацу. Соверен склонился, темные спутанные после сна волосы упали на лицо. В глазах плясали бесы. Разбитая бровь опухла. Наверное, получить подушкой по синяку было больно, но вида он не подал.

— С тобой приятно просыпаться, Лаэрли, — тихо произнес Гард.

— Запомни получше это чувство. Больше ты его не испытаешь!

— Потому что единственный мужчина, с которым ты готова делить постель, наденет тебе на палец обручальное кольцо?

— Верно!

Я попыталась его пнуть, но получилось еще хуже. Соверен обхватил ногой мое бедро, и я ощутила... к-хм... то самое характерное явление, которое случается у мужчин во время шуточных боев подушками с сонными злыми нимфами. Хотя, помнится, еще в лицее девчонки шепотом сплетничали, будто для эффекта утренней окаменелости, как у Небесного воина, мужикам даже компания не требуется. Это, так сказать, природная аномалия.

Глаза Соверена потемнели, в лице появилась жесткость. Он начал медленно опускать голову, не сводя взгляда с моих губ.

— Не смей меня целовать! — процедила я и даже попыталась дернуться.

— Иначе что? — тихим хриплым голосом спросил он.

— Не верну тебе долг!

— Договорились.

Целоваться спесивый болван умел! Страстно, грешно. И если поначалу возникла странная мысль, что я допускаю недопустимое, сдаюсь и уступаю, то вскоре голова опустела.

Сейчас-сейчас, еще одну секундочку, и я пошлю его в чудесный лес соблазнять какую-нибудь другую невинную нимфу... Но как же сладко! Демоны раздери этот мир на части, как же мне было хо-ро-шо! Именно так, по слогам, чувственно выдыхая каждый звук.

Соверен знал, как заставить женщину стонать и извиваться, беспомощно приподнимать бедра, затянутые в плотные лосины. Я плохо осознавала, что меня больше никто не удерживал.

Прижималась к горячему телу сама, путалась пальцами в коротких волосах, позволяла рукой забраться под свитер, мягко сжать обнаженную грудь.

Вдруг показалось, что кто-то постучался во входные двери. Сознание моментально прояснилось. Боже мой! Свитер был непристойно задран, подушки опрокинуты на пол, а я вкопана в сбившиеся простыни. И занимаемся мы с Гардом тем, чем занимаемся, хотя совсем недавно я гордо швырнула в его высокомерную физиономию, что билет в мою постель можно купить только в храме, оплатив стоимость обручальным кольцом. Я вела себя как натуральная... нимфа, ветренная и непоследовательная! Одно хорошо: истинные дочери лесного народа всегда знают, когда пора делать ноги!

— Кто-то стучится в дверь, — пробормотала я и скатилась с кровати и, боясь взглянуть на Соверена, бросилась открывать дверь. Чуть не свалилась на лестнице. Протерла лицо дрожащими руками, пригладила волосы ладонью и отперла замок. На пороге стоял Юджин Войт, одетый в форму городского стража. В руках он держал плетенную корзинку для продуктов. За широкой спиной грелось яркое утро. В деревенской тишине возбужденно галдели птахи. А наверху, в кровати моего деда, лежал раскошегаренный Соверен Гард...

— Привет, — едва заметно улыбнулся Юджин. — Я заходил пару часов назад, но ты не открыла.

— Спала.

Подозреваю, что мой взлохмаченный, ошеломленный вид буквально кричал, что я, как облитая кипятком, выскочила из постели мужчины, которому никогда в жизни не придет в голову жениться на безродной нимфе, когда-то изображавшей любовницу его дальнего родственника.

— Можно войти? — кивнул Войт.

— Ну... — Я обернулась через плечо, проверяя пустую лестницу, покосилась на ноги в полосатых гольфах. Интересно, если выйти на террасу без тужелья, гость посчитает меня странной?

Он заметил, как я заколебалась и протянул корзинку:

— Мама просила передать. С утра испекла яблочный пирог.

— Благодарю.

На Анадари отвергать угощения было не принято, недолго и соседскую войну развязать. Как откажешься? А возвращать корзинку пустой считалось дурной приметой. Следовало наполнить гостинцами и лично отнести сердобольной хозяйке. Этаким круговорот еды по острову. Правда, передавать вещи через порог тоже считалось изрядно паршивой приметой, но я не пожелала выскочить на террасу, чтобы забрать гостинцы. Хуже неприятностей, чем мертвый Энбри Полт в кухне или возбужденный Соверен Гард в измятой постели, точно не произойдет. Бесполезно фантазию напрягать — моментально начнет стопорить.

— Сегодня в участке только из разговоров о том, что вчера случилось, — заговорил Юджин.
— Мне жаль, Лэри.

— Почему тебе жаль? — удивленно изогнула я брови. — Не ты оживил того парня, и не ты пытался меня съесть.

— Но я не поехал за тобой, когда ты сбеж... ушла из гостевого дома. Надо было узнать, все ли в порядке.

— Как видишь, все закончилось благополучно, — уверила я. — Все живы, дом не развалился, от Энбри Полта не осталось ни пылинки.

— Говорят, тебе помог какой-то темный?

Похоже, ни один из стражей не признался, что они вломились в дом и устроили переполох из-за смерти хозяина острова Тегу, в тот момент сладко дрыхнувшего на втором этаже.

— Да проезжал тут один в карете... мимо, а я как раз из дома выскочила, — начала на ходу сочинять я. — Повезло.

Некоторое время мы мялись и молчали.

— Может, я загляну вечером? — вдруг напросился в гости Юджин.

— К-хм...

— Матушка готовит рагу. Ни кусочка мяса. Думаю, что хочет принести.

Только тетушки Войт для полного и круглого, как тегуский оладушек, счастья мне не хватало!

— Заходи сам, — немедленно выбрала я наименьшее зло. Лучше Юджин, умеющий чинить шпингалеты!

— Тогда увидимся вечером? — обрадовался он.

— Удачи на службе.

Едва дверь захлопнулась, а я перевела дыхание, как Соверен спустился по лестнице в холл. Он успел переодеться, выглядел мрачным и решительно настроился отбыть восвояси. На своих двоих, разумеется. Ведь экипажа, обычно как по мановению волшебной палочки возникавшего в удобном для хозяина месте, рядом с коттеджем не наблюдалось. Возможно, после вчерашней кутерьмы кучер действительно сбежал с острова и уже был на полпути к континенту?

— Может, позавтракаешь, а потом пойдешь? — Я качнула корзинкой. — У нас есть пирог, свежий чай и разгромленная кухня. Ты любишь яблоки?

— Собираешь коллекцию мужчин, Лаэрли? — вдруг накинудся Гард.

— Ты неправильно понял, — неожиданно даже для себя принялась оправдываться я. — Юджин — лучший друг моего брата.

— Но навещает он тебя, — вкрадчиво заметил он. — Или ты прячешь брата в чулане?

— Понимаю, его приход выглядит странно, но Юджин заботился обо мне с самого детства, — соврала с самым честным видом.

— Ты давно не ребенок, Лаэрли.

— Он по привычке.

Неожиданно Соверен сжал пальцами мои щеки, стремительно склонился и поцеловал.

— Какого демона ты творишь?! — вырвалась я и, выронив корзину, вытерла влажные губы рукавом.

— Вырабатываю в себе новые привычки. Один опекает, другой — соблазняет. Отличное решение, как считаешь?

— Я считаю, что ты торопишься с привычками, Соверен! Не собираюсь становиться самым ярким эпизодом в твоей жизни!

— А с Гилбертом Эммотом ты собиралась жить долго и умереть в один день?

— Мы не были любовниками с Гилбертом.

— Он тоже о тебе просто заботился? Так давай, я готов позаботиться, Лаэрли!

— От твоей заботы, особенно в комплекте со щедростью, удавиться хочется! — выпалила я.

— Юджин, по крайней мере, шпингалеты чинит. Заметь, бесплатно!

— Я должен починить шпингалет? — рывкнул Соверен.

— Сможешь?

— Да без проблем! Показывай, что такое шпингалет!

Мы замолчали. Тарасились друг на друга, как чокнутые. Из груди рвался истеричный смех.

— Ты с ума меня сводишь, — стараясь не расхохотаться, растерла я лицо ладонями.

— Нет, это ты меня превращаешь в буйнопомешанного! — видимо, ничего смешного в происходящем Гард не находил. — Ко всему прочему, еще и ревновать меня заставляешь!

— Бог мой! — фальшиво охнула я. — Извини, что причинила столько неудобств, но ревность — проблема исключительно ревнующего.

— Временами мне даже нравится, Лаэрли. — Он как будто не заметил злой иронии, — но если ты на секунду — хотя бы на одну секунду — допустила мысль, что я женюсь на тебя ради постели, то сильно просчиталась!

— В таком случае, тебе лучше уйти! — заявила я из желания уколоть побольнее, нежели потому что действительно допускала идиотскую мысль, будто когда-нибудь Соверен Гард рехнется и поведет меня к алтарю. А после брачного ритуала мы возьмемся за руки и, полные внутренней гармонии, ускачем галопом в угасающий закат.

— Я не имею привычки возвращаться, — ледяным тоном пригрозил он. — И никогда, Лаэрли, не даю второго шанса.

— Напугал мертвеца сковородкой! — выдала я анадарийскую поговорку, возможно, несколько двусмысленную в свете последних событий. — Если как объект домогательств я наконец потеряла привлекательность, то передай мой долг в монетный двор. Им можно оплачивать по частям. Деньгами, а не телом! Женские части тела, даже самые привлекательные, там никому не интересны.

— Не зря говорят, что нимфы мелочные злопамятные стервы! — процедил он.

— Только сейчас понял, с кем связался? Ты все еще здесь?

Сдвинув меня с дороги, он выскочил на улицу. Снаружи небо заволочло тучами и собирался дождь. Дверь шарахнула с таким немыслимым грохотом, что из замочной скважины выскочил ключ и связка со звоном слетела на пол, а на притолоке вспыхнул, казалось бы, с концами перегоревший охранный амулет. По косяку пробежала красноватая искра заклинания. Возле стен и окон прошла заметная невооруженному глазу волна взбудораженного воздуха, означавшая, что магия пробуждена.

Шпингалеты Соверен, конечно, чинить не умел, но дорогостоящее заклинание силой гнева пробудил. Теперь в мой дом не пролетит муха, не прошмыгнет зомби, ни один спесивый болван не переступит порога и не вернется. Может, догнать и сказать спасибо?

Удавит ведь.

На коттедж обрушился сильный ливень. Заколотило в окна и по крыше, тишина наполнилась гулом. Второй этаж снова ждал потоп, но я таращилась на дверь и почему-то не неслась за шваброй, а стояла на месте, словно ноги вросли в холодный пол. Хотелось горько плакать и заедать дурное настроение сытным пирогом, моментально прибавлявшим объема в талии.

Глупо врать самой себе. Я чуточку влюбилась в спесивого болвана, вызывающего желание вмазать ему «Домоводством» и тут же подуть на ранку. Но как такое возможно? Что за странный синдром легкомысленной нимфы? Соверена Гарда с его непристойными предложениями в моих планах не было!

Глава 7

Выйти замуж за злодея

«Лаэрли, это лучшая сделка в твоей жизни. Соглашайся». Соверен Гард

«В беде и радости? Прячься! Беда пришла!» Лаэрли Астор

На аукцион ювелирных украшений мы с Тамарин приехали загодя, в одном экипаже. Ведущая модель заявила, что желает отдельную карету. «За свой счет!» — мгновенно предложила Арлис. Поразмыслив пару секунд, добираться капризная прима решила за счет дома мод.

Придерживая длинное платье, с презрительным видом она вскарабкалась по ступеньке в салон и усадила царственный зад на жесткую лавку. Нам с Микой и Сати пришлось ютиться на одном сиденье, чтобы не мешать нимфе, утверждавшей, будто в ее жилах течет королевская кровь, трястись в наемном экипаже с комфортом.

Пока карета катила по Тегу, никем не стесненную принцессу лесного народа свободно болтало на скользкой лавке туда-сюда, вправо-влево, а иногда и вверх-вниз. С каменным лицом она цеплялась за деревянный край, но сдалась и забилась в уголок. Вскоре умаянная тряской запрокинула голову, приоткрыла рот и захрапела. Никогда я не думала, что изящная нимфа, прости господи, способна извергать рулады достойные мертвецки пьяного матроса.

— Кому-нибудь дать хлопковые шарики в уши засунуть? — уныло спросила Сати. — Я с собой прихватила.

Тут карета въехала на тяжелый каменный мост между Тегу и островом Эльба и сильно дернулась. Нимфа проснулась. В салоне наступила долгожданная тишина.

— На что уставились? — огрызнулась Тамарин, недовольно сверкнув фиолетовыми, под цвет пальто, глазами.

— Ты храпишь, — прямо заявила я. — Очень сильно.

Сати с Микой в унисон хихикнули, но тут же замолчали, когда их одарили грозным королевским взором. Оставшуюся дорогу мы принужденно молчали.

Башня Эстре, принадлежавшая семье-основателей Эльбы, выглядела монументальной, тяжелой и совершенно не походила на башню. Громоздкое белое здание с фасадом, украшенным портиком с гладкими колоннами, и со статуей оскаленного дракона на крыше. Экипаж проехал мимо главного входа во внутренний двор. Ну, знаете? Мебель всегда заносят с черного входа. Узкими темными коридорами, наполненными людской суетой, нас проводили в комнату для подготовки — крошечную узкую каморку, залитую ярким магическим светом, с одним единственным окном.

Аукцион начинался с наступлением темноты, и на подготовку оставалось добрых три часа, пролетевших как один миг. Нас специально одели в платья нейтрального цвета слоновой кости, чтобы глаза отражали оттенки драгоценных камней в украшениях, а не нарядов. У Тамарин в волосах еще и разноцветные пряди появлялись — тонкие, похожие на узкие ленты, запутанные в сложной высокой прическе. Каждый раз, наблюдая, как в шевелюре товаров от корней до кончиков резко окрашивались яркие локоны, я благодарила лесных духов, что некоторых прелестей, характерных для нимф, все-таки была лишена. Не люблю ходить полосатой, знаете ли.

Перед выходом к публике, уже разгоряченной торгами, мне на волосы нацепили диадему с синими камнями, на шее застегнули парное кольцо. По коже моментально пробежал разряд охранного заклятия, пустивший по позвоночнику волну мурашек. Другими словами, украшения можно было своровать только вместе с нимфой, которая теперь билась магическим током не хуже мощного охранного контура. На самом деле, ничего веселого — подобная история действительно произошла. Правда не на Эльбе, а на острове Саут.

— Сапфиры великолепны! — застрекотали ювелир с распорядителем аукциона, обращая на меня внимание не больше, чем на манекен. Мастер по драгоценным камням был невысокого роста, но не обращал внимания на декольте, открытое платьем с обнаженными плечами. Неожиданно он оторвал взор от созерцания камней, играющих в ярком свете магических ламп, и посмотрел мне в лицо.

— Они придадут твоим глазам естественный оттенок? — вдруг прямо спросил он.

— Да, — согласилась. — У меня синие глаза.

— Одевайте ее в украшения синей гаммы! — немедленно приказал ювелир подмастерьям.

Минуту спустя я вышла в зал с богачами, кажется, собравшимися со всего Города десяти островов. Встала на возвышение в перекрестье ярких лучей. Ведущий громким голосом, усиленным магией, объявил название драгоценного комплекта и начался торг. Не реагируя на нарядную толпу, я рассматривала противоположную стену с изображением острова, нарисованного с высоты птичьего полета.

— К демону побрякушки! — выкрикнули из толпы. — Я хочу купить нимфу! Сколько?

И это было обычное дело. Во время аукционов или больших показов обязательно появлялся подвыпивший юнец, которого, как и принято у аристократов, отец недавно впервые отводил в элитный бордель, а мать на день рождения подарила карету с парой лошадок.

— Пятьсот за нимфу хватит? — снова выкрикнул он.

Невольно я попыталась найти взглядом нахала, но вместо него увидела Соверена Гарда с невинной девицей, прилипшей к его локтю. Сердце предательски екнуло.

Вообще, когда в любовных романах пишут, что ледяной взгляд из толпы обязательно можно почувствовать кожей, душой, головой и задом, умеющим искать приключения, — не верьте. В книжках бессовестно врут! Если бы богатенький кретин не мешал ведущему сбывать драгоценности, я не узнала бы, что Гард в зале.

Мы не встречались глазами, меня не сносило со сцены волной ярости. Он вообще смотрел сквозь меня, как на тумбочку или портновский манекен и так внимательно слушал спутницу, что даже интересно становилось, о чем она шептала. Вряд ли скабрзные анекдоты, больно мина у спесивого болвана выглядела каменной.

И вдруг мне вспомнилось, как он, перекошенный от ярости, вылетел из дома на Анадари. Шибанул дверь, зажег магическую охрану и свалил из квартала. На своих двоих. Дождь тогда зарядил до самого утра: превратил запущенный сад в болото, а второй этаж — в бассейн. Даже с лестницы стекало. Надеюсь, что Соверен промок до костей, пока искал извозчика. Хотя наверняка воспользовался магией и окружил себя непроницаемым коконом, чтобы не подмочить фунты спеси и не погасить жгучей злости.

Но и отвергнутому в этот же вечер Юджину Войту пришлось выбираться из коттеджа в ливень. На магию высокого порядка он был неспособен, поэтому на веранде скромно раскрыл зонтик. Уходил он тихо и очень печально. Мамину корзинку, куда я положила яблоки в благодарность за пирог, прихватить не забыл. Разбитое сердце, конечно, разбитым сердцем, но не забрать корзинку, все равно что плюнуть в лицо всем анадарийским традициям и приметам.

Перед моим отъездом приделанный им шпингалет отвалился, а злобный охранный контур прекрасно зажигался. Не всегда вовремя, но жалил, как разъяренный змей. Волосы дыбом от каждого удара вставали!

— Полторы тысячи! — между тем разошелся любитель нимф.

— Две с половиной, — вдруг произнес Соверен и прояснил:

— За ювелирный комплект.

Девушка рядом с ним издевательски прыснула в кулачок.

— Три! — с азартом поднял ставку богатенький кретин.

Гард развел руками, мол, уступаю.

— Сапфировый комплект уходит к господину Эстре-младшему за три тысячи золотых! — с облегчением ударил молоточком ведущий.

Я немедленно направилась «за кулисы», где готовилась к выходу Тамарин, усыпанная бриллиантами.

— Получила отставку, нимфа? — скривила она накрашенные губы. Видимо, подсматривала, что происходит в зале и заприметила рядом с Гардом дамочку. — Не переживай сильно, он с ней как-то приходил на показ.

— Ты так громко завидуешь, — фыркнула я, — не бойшься, что морщины появятся?

В следующий мой выход ни юнца, ни Соверена с девицей в зале уже не было.

Назавтра газетные заголовки взорвались оглушительной новостью. Две семьи-основателей, Гард и Эстре, разорвали отношения! Сплетники поговаривали, будто младший наследник, хамоватый юнец, нанес главе Тегу личное оскорбление. Какое? История умалчивала. Однако все жители центрального острова ужасно негодовали!

Народ возмущенным не казался: по-прежнему торопился по делам или спокойно прогуливался, наслаждаясь теплым весенним днем, и никто не сбивался в кучки, чтобы обсудить возмутительное поправление гордости Гардов. Пассажиры, берущие штурмом переполненный городской омнибус, тоже не выглядели оскорбленными семьей Эстре и больше досадовали, почему экипажи такие тесные. И меньше всего за отношения между семьями-основателями переживал разносчик газет, продавший мне свежий, еще пахнущий типографской краской лист.

Едва я вошла в дом мод, как меня вызвала Арлис. Кабинете встречал портновским адом: диван, стол и даже рабочее кресло были завалены тканями, а она с вдохновенным видом прикалывала к манекену, затянутому в алый шелк, тончайшие клермонские кружева и рывкала на неловких белошвеек, когда те не угадывали мысли хозяйки и подавали, по ее мнению, неподходящие лоскуты.

— Слышала, что вчерашний аукцион прошел с ошеломительным успехом, — искоса взглянула она на меня.

— Да, все прошло спокойно, — согласилась я. Подумаешь, Гард с кем-то поругался. Главное, не стащили ни одной баснословно дорогой диадемы, вместе с приколотой к ней нимфой.

— Сегодня у тебя закрытый показ. Собирайся. Мика уже повезла наряды.

— Это второй выезд подряд, — непрозрачно намекнула я на нежелание уезжать дальше моста влюбленных через реку Орту, делившую наш квартал надвое.

— Клиент хочет видеть модель из весеннего каталога, — вкрадчивым голосом объявила она. — Экипаж будет ждать перед главным входом.

— Сколько? — напрямую спросила я.

— Будет ждать?

— Заплатите за показ.

Кажется, комната замерла от изумления. Белошвейки остолбенели, а Арлис стрельнула в меня таким взглядом, что другая нимфа рассыпалась бы кучкой пепла, как бедняга Энбри Полт от темного колдовского пламени.

— Двойная оплата, — изогнула она брови. — Пойдет?

— Тройная, — нахально потребовала я. Честное слово, не из жадности. Кровельщик, подтававший крышу в дедовском коттедже, прямо заявил, что мелкая починка не поможет, надо перекладывать черепицу. А на ремонт требовались деньги.

— Ты хочешь искать новую работу?

— Ну, я многое сделала в вашем доме мод, — пожала я плечами. — Снялась для каталога, например. Так что...

Многозначительные паузы — великая сила в переговорах!

— Хорошо, тройная, — раздраженно бросила Арлис и добавила:

— Почему я всегда попадаюсь на ваши уловки? Иди!

Заказчик не поскупился, выслал отличный экипаж с мягкими сиденьями. Незаметно мы выбрались за пределы городского Тегу, и за окном поплыли расцветающие живописные пейзажи южной части острова, где селилась местная знать и быстро разбогатевшие торговцы.

Карета остановилась перед особняком из красного кирпича. По всей видимости, дом совсем недавно перестраивали — фасад выглядел заметно обновленным. Но каким-то хитрым образом, вероятно, не без помощи магии, архитектору удалось сохранить старый плющ, затягивающий одну из стен здания. Когда я вышла из экипажа, то невольно задрала голову и проверила крышу особняка. Черепица была совсем новая. Везет же богачам!

— Госпожа, сюда, — указал лакей на парадные двери.

Я вошла в просторный холл с изящной лестницей, грациозным изгибом поднимающейся на второй этаж. У стены, отделенной деревянными панелями, стоял газетный столик и ящик для зонтов. Мелкие детали, обычно непринятые в дорогах домах, добавляли домашнего уюта.

— Моя помощница здесь? — растерялась я.

— Благополучно оставила платье и отбыла обратно, — ответили мне, плотно закрывая входную дверь.

— Простите? — напряглась я.

— Прошу в кабинет.

— Зачем?

— Вас ждут. На стол уже накрывают.

— Да я перекусила по дороге, — немедленно соврала. В голове скакали лихорадочные мысли. Вот попала, так попала, демоны дери Арлис с ее работой!

— Господин перед обедом желал поговорить, — мягко улыбнулся лакей.

Я шла по длинному коридору, застеленному толстым ковром, и с трудом справлялась с подленьким чувством, что сейчас глупую нимфу накормят жареными овощами, а потом саму превратят в десерт. Подозреваю, что оскоромиться лесной красотой решился какой-нибудь юнец со вчерашнего аукциона, воспитанный во вседозволенности богатыми родителями. Проклятье, а может этот... как его... Эстре-младший?!

Во всеоружии, то есть готовая колотить балбеса сумочкой, пока в его голове не укоренится светлая мысль, что нимфы — не шоколад, их нельзя покупать на десерт, я вступила в кабинет. На фоне большого окна спиной к двери стоял Соверен.

Пиджак небрежно брошен на спинку дивана. Костюмный жилет плотно облегал спину, руки в карманах брюк. Солнца на этой стороне дома почти не было, но дневной свет рисовал вокруг высокой фигуры серебристый контур.

Гард обернулся. Скользнул по мне взглядом. Выглядела я негармонично: в простой неприметной одежде, призванной погасить вызывающую красоту нимфы, но с собранными в сложную прическу волосами и с вечерним макияжем. Сати намалевала губы ярко-красной помадой (она называла это «подчеркнуть естественную форму»), и ставший непропорциональным бледному худенькому лицу рот горел большим влажным пятном.

— Тебе понравился дом? — без приветствий спросил Соверен.

— Не рассматривала, — холодно ответила я. — Твоя подруга заказала показ на четыре, если ты не в курсе.

— Подруга? — на мгновение удивился он. — Ты об Эмме?

— Тебе лучше знать, — пожала я плечами, запоминая имя вчерашней вертихвостки. На всякий случай. Конечно, она не в курсе, что цеплялась за локоть спесивого болвана, в которого по несчастью влюбилась нимфа. Но вдруг — просто гипотетически — мы встретимся в темном переулке на пустынной улице, а в моем ридикюле будет лежать «Домоводство», тогда я смогу ее громко окликнуть по имени.

— Я хотел тебя увидеть, поэтому оплатил выездной показ, — объяснил Гард и, вытащив одну руку из кармана брюк, указал на диван:

— Присядь. У меня есть деловое предложение.

— Ради делового предложения ты мог вызвать меня в башню Гард, а не заставлять тащиться через весь остров в деревню.

— Ты бы приехала в башню?

— Нет, — честно призналась я. — На прошлой неделе ты заявил, что больше никогда не переступишь порог моего дома.

— Поэтому я привез тебя в свой дом.

— Твое «никогда» поразительно быстро подошло к концу. Ты здесь родился? — махнула я рукой, намекая на особняк.

— Купил четыре дня назад.

— Ну, конечно, — фыркнула я.

— Я был рожден на континенте, — сухо оборонил он.

— С этой информацией можно бежать к репортерам?

— Да, — не сводя с меня прямого серьезного взгляда, ответил Соверен. — В официальной биографии эта деталь не упоминается. По правилам наследования управлять островом может только маг, рожденный на архипелаге.

Я замялась, не зная, как реагировать на откровенность, и просто встала в обычную позу:

— Не боишься, что откровенность встанет боком?

— Только не с Лаэрли Астор.

В дверь деликатно постучались, и уже знакомый лакей вкатил в кабинет сервировочную тележку с бутылкой игристого вина, торчащей из серебряного ведерка со льдом, хрустальными бокалами и с блюдом крупной клубники. Не исключая, что в середине весны ягоды заставляли вызревать в теплицах на Эльбе с помощью магии цветочных фей.

Рута тоже любила по дешевке купить пару фунтов неспелых каменных груш, а потом пыталась их довести до съедобного состояния. Но если расцветание тугих цветочных бутонов подружке удавалось, то с созреванием фруктов не складывалось. Сердцевина обязательно темнела и превращалась в кашу. Подобные заклинания самой освоить было сложно — их изучали в академиях, но соседка не желала мучиться четыре года, ведь «цветочницам нужен художественный вкус, а не академическое образование».

Родители Руты, помнится, настаивали на поступлении, даже хотели взять ссуду в монетном дворе. Дочь спорить не стала и втихую сбежала на Тегу. Справедливо говоря, она не потянула бы сложный курс высшей магии. Не хватало ни усидчивости, ни интереса, ни светлого дара. Но мама Шейрос упорно считала, что сказалось тлетворное влияние «внучки-хулиганки поганца Астора» и отворачивалась от меня при встрече.

— Через полчаса обед будет готов, — объявил лакей прежде, чем выйти.

— Благодарю, — кивнул Соверен и обратился ко мне:

— Я попросил приготовить овощное меню.

— Что за маниакальное желание меня накормить? — фыркнула в ответ. — Я успела пообедать перед отъездом.

Живот неожиданно забулькал от голода, громко и очень обиженно, словно отреагировав на разговоры о вкусняшках. Под ироничным взглядом Соверена я сконфуженно потупилась и буркнула:

— Может, поесть и неплохая идея. Что ты хотел обсудить?

— Будем разговаривать стоя? — уточнил он.

— Подозреваешь, что я упаду от твоего нового делового предложения?

— Не исключаю.

Пока я устраивалась на диване и, втайне мечтая скинуть натирающие туфли, расправляла юбку, он разлил игристое вино, поднявшееся над хрустальным краем бокалов легкой тающей пенкой.

— Держи, — передал он мне один.

— Это предложение настолько непристойное, что захочется напиться с горя? — принялась издеваться я.

— Или от удивления.

— То есть оно непристойнее того, когда ты попросил отработать ссуду через постель? Кстати, надеюсь, что доверенный уничтожил контракт. Выйдет неловко, если бумага попадет в нечестные руки. Как представляю заголовки в газетах, так мурашки пробирают. — Я нарочито поежилась и потерла свободной рукой плечо.

— Ты же всегда была злопамятной ехидной хулиганкой? — как будто даже упрекнул он.

— Я нимфа.

— О нет, моя дорогая Лаэрли. — Соверен едва заметно усмехнулся. — Ты выглядишь

, как нимфа, и именно это с самого начала сбilo меня с толку.

А он знал, как заставить девушку слушать! После неожиданного признания я вдруг поймала себя на том, что стараюсь дышать через раз, боясь пропустить хотя бы слово, и злюсь на собственное сердце, не вовремя пустившееся вскачь и слишком громко колотившее в груди.

— На самом деле это пристойное предложение. — Соверен легко взмахнул бокалом. — Более того, думаю, что оно тебе понравится.

— Ты решил простить мой долг?

— Я решил на тебе жениться.

Что он сейчас сказал?! Хотелось переспросить, не случилось ли у меня слуховой галлюцинации, но я потеряла дар речи и выразила высшую степень удивления единственным доступным звуком:

— А?!

— Я хочу тебя, ты хочешь безбедной жизни. Если обручального кольца достаточно, чтобы ты перестала меня отталкивать, то я согласен. Давай подпишем брачное соглашение. Ты сможешь жить в этом доме вместе с племянницей. Я буду навещать тебя время от времени.

— У тебя все соглашения такие... необычные, — едва слышно пробормотала я и очень осторожно отставила бокал на столик. Боялась, что плесну вино в физиономию Гарда, а потом и бокал швырну.

— И надолго, Соверен, ты собираешься подписать договор? Полгода, год? Или пропишем испытательный срок?

— Лаэрли, ты же все понимаешь, — мягко одернул он. — Я не имею права открыто привести в семью бывшую любовницу Гилберта Эммота и представить своей женой.

— Конечно, нет! Твои родственники умрут от сердечного приступа. Мы же не можем допустить, чтобы угас известный магический род, верно?

Я смотрела в его лицо и чувствовала, как к гoлу подступил комок. Особенно горький от осознания, что сейчас я улыбнусь и прагматично приму предложение. Мне давали тихий дом, безбедную жизнь и, главное, Хэйзер! Разве не ради малышки я собиралась выйти замуж за одного из странных подопечных мадам Салазар? С Совереном Гардом не придется таскать обеды в музейный буфет, досадовать на розовый платочек, прикрывающий прелести Небесного воина, и сходить с ума от энергичной свекрови. Или день и ночь ломать голову, каким еще ядом

меня попытаются отравить сыновья престарелого ловеласа, стоящего одной ногой в гробу. Сплошные плюсы.

Пускай соглашение временное. Наплевать! Получу свободу и от души отомщу с чувством, с толком, с расстановкой. Найду хорошего мужчину и не поленюсь каждую неделю отправлять в башню Гард гравированные карточки счастливой семейной жизни. Пусть бесится! А если вздумает предъявлять претензии, то вместо карточек начнет получать похоронные веночки из черных гвоздичек. Я нимфа, а лесной народ ужасно мстительный!

— Прекрасно. — Я расправила юбку. — Давай подпишем брачное соглашение. Будем честны, ты для меня почти, как перевернутая возле дома подвода с леденцами.

Лицо Соверена вдруг стало непроницаемым.

— Ты всегда так умело находишь... фигуры речи, — пробормотал он и глотнул игристое вино.

— О, это тоже не проблема! Когда ты будешь сюда время от времени заезжать, нам будет некогда разводить беседы. С этих пор никаких метафор! — с нарочитой небрежностью махнула я рукой. — Теперь я точно готова поесть.

Длинный обеденный стол, застеленный белой скатертью, был накрыт для двоих. От блюд шел ароматный пряный дымок, тарелки скрипели от чистоты, а хрустальные бокалы блестели на солнце, косыми лучами проникающем в высокие окна.

— Обед в континентальном стиле, — с помпой объявили нам.

С любопытством, но исподтишка поглядывая на меня, горничная быстро наполнила тарелки. Соверен сделал едва заметный жест рукой, и вышколенные слуги немедленно испарились.

— Прислуга осталась от прошлого владельца дома, — произнес он, как будто говорил о предметах мебели. — Если захочешь, сможешь поменять.

Я вообще никогда не жила в доме, где другие люди убирали бы за мной грязные тарелки или стирали исподнее. Последнее обстоятельство почему-то вызывало панику, и в голове крутилась идиотская мысль, что вряд ли здесь принято, чтобы хозяйка развешивала собственноручно постиранные кружевные штучки на перекладине в ванной. Но где тогда, простите, сушить мокрые трусы?! Ведь неловко отдавать их кому-то в общей корзине с грязным бельем.

— Спрашивай, — вдруг вклинился в панические мысли Соверен.

— И когда мы планируем пожениться? — тщательно следя за голосом, беззаботным тоном спросила я, отодвигая пустую тарелку. Определенно, повар — гений. Это был вкуснейший суп-пюре из тыквы, какой мне доводилось есть с того времени, как не стало мамы.

— Как только дадут разрешение на обряд, — категорично объявил Соверен. — Мой стряпчий свяжется с тобой по поводу соглашения.

— Ты не будешь присутствовать на подписании? — быстро спросила я.

— Сегодня вечером уезжаю на Сатори, — назвал он промышленный остров, где находились практически все мануфактуры Города. — Уволься из дома мод.

Из южной части острова нужно было выезжать до рассвета, чтобы уж и в заторах перед мостами постоять, и к демонстрации вовремя успеть. Я не настолько любила цокать высокими каблуками по залу показов в доме мод Арлис. Но как согласиться без позы?

— Зачем?

— Не желаю, чтобы всякие... расхлябанные щенки глазели на мою жен... на тебя и назначали цену.

— Я подумаю.

— Это была не просьба, — вкрадчиво заметил он.

— Я догадалась.

Как ни странно, в тот день мы больше не поцапались, тихо разъехались в разные стороны. До дома я добралась в потемках, без сил рухнула на шаткую табуретку перед кухонным столом и объявила Руте, что-то яростно отскребавшей от раскаленной сковородки:

— Кажется, я выхожу замуж.

— Когда? — удивилась подруга, приносившая к не слишком аппетитному запаху блюда.

— Скоро.

— За кого? За музейный экспонат? — округлила она глаза. — В смысле, за экскурсовода с мамой?

— За Соверена Гарда.

Ошеломительная новость едва не лишила Руту равновесия. Она попыталась опереться о край кухонного прилавка, но ладонь соскользнула. В сковороде что-то шипело, пригорало к днищу. Валил подозрительный дым и начинало подванивать.

— Ты сейчас шутишь?

Я покачала головой.

— То есть... — глаза подруги вспыхнули в предвкушении слезоточивой романтики. — Он встал на одно колено и заявил, что влюблен до гроба?

— Ты когда-нибудь слышала об узаконенной интрижке?

— А?

— Он предложил временный брак, — вернула я фею с небес на землю. — Тайный.

— Звучит отвратительно и сразу становится ясно, почему умные люди не называют хорошее дело — браком, — немедленно высказала она мнение. — Ты согласилась?

— И почти не колебалась. Это отличная сделка. Теперь я смогу забрать Хэйзер. А у тебя сгорела еда, — сморщившись, я помахала перед лицом ладонью, пытаюсь разогнать едкий дым.

— Батюшки! Батат испоганила! — воскликнула она, снимая сковороду с огненного камня.

Следующие дни прошли в суете и хлопотах. Посыльный принес письмо от Соверена, где знакомым твердым почерком было написано, что свадьба состоится на Сатори в конце недели, и в дороге меня будет сопровождать Март Тегу.

В детстве я, как и многие девочки, мечтала о торжественной свадьбе в бело-синих тонах. В смысле, храм украшен белыми цветами, в гривы лошадей, везущих сказочную пузатую карету, вплетены ленты, а я наряжена в синее платье, чтобы уж перед алтарем явить будущему мужу естественный цвет глаз. Иначе откуда еще он узнает, что у жены вовсе не красные, не желтые и не зеленые глаза? Что будет в ночь после обряда я никогда не задумывалась. И, самое главное, не представляла, что свадебные пляски затеют только ради этой самой ночи.

Реальность оказалась прозаичнее: свадьба меня ждала в крошечном неизвестном храме в дремучих деревнях острова Сатори, а лучшая подруга оставалась на Тегу, потому что ее не отпустили из цветочной лавки под угрозой выдворения с вещами (садовыми ножницами и матерчатыми перчатками) на площадь Гард. Страшно расстроенная Рута пообещала собрать самый милый букет невесты, какой видел Город десяти островов, и весь вечер жалобно шмыгала носом, словно я не в замужнюю жизнь отправлялась, а на верную гибель.

Арлис поклялась, что на Тегу меня не примет ни один приличный дом мод, на том мы разошлись. Резко и неприятно. Вскоре в моей скромной квартирке появился лохотный мужчина средних лет в дорожном костюме и со столь же дорогим портфелем. Стряпчий семьи Гард принес брачный договор. Соверен действительно оказался щедр. Будь я немного алчнее, то обняла бы бумаги и сплясала в нашей гостиной победный танец лесного народа. С притопами, прихлопами и дикими воплями.

Он переписал на мое имя особняк, выделил ежемесячное содержание, о котором не могла мечтать ни одна нимфа, работающая в доме мод, даже Тамарин, а после неизбежного развода предложил приличную компенсацию.

— Рано или поздно от господина Гарда потребуют обзавестись семьей и наследниками, — проговорил поверенный, даже не представляя, как сильно у меня кольнуло сердце на простом и очень глубоком слове «семья». — И он женится. Я имею в виду по-настоящему.

— А сейчас вроде пробного заплыва? — фыркнула я и черкнула роспись в строчке возле своего имени. Оставив выпад без внимания, поверенный снова полез в портфель:

— И еще кое-что...

Передо мной на низкий столик из железного дерева поставили полированную неприметную шкатулку. Под крышкой в колыбели бархатной подложки тускло светился черный кристалл с выемкой на отшлифованной грани.

— Что это? — изогнула я брови.

— Клятва о неразглашении.

— Конечно, — скривила я губы. — Зачем доверять честному слову, если можно использовать магию. Не сомневайтесь, у меня тоже нет большого желания признаваться, что я согласилась на роль тренировочной жены.

— Мой клиент доверяет, но магия надежнее.

— Естественно, — с иронией отозвалась я.

— Если вы против...

— Господи, не делайте из меня меркантильную нимфу, — перебила я и решительно прислонила указательный палец к выемке. Кожу резко проткнул магический заряд, кристалл замерцал кроваво-алым цветом. На внешней стороне запястья вспыхнул и погас сложный символ, состоящий из переплетенных букв первородного магического языка. Я отняла руку от кристалла и проверила проколотый магией палец. След был почти незаметен.

Поверенный опустил крышку на шкатулке, забрал бумаги и поднялся.

— Как бы то ни было, желаю счастья.

Даже не знаю, мне следовало оскорбиться или поблагодарить? Я промолчала.

Крошечный храм располагался в глуши Сатари. Витражи на окнах плохо пропускали свет. Храмовник, смирившийся с тем, что жених не явился и, если сильно повезет, никого венчать не придется, начал зажигать толстые восковые свечи. Молитвенный зал заполнился неровными тревожными тенями. Я была одета в золотое платье, когда-то купленное Совереном, и неожиданно бодро гармонировала с золоченой брачной чашей, стоящей на алтаре. Блики света мы отражали одинаково живописно.

— Не переживайте, госпожа Астор, — тихо подбодрил меня Март Тегу, отлипнув от раскрытой входной двери, где бдительно следил за пустой дорогой.

День давно потускнел, на окрестности опустился тяжелый безмолвный вечер, а Соверен опаздывал на час. Может, заблудился? Удивительно, учитывая, что он сам выбрал храм на краю мира, боясь, что в приличном месте на Тегу кто-нибудь узнает о венчании.

На Анадари считается, что жениться нужно непременно утром. Желательно в солнечную погоду, а если не повезет и зарядит дождь, то сделать вид, будто на улице ясно. В общем, мокнуть без зонтов и неудержимо радоваться празднику, даже если от ливня храм вместе с гостями смывает в озеро Мирра. Но, самое главное, никакой темноты! Иначе молодую семью ждет бедная, унылая жизнь.

Имелось и еще одно поверье: если опоздать на венчание, то брак не продлится долго.

В общем, если верить анадарийским приметам, нас с Совереном ждала самая короткая и печальная в истории Города десяти островов семейная жизнь в нищенском бараке на острове Рут. Может, и начинать не стоило?

— Принести из кареты плед? Вы замерзли, — заботливо предложил охранник.

— Не суетитесь, Март.

Я решительно страдала от холода, и меня не мучили ни синдром брошенной невесты, ни голод, ни ноющие ноги в неудобных туфлях с драматической шпилькой. Согрейся — и все пропало. Тут же захочется жрать, лежать на деревянной скамье и рыдать из-за того, что оказалась забытой у алтаря в неизвестной церквушке.

В отличие от некоторых, я с ночи добиралась до острова Сатори! Мы с Руткой попрощались на крыльце и крепко обнялись напоследок. Подруга шмыгала носом, словно отдавала в рабство малолетнюю сиротку, а не лучшую подругу — замуж за неприлично богатого темного мага. Пока я передавала охраннику Марку Тегу саквояж с вещами, она махала розовым платочком в белую клеточку... И тут же в него шумно высморкалась, наплевав, что неуместный для милой цветочной феи звук разнесся по сонной улице. Бедный Март даже вздрогнул и пробормотал себе под нос:

— Она точно не девочка!

Соверен появился еще полчаса спустя. Серьезный и очень сосредоточенный он вошел в храм. Вход незамедлительно перекрыли стражи. При виде меня на лице Гарда вспыхнула обворожительная улыбка:

— Извини. Я опоздал.

— На полтора часа, — заметила я. — Меня чуть из храма не выставили.

— На Сатори отвратительные тракты. У кареты сломалось колесо, пришлось дожидаться, пока отремонтируют. Или мне стоило идти пешком? Как раз к полуночи бы добрался. — Он взял мои ледяные руки и прижал к губам. — Ты совсем холодная.

Когда жених коротко извинился за опоздание, то святой брат спросил:

— И все-таки венчание? — выглядел он при этих словах ужасно печальным, словно втайне надеялся, что ритуал проводить не придется.

— Есть другие предложения? — незамедлительно полюбопытствовал Соверен.

Все прошло отвратительно быстро и ужасно скомкано. Стремительные клятвы над венчальной чашей, короткое, резкое «да», быстро надетое на мой палец обручальное кольцо, запись в храмовой книге мелким неразборчивым почерком обрядника, невнятное напутствие. Не было ни поздравлений, ни шумных выкриков гостей, требующих непременно венчального поцелуя. Никто не засыпал нас крупой на долгую счастливую жизнь. И хотя я не представляла, кто бы решился швырнуть в физиономию Соверена Гарда горсть проса, все равно было обидно. Никаких жестяных мисок, привязанных к карете и отчаянно грохотавших на весь квартал, чтобы отпугнуть дурной глаз и злобных духов. Ничего. Даже букет, подаренный Рутей, я забыла забрать со скамьи в храме. Обнаружила, что руки пустые, когда мы отъехали на приличное расстояние, и страшно расстроилась.

— Ты всхлипнула? — спросил Соверен.

— Вот еще. Зажги свет и тут же увидишь, как я излучаю счастье, — машинально огрызнулась я, кутаясь в плед. — Просто в темноте незаметно, какая я счастливая.

Меньше всего я ожидала, что он щелкнет пальцами, и в воздухе вспыхнет полупрозрачный шар, отбрасывающий голубоватый свет. Салон моментально наполнился тенями, а мы уставились друг другу в глаза.

И в этот миг на меня нахлынуло ошеломительное понимание, что я действительно вышла замуж! Соверен не просто приبلудный спесивый болван, а мой супруг! Кто бы мог представить такой затейливый поворот, когда месяц назад он появился в моей маленькой квартирке и заявил этим своим низким красивым голосом, так словно обсуждал покупку нового галстука: «Я хочу тебя».

Щелчок. Шар погас. Мы утонули в темноте. Ночь на Сатори удивительная: она долго зреет, а потом разом обрушивается на остров, густая, непролазная, и заставляет людей теряться в пространстве.

— Что случилось? — спокойно спросил Соверен.

— Забыла в храме букет, — вдруг призналась я.

Не произнося ни слова, он постучал в стенку кареты. Когда над его головой открылось окошко, отделявшее салон от козел, озвучил короткий приказ:

— Возвращаемся!

— Ты с ума сошел! — подскочила я на лавке. — Нельзя возвращаться! На Анадари это дурная примета. Там же куча ритуалов! Через плечо поплевать, по косячку постучать, в зеркало, в конце концов, посмотреть. А в храме нет зеркала! Как туда возвращаться?

— Иначе что?

Понятия не имею, чем грозило возвращение, но предполагаю или бедой, или разорением, что вполне приравнивалось к большому горю.

— Иначе все плохо! — уверила я.

— Лазрли! — оборвал он мой лепет.

— Ну?

— Я не верю в дурные приметы.

— Зато я верю, — насупилась, как ребенок. Невесты вообще нервные!

— Хорошо, я попрошу охрану постучать по косяку. Идет? — миролюбиво предложил он и заставил кортеж из трех карет вернуться обратно.

Мы остановились напротив храма, в густой темноте похожего на белесую тень. За окном вспыхнул голубоватый магический свет. Над плечом охранника, заглянувшего в наш экипаж, мерцал шар размером не больше клубка ниток, но по силе и яркости совершенно не походил на тот, что пытался зажечь блюстителю порядка в анадарийском квартале темных.

— Заберите свадебный букет, — приказал Соверен.

— Слушаюсь, — резко кивнул страж.

— Когда будешь входить в храм, постучи по косяку, — распорядился Гард, и я почувствовала, как начинает гореть лицо.

— Сделаем, — пообещал он.

— И, Джэр!

— Да, господин Гард? — помедлил охранник.

— Поплывай через плечо. — Муж повернулся ко мне:

— Через какое?

— Чего? — умирая от стыда, пролепетала я.

— Через какое плечо плевать? Через левое или правое?

— Левое.

— Сколько раз? — с непроницаемым видом испытывал он подробности.

— Да откуда я знаю? — огрызнулась я и немедленно добавила:

— Три.

Интересно, если от неловкости завернуться в плед с головой, то все решат, будто нимфа забралась в домик и перестанут приставать? Между прочим, сконфуженных нимф в домиках из пледов даже дикие виверны не трогают!

— Поплюй три раза через левое плечо, — с непроницаемым видом приказал Гард.

— В зеркало надо посмотреть? — совершенно серьезно поинтересовался Джэр и исчерпывающе объяснил:

— Моя мать родилась на Анадари.

— Ну, если исхитришься, то сильно обяжешь мою жену, — насмешливо отозвался Соверен. Я не хотела быть чем-то обязанной охраннику, а еще больше не желала выглядеть полной дурой, но... если и вправду можно найти зеркало, то зачем подвергать себя риску и кликать беду?

Не знаю, что подумал святой брат, когда в храме появился плюющий через плечо, стучащий по косяку боевой маг, который еще и зеркало попытался потребовать. Разве что — наивный — решил, будто молодые надумались развестись еще до первой брачной ночи. Но Джэр вернулся с букетом, а когда передавал цветы, то извиняющимся тоном посетовал:

— Зеркала не было, пришлось посмотреть в серебряный поднос.

— Спасибо, — прошелестела я, вцепившись в букет так, словно он являлся спасательным кругом на открытой воде.

— Поехали в башню Сатори, — бросил Соверен, но снова остановил беднягу Джэра:

— Спроси у Норты что-нибудь перекусить. Он вечно с собой таскает еду.

— Так же он же одну траву жует! — наконец в непроницаемом голосе стража проявился тщательно замаскированный смех.

— Как и моя жена, — намекнул Гард, для кого предназначалось угощение.

— Не надо отбирать у человека еду! — Я испуганно потрепала его по коленке. — Это нечестно! Поедим там, куда мы приедем... Кстати, а куда мы едем?

— Туда, где потеплее, чем на Сатори, и поспокойнее, чем на Тегу, — напустил туману Соверен и отдал короткий приказ ехать.

Световые шары погасли, остались лишь светильники на крышах карет, салон поглотил крошечный мрак. Мы тронулись в путь. Экипаж качался на местных ухабах, скрипели рессоры. Воздух в салоне постепенно наполнялся ненавязчивым свежим запахом цветов. Что говорить, Рута умела составлять букеты и колдовать над ароматами, заставляя их раскрываться по чуть-чуть, а не сносить с ног волной сладкого смрада, как целая подвода роз с острова Эльбы в тесной гостинной.

— Может, пересядешь ко мне? — в тишине спросил Соверен.

— Зачем? — немедленно встрепенулась я.

Конечно, глупо, но почему-то в голову лезла пикантная сцена из любовного романа, где герои, остановившись ночью в густом лесу, кинулись в карете заниматься всякими непристойностями. Не желаю терять невинность в экипаже, трясущемся по разбитым дорогам промышленного острова!

— Господи, женщина, какая же ты сложная! — проворчал Соверен и потянул меня за руку, заставляя пересесть. — Зачем идти ко мне? Потому что вдвоем теплее.

— Ты хочешь, чтобы я тебя погрела?

— Я хочу обнять свою жену.

— Ну да, — отозвалась я, прижимаясь к теплому боку и укладывая голову на крепкое плечо.

— Ты щедро оплатил это право.

Соверен молчал. В воздухе витало странное напряжение. Спустя целую минуту (поразительное терпение), он произнес с заметным холодком в голосе:

— Умеешь ты испортить момент!

— У тебя научилась, — вяло огрызнулась я.

Магические перемещения были недоступны простым смертным, и мне никогда не приходилось путешествовать с помощью порталов. Ворота напоминали арочный проем, наполненный мерцающим белым светом. И двери эти были прорублены не по центру стены, а

чутьочку сбоку, словно в архитектора-мага, придумавшего планировку, вселился демон вдохновения. И именно творчески увлеченный бес воодушевил мастера на издевательскую асимметрию, способную довести до хронического нервного тика любого педанта-идеалиста.

Проходить было страшно. Вдруг окажусь на другой стороне мира по частям? Не уверена, что без пары пальцев или одного уха смогу насладиться теплом и спокойствием, обещанными Совереном.

Когда мы шагнули в светящуюся живую стену, я зажмурилась и покрепче сжала руку мужа. Сначала показалось, что меня со всего маха швырнули в сугроб, от пронизывающего холода перехватило дыхание, но через секунду, а дольше перемещение не длилось, мы вышли в большом светлом зале, где нас ожидало множество людей. И здесь портал был прорублен точно по центру стены. Видимо, архитектор сам оказался педантом или обладал неплохим глазомером.

— Добро пожаловать, господин Гард, — низко поклонился высокий слуга.

— Доброй ночи, — кивнул он.

— Где мы? — тихонечко спросила я, когда мы направились к выходу из зала.

— В башне Кэssl, — объяснил он.

— Кэssl — это остров-курорт? — вспомнилось мне.

Вокруг архипелага были щедро рассыпаны острова-бусинки, совсем крошечные и покрупнее. Одни до сих пор оставались необжитыми, на других селились закрытые общины. Те, что находились поближе к Городу, представляли собой провинции и подчинялись одной из семей-основателей. Печально известный остров-тюрьма находился всего в трех сутках водой от порта Рут. А некоторые спутники превращали в родовые поместья или закрытые курорты, как Кэssl.

— Я купил его сразу после окончания академии, — будничным тоном рассказал Соверен.

Конечно, я понимала, что семья-основателей Гард не бедствовала, но даже не предполагала насколько.

— Ты молодец, — поддакнула я.

— Это ведь не комплимент?

— Знаешь, что купила я, когда окончила лицей? Серебряную подвеску. Весь старший курс о ней мечтала.

— С серебром на Анадари связана какая-нибудь примета? — любопытствовал Соверен.

— Нет, но денег, которые дал дед Астор в честь получения диплома, хватило как раз на подвеску с цепочкой. Так что мне крупно повезло.

Я полагала, что хозяйские покои находятся в башне, но ошиблась. Одноэтажный утопающий в зелени дом стоял возле моря. Уличные двери вели в большую комнату, вероятно, заменявшую гостиную, в центре которой в полу был утоплен круглый очаг с крупными гладкими голышами.

— Огненные камни, — походя объяснил Соверен. — Зимой здесь бывает довольно промозгло.

Возле больших окон был накрыт круглый стол. На блюдах легкие овощные закуски. Из ведерка со льдом торчала бутылка с игристым вином. Слуги явно постарались, чтобы молодожены не переели и не провалились в сытый сладкий сон, едва доберутся до постели...

Замерев в дверях спальни, я уставилась на кровать со стойками, застеленную тонкими белыми простынями. Меня накрыл мандраж, и голод тут же пропал. В теории я, конечно, знала, как все происходит между мужчиной и женщиной, но от мысли, что сейчас займусь практикой, слабели колени. Разнервничалась и не заметила, что Соверен подошел сзади. Ладони скользнули мне на талию, крепкая грудь прижалась к спине.

— Ты передумала ужинать? — щекоча дыханием, промурлыкал он на ухо. К шее прижались горячие губы, и по позвоночнику побежали мурашки. — Не стесняйся, заходи. Помочь тебе расстегнуть платье?

— Нет! — отшатнулась я.

— Нет? — Он, кажется, поперхнулся на вдохе.

— Еда! Сначала поедим!

— Как скажешь, — бледным голосом отозвался разочарованный Гард.

Никогда в жизни я не ела медленнее, чем в эту ночь. Тщательно жевала каждый крошечный кусочек фрукта или овоща, под убийственным взглядом мужа, прихлебывающего водичку, не разбирая вкуса. И догадывалась, что походила на маленькую горгулью, которая лопала до тех пор, пока от переедания не каменела и не впадала в летаргический сон лет на двадцать. Вряд ли

Соверен планировал ждать двадцать лет, чтобы наконец придать мне горизонтальное положение, когда надевал на палец обручальное кольцо.

— Покажешь дом? — Я отложила вилку.

— Конечно, — отозвался он и, не вставая из-за стола, указал рукой:

— Это большая комната, там терраса, спальню ты видела, в ней есть ванная...

— О! Ванная! — с почти неприличной радостью в голосе воскликнула я, хорошо хоть удержалась и не захлопала в ладоши. — Превосходно! Я бы перед... к-хм... сном освежилась.

— Разумеется, — с ироничной усмешкой согласился Соверен, похоже, давно просекший, что я просто безбожно тяну время. — И все-таки помочь тебе с платьем?

— Не переживай, — вскочила из-за стола. — Надеть-то я его как-то сумела и вытряхнусь тоже быстренько. Я же в конце концов почти три года надевала и снимала платья...

— Лазрли, — остановил он побег в центре комнаты.

— А? — оглянулась я.

Он бросил на меня жадный, темный взгляд из-под ресниц и с хрипотцой в голосе произнес:

— Когда выйдешь из ванной, оставь только туфли.

Пожалуй, это была самая нескромная вещь, которую мне говорили, а уж нимфа, работавшая в доме мод и щеголявшая голыми коленками, чего только не слышала.

Я оцепенела, осознавая, что вообще никуда идти не могу: ни в ванную, ни к демонам, — ноги в тех самых туфлях ослабели, как бы не скovyрнуться с немислимых шпилек и не разбить лоб. Вот веселуха случится вместо первой брачной ночи!

Не разрывая зрительного контакта, Соверен поднялся. Он наступал медленно, хищно, и я бессильно следила за его приближением, нервно теребя платье.

— Почему ты выглядишь испуганной? — тихо спросил он, обнимая мое лицо теплыми ладонями и явно собираясь поцеловать.

Потому что я — демон тебя дери — испугана до паники!

— Ты должен кое-что обо мне узнать! — выпалила на одном дыхании.

На секунду он остановил неумолимое сближение:

— Говори.

— У меня это все впервые.

— Хорошо, — вкрадчиво согласился муж и накрыл мои губы страстным, глубоким поцелуем.

Платье, белье, его рубашка и брюки — мы так быстро избавились от одежды, что было неясно, зачем столько обсуждали раздевание. Ради предвкушения? Я осталась в одной туфле, вторая слетела под высокую кровать, а потом и от этой как-то незаметно избавилась. Обнаженная, возбужденная, стонущая от поцелуев.

Соверен отстранился, скинул исподнее. Его тело было превосходно вылеплено: крепкое, поджарое, красивое как выше пояса, так и ниже... Хотя, ладно, зачем врать? Когда можно было в подробностях разглядеть то, что «ниже», я почему-то на пару секунд зажмурилась. Не иначе как рассудок от страсти помутился! У каменной статуи в музее рассмотрела во всех подробностях, а у мужа, живого, настоящего, горячего и страстного, почему-то застеснялась. А вдруг там у него по-другому?!

Через туман в голове я осознала, что Соверен навис сверху. Лицо напряженное, взгляд дикий, дыхание тяжелое. Сжал мое бедро, заставляя закинуть ногу и бесстыдно раскрыться, а потом я почувствовала сильный толчок... И проклятье! Никогда, ни в коем случае не верьте любовным романам! Хорошую вещь умные люди «супружеским долгом» не назовут! Ведь только имея чудовищно огромный долг перед мужчиной, можно согласиться на этот непередаваемо, невозможно, невыносимо болезненный акт! Какие — к диким вивернам — плотские утехы? Чем там плоти утешаться?!

Стараясь сдержать вскрик, я прокусила до крови губу. Но лучше бы прокусила ухо спесивому болвану! Гримаса страсти на лице Соверена сменилась ошеломлением. В затуманенных глазах

появилось осмысленное выражение. Сначала он замер, боясь пошевелиться или сделать то самое движение, которое причиняло острую боль где-то глубоко внутри моего тела, и осторожно отодвинулся. Я судорожно свела ноги.

— Лэзри, ты...

девица

?!

— Я и сейчас девица, если ты не заметил!

— Невинная девица. — Он кашлянул. — Была...

Теперь опешила я и, старательно следя за голосом, переспросила:

— То есть ты решил, что фраза «у меня это впервые» — просто красивая фигура речи?

Кому вообще придет в голову, что мужчина не примет всерьез торжественного объявления, что его жена еще не успела познать прелести плотской любви и понятия не имеет, что ее ждет там, где он давно чувствует себя как рыба в воде.

— Бой мог, Лэри... Мне очень жаль, — мучительно вымолвил он.

— Ты сейчас о чем именно сожалешь?

— Послушай... Проклятье... — Соверен растер лицо ладонями. — Я мысли не допускал... Ты... Я сделал тебе больно?

Ну все! Надо уходить, пока не появился бездыханный труп одного спесивого болвана. Я соскочила с кровати и с силой дернула простыню. Тряпка вытянулась из-под тяжелого мужика с трудом, чуть меня не уронив. Судорожно прикрыв наготу, я ринулась в ванную комнату, с хрустом шарахнула дверью, даже стекла в окне зазвенели. Конечно, в ванной имелось окно. Куда же без него! Но ни шпингалета, ни крючочка не было. Видимо, в этом доме привыкли выставляться на показ, а не запирались.

В большой мраморной ванне, утопленной в пол, пенилась теплая вода. Скинув простыню с красноречивым пятном, намекавшим, что в соседней комнате случилось то, о чем редко говорят вслух, я опустилась в бурлящую глубину. Подумывала поплакать, как и следовало девице, сбежавшей из супружеской постели, потому что супруг — редкостная скотина, но внутри кипела злость. От всего сразу нимфа страдать не умела: либо рвать и метать, либо горько рыдать в простынку.

— Лэри, открой! — Соверен настойчиво постучал. — Открой, иначе я выбью дверь!

— В твоём доме ничего не запирается! Никакого личного пространства! — заорала я в ответ и мстительно добавила:

— Но можешь выбить. Переть напролом как раз в твоём характере!

Я собиралась от души пострадать за то, что первая брачная ночь обернулась первым брачным провалом, но от расслабляющих бурлящих пузырьков и душистой мыльной пасты злость утасла. Через долгое время кожа на руках съежилась, а я чувствовала, что минут через пять у меня позеленеют глаза, как у сирен, и вырастут жабры. Распаренная и недовольная выбралась из воды, насухо обтерлась полотенцем и утонула в огромном мужском халате.

В окутанной полумраком спальне Соверена не было. Кровать оказалась раскиданной: подушки в беспорядке, сорванное покрывало валялось на полу. Поди, он и ножку кроватную попинал от ярости или вмазал кулаком по изголовью. За шумом бурлящей воды я не услышала, но надеюсь, что дубовый каркас победил!

Муж нашелся в большой комнате. Одетый в расстегнутую рубашку и штаны он сидел на низком диване. В руке со сбитыми костяшками пальцев был широкий бокал с алкоголем, на полу стояла открытая бутылка. Знаете, я тоже любила поставить под диван в гостиной стакан с морсом, а потом непременно про него забывала и сбивала ногой, а потом оттирала липкое пятно. Но, по всей видимости, Соверен вставать не собирался. Не пока в бутылке оставалась хотя бы капля.

Услышав мои тихие шаги, он медленно повернул голову. Некоторое время мы рассматривали друг на друга в полной тишине.

— Тебе не идет черный цвет, — «отвесил» он пьяный комплимент.

— Следовало остаться в простыне?

— Я хочу сжечь проклятую простыню, — произнес он и добавил:

— И вообще весь дом.

— Дом вообще-то не виноват, что ее владелец — спесивый болван.

— Ты как всегда умеешь подбирать правильные слова. — Муж залпом осушил бокал и, подняв бутылку, плеснул еще.

— Чистые простыни остались, но если ты возненавидел кровать, то можешь ночевать на диване.

Собралась вернуться в спальню, но он вдруг принялся исповедоваться:

— При первой встрече ты ошеломила меня. — Он глотнул из стакана. — Потрясающе красивая нимфа. Нет, теперь-то я понимаю, что ты выглядишь, как милая нимфа, только когда молчишь... но тогда... Ты задевала, провоцировала, дразнила. Накидывалась хуже фурии! Но смотрела всегда одинаково.

— Как? — заинтересовалась я.

— Сквозь меня.

На мгновение мы встретились глазами, и внутри завязался крепкий узел. А он был забавный, этот Соверен Гард, надравшийся неразбавленного виски и посыпавший голову пеплом. На удивление человечный.

— Наверное, следовало отпустить тебя, но я уже крепко сидел на крючке. С ума сходил. С какой стороны вообще подступиться к девушке, которая превращает любую встречу в поединок? Почему ты решила выйти замуж за первого встречного? — без преувеличений, он выглядел озадаченным. — Я попросил собрать проклятое досье. Ты права, я всегда так поступал — вламывался без приглашения, потому что не привык стучаться в закрытые двери.

— Ну, ты вломился и узнал историю с Гилбертом, — любезно напомнила я.

— Более того, нанес визит в его особняк.

— Тоже открыл дверь ногой?

— Вроде того. Пожалуй, тот день я готов причислить к одним из худших в моей жизни. И, поверь, просто плохих дней у меня было немало.

Верилось с трудом, но я оставила при себе ехидство и усмехнулась:

— Шайла Эммот облила меня грязью?

— Это был Гилберт. Он наговорил столько... разного, — мрачно поправил он и добавил: — Я вел себя как полный кретин. Один контракт с этим долгом чего стоит. А свадьба. Выше всяких похвал. От самого себя тошнит.

— Может, тебе раньше надо было напиться, чтобы пришло озарение? Признайся, ты ведь даже духовнику никогда не каялся.

— У меня нет ни духовника, ни наставника. Одного пытались сосватать, когда я учился в академии, но мы характерами не сошлись.

— Значит, я у тебя первая?

Он одарил меня выразительным взглядом и протянул руку:

— Придешь ко мне?

Не хочу оценивать, почему я, не колеблясь, свернулась клубочком у него под боком, прижалась щекой к твердой груди, прислушалась, как ровно и сильно бьется сердце.

— Расскажешь почему ты связалась с ним? — тихо произнес он. Голос словно вибрировал в его теле.

— С Гилбертом? — подняла я голову. — Ты знаешь, что у меня есть старший брат, так?

— И он пропал без вести, — согласился муж.

— Твой сыщик не выдерживает критики, — фыркнула я. — Трэн не пропал, а сбежал из Города...

Соверен оказался прекрасным слушателем. Он ни разу меня не перебил, не задал неудобные вопросы, на которые я не захотела бы отвечать. Время катилось к рассвету, заканчивалась наша первая брачная ночь.

— Все может быть по-другому, Лэри, — тихо произнес муж, когда говорить, казалось бы, стало не о чем.

— На самом деле, ты был неплох, — призналась я.

— Я говорю не о постели. Впрочем, о ней тоже.

— Не переживай. Мне все равно не с чем сравнивать.

— Господи, женщина, почему ты не знаешь, когда следует просто поддакнуть? — проворчал он.

Я проснулась от яркого солнечного света, льющего в открытое окно. Ветер надувал легкие занавески, спальню наполнял запах моря и прохладная свежесть. Хотелось поежиться и завернуться в плед, но летом на Кэссле наверняка жарко. В самый раз для теплолюбивой нимфы. Знала бы, что Соверен владеет курортом, внесла бы в соглашение пункт, что имею право в любое время до конца жизни приезжать к морю.

Самого хозяина местных красот в кровати не оказалось.

— Рен? — позвала я, но в ответ прозвучала тишина.

Завернувшись в мужской халат, на нетвердых после сна ногах я прошлепала в гостиную. Стол был накрыт к завтраку: стояли тарелки с серебряными колпаками, кофейник и чашки. Видимо, пока я спала, в домик заходили слуги — кто-то оставил возле дивана мой саквояж. При мысли о чужих людях, которые могут увидеть разобранную спальню и, главное, простыню, брошенную ночью в ванной комнате, мне стало дурно. Спрятать, что ли в сумку, чтобы никто не увидел?

— Доброе утро, — произнес Соверен за моей спиной.

От неожиданности я подпрыгнула на месте и рывкнула:

— Что за привычка все время подкрадываться?

С мокрыми после купания в море волосами, раздетый по пояс и босой, он выглядел невероятно привлекательным. Для человека, прикончившего почти бутылку крепкого спиртного, пожалуй, даже слишком.

— Буду знать, — улыбнулся он, сверкнув обворожительными ямочками, заставлявшими сердце приятно екать.

— Что?

— По утрам ты брюзжишь, как старушка. — С беспечным видом он подошел к столу, снял колпаки и проверил, чем нас собрались потчевать. — Не хочешь искупаться? Вода отличная.

— Еще слишком холодная, — буркнула я, должно быть, насупленным видом подтверждая, что по утрам похожа на престарелую склочную матрону. Подхватила саквояж и спряталась в ванной комнате.

Едва я успела привести себя в порядок и натянуть чистое белье, когда дверь распахнулась. Упершись ладонями в дверной косяк, муж замер в проходе. Долгий взгляд остановился на моей фигуре, едва прикрытой кружевным лоскутами. Соверен мучительно сглотнул и вымолвил севшим голосом:

— Лэри?

— Я взяла только теплую одежду.

— Попросить кого-нибудь прислать летнее платье?

— Пустая трата времени и денег. Я подумываю надеть туфли и вернуться в спальню, как есть. Что скажешь?

Глаза Соверена потемнели.

— Оставь только туфли. — Его голос охрип.

— А остальное? — невинно поинтересовалась я, включаясь в игру.

— Сними. При мне... Медленно.

Мы потратили половину дня, чтобы стереть неприятные ночные воспоминания. Стоило признать, в первый раз я ошиблась. Супружеский долг — замечательное пикантное обстоятельство в отношениях мужа и жены, если отдавать его с огоньком и задором, без лишней скромности и до полного изнеможения.

— Синие, — пробормотал Соверен, когда все еще тесно прижатые мы пытались вернуть и дыхание, и осознание реальности. — У тебя синие глаза. Как я и думал.

Мне хотелось навсегда остаться на теплом крошечном острове, запереться в маленьком домике. Однако, чтобы спрятаться от мира, нужно было выходить замуж за другого мужчину, точно не за главу семьи-основателей. Например, за экскурсовода Шерочку! Правда, убежищем для нас стал бы какой-нибудь музейный чулан, куда муженек, распробовав остроту «супружеского долга», по собственному желанию спрятался бы от энергичной матушки.

В случае Соверена Гарда в роли неутомимой матери выступила банда личных помощников и советников. Серьезной и мрачной компанией они нагрянули ранним утром, задолго до того часа, когда просыпались нимфы, всю ночь занимавшиеся приятными глупостями со страстным и исключительно выносливым мужчиной. До обеда шло закрытое совещание в кабинете тесной башни Кэссл. Потом Соверен сладко поцеловал меня, пообещал, что скоро появится и,

окруженный многочисленной свитой, через портал отправился на Тегу. «Не скучай», — легко попрощался он. И не вернулся ни вечером, ни ночью, ни на рассвете.

Утром заголовки газет взорвались шокирующей новостью: накануне на главу семьи-основателей Гард было совершенно покушение. Я узнала о том, что любимый человек едва не погиб от черного проклятья из новостных статей, а не из человеческих уст.

До дождливого Тегу пришлось добираться порталом через остров Эльба — тот, что открывался со стороны башни Гард заблокировали. Прежде чем поймать извозчика, я купила в уличном киоске сразу несколько газет с кричащими заголовками. Только кеб тронулся и затрясся по мостовой в сторону каменного моста, соединяющего острова, я поспешно начала перечитывать новости, поднося газетные сероватые листы с мелкими строчками к окошку.

В одной говорилось, что Соверен Гард находился при смерти, в другой — будто выпущенное неизвестным темным магом проклятье прошло мимо и вообще не задело хозяина острова, а в третьей утверждали, что покушение — байка, с помощью которой башня Гард пытается скрыть повышение налогов за пользование дорогами и мостами острова Тегу. И кому, спрашивается, верить?!

Я чувствовала себя оцепеневшей. Не мучили ни страх, ни злость, их полностью заслонила почти детская обида. Почему никто из тех, кто знал о венчальном обряде, не прислал мне хотя бы коротенькой записки? Я не просила многого, ни на что не претендовала, ничего не требовала — пара слов, что Соверен Гард в порядке. Или совсем не в порядке. Может, он лежал при смерти, получил ожог на все лицо, лишился какой-нибудь части тела, а я-то и не в курсе!

По немыслимым заторам, накрутив себя до состояния крепко сжатой пружины, я добралась до центра Тегу. Площадь Гард в послеобеденный час казалась спокойной и мирной. Накапывал мелкий дождик, влажно блестела серая брусчатка. На башенный шпиль была нанизана шапка дымных облаков. Люди, кому не повезло выйти на улицу в непогоду, прятались под расправленными зонтами и старались поскорее скрыться от холодной мороси. На мраморных ступеньках возле главного входа терлись репортеры с зачехленными магическими гравиратами.

Покосившись на газетчиков, я вошла в двери башни. Дорогу в неприступную мужнину крепость перегородили суровые стражи с нашивками элитного отряда боевых магов. Они сурово смотрели на нимфу с маленькой сумочкой, со свернутыми газетами под мышкой и пропускать не собирались. Не помогали ни жалобы, ни уговоры, ни самые несчастные глаза, какие я могла соорудить, начиная кипеть от злости.

— Могу я хотя бы попросить передать записку помощнику господина Гарда? Без сомнений он ко мне спустится.

— Вас таких с записками целый отряд башню с утра осаждает, — с намеком на газетчиков кивнул охранник в сторону тяжелых входных дверей.

— Я не прошу пропустить меня, но вызвать помощника-то можно? — Как всегда гнев стопорил отчаянье. — Послушайте, я не чужой человек Соверену Гарду. Если не хотите проблем...

— А кто вы? — решили поосторожничать с напористой нимфой ребята.

— Вообще-то...

Голос исчез. Я попыталась выговорить запрещенное «законная супруга», но не могла выдать ни звука. Впервые испытать действие темного заклятья о неразглашении было, мягко говоря, неприятно. В сумочке лежала грамота из храма, написанная мелким, неровным почерком обрядника. Я бросила на курорте абсолютно все вещи, но не этот важный документ, однако раскрыть застежку, достать сложенный лист, расправить и продемонстрировать доказательство чужим людям — не могла. Что-то внутри не позволяло.

— Знаете, а, выходит, вы правы! — у меня вырвалось истеричное хихиканье. — Я ему никто. Всего доброго, господа.

Я коротко кивнула и, звонко стуча каблуками, направилась к выходу. Стоило вывалиться из дверей, как вокруг началось невообразимое: репортеры встrepенулись, из башни выскочили боевые маги. Незаметно я оказалась отодвинутой к колонне, но высокий рост позволял рассмотреть, что по площади Гард к парадной лестнице катился знакомый экипаж. Расчищая проход, охрана оттесняла в стороны взбудораженных репортеров. В газетах часто помещали изображения хозяина острова, на ходу попавшего в объектив магического гравирата, но я никогда не задумывалась над тем, как делались подобные гравюры.

Экипаж остановился. Открылась дверь, и Соверен спустился со ступеньки на брусчатку. Он тяжело опирался о трость, заметно хромал при каждом шаге и сохранял сдержанное молчание. Люди выкрикивали вопросы, требуя опровержений или доказательств, вообще каких-нибудь слов к наводнившим остров слухам. В дождливом сером воздухе глухо бахали вспышки гравиратов.

Я сжимала в руках сумочку, а под мышкой — газеты, словно все эти вещи помогали сохранять равновесие, и пыталась успокоить сносящий с ног клубок противоречивых чувств. Нимфы плохо справлялись с реальностью, если их вынуждали одновременно ощущать и нечеловеческое облегчение, и жгучую обиду. По одному страданию за раз — наш предел! Но собственный муж умудрился довести дочь лесного народа с ее очень сложной душевной организацией до предобморочного состояния. Паршивец!

И тут он меня заметил. Никогда не видела, чтобы каменное лицо могло окаменеть еще сильнее, если вы понимаете, о чем я тут толкую. Он что-то сдержанно бросил охранникам, и в мою сторону повернулось несколько голов. А потом Соверен Гард позволил себя совершенно недопустимую в его положении вещь. Выругался в толпе репортеров:

— Почему я повторяю второй раз?! Кретины. Уведите мою жену отсюда, пока ее не затоптали!

От шока газеты выпали под ноги, а толпа взорвалась выкриками. Как-то быстро меня скрыли от объективов, подхватили под локотки и в мгновение ока запихнули обратно в парадные двери фойе. Соверен еще оставался снаружи, а я уже в сопровождении телохранителей петляла по запутанным коридорам, даже не пытаясь запомнить дорогу, на случай пожара или быстрого побега, если с психа прикончу местного злодея.

Наконец я оказалась в лаконичных сверкающих холодной чистотой апартаментах с кожаным диваном и окном во всю стену, из которого открывался живописный вид на дождливый остров. А вокруг разливалась настороженная тишина...

Я резко развернулась на звук раскрытой двери. Опираясь на трость, без привычной легкости и грации в покои входил Соверен.

— Ты с ума сошла? — рявкнул он с порога. — Какого демона ты сбежала с Кэссла? Я заставил два острова перевернуть...

Договорить он не успел, потому что я врезалась в него и обхватила руками, крепко прижалась, не в состоянии дышать. Он напрягся всем телом, возможно, от боли, но не отстранился.

— Как они посмели тебя ранить?!

— Многие не в восторге, что Тегу управляет маг в два раза моложе любого из глав семей-основателей, — спокойным, даже будничным тоном объяснил он. Невольно вспомнились слова Соверена, что в его жизни было много паршивых дней, и теперь я ему верила.

— В газетах писали ужасные вещи.

— Кто вообще читает газетную чушь?

— А как еще узнать в порядке ли ты, если никто ничего не говорит? — отстранилась я.

— Лэри, с утра я отправил на Кэssl Марта, но он обнаружил, что ты уже покинула остров. И ладно сбежала, ты почему при этом мялась у дверей, как бедная родственница, пока моя охрана прочесывала Тегу?

— Ты издеваешься, что ли? — поменялась я в лице. — После покушения башня похожа на неприступную крепость! Мне даже с твоим помощником не дали поговорить. И я не возмущаюсь, твои люди хорошо выполняют свои обязанности. Конечно, когда не дают устраивать покушения...

— Кто-то не поверил, что ты моя законная супруга? — перебил Соверен.

— С каких пор? — невольно вырвалось у меня.

— Что с каких пор? Ты моя жена? — начал терять терпение он. — Мы вообще-то обвенчались, и ты даже присутствовала в храме.

— С каких пор ты решил, что это не пробный забег на короткое расстояние?

— Какой — к собачим демонам — пробный забег? — угрожающе переспросил он. — Наш брак, по-твоему, игрушечный? Я полагал, что мы решили начать заново.

— В таком случае печать безмолвия ты по забывчивости с меня не снял или случайно не успел? — разозлилась я, хотя, конечно, было глупо выяснять отношения, а не радоваться тому, что муж оказался живым и относительно здоровым.

— Печать? — устрашающе вкрадчивым тоном переспросил Соверен. — Что ты сказала о печати?

Преодолевая сопротивление, он схватил меня за руку. По коже пробежал магический разряд и на внешней стороне кисти на мгновение вспыхнул сложный знак. Последовала свинцово-тяжелая пауза. Муж бросил на меня быстрый взгляд.

— Почему ты молчала про колдовство?

— У тебя раздвоение личности?! — рывкнула я.

Ну все! Я готова стать вдовой и об этом даже никто не узнает! Решат, что засланная шпионка прикончила главу семьи-основателей Гард, потому что провалилась попытка с черным проклятием. Но в этот момент в покои ворвался запыхавшийся помощник, а следом за ним вдруг вкатился десяток незнакомых человек.

— Какого демона вы вламываетесь без стука, когда мы скандалим с женой?! — рывкнул Соверен в сторону незваных гостей.

И наступила непередаваемая тишина. В воздухе подобно ядовитой пылице нежно-белых зонтиков цикуды, летом густо цветущей на острове Рут, витало неожиданное слово «жена». Все без исключения устали в мою сторону с такими минами, словно рядом с Совереном стояла не безобидная нимфа с обручальным кольцом на пальце и печатью безмолвия на руке, а огромная горгулья, готовая разнести здание на мелкие камушки.

Глядя в изумленные, напряженные, недоверчивые лица, казалось, что кто-нибудь обязательно крикнет: «Скандал. Гард тайно женился на нимфе! Спасаемся!», и народ брызнет в разные стороны. Кто-то, как муха, прилипнет к окнам, другие покатаются по винтовой лестнице. И в башне станет на десять (одиннадцать, включая помощника) чиновников меньше.

— Все вон, — сухо бросил Соверен. — И вызовите стряпчего. У меня к нему есть разговор.

— Когда, господин Гард? — осторожно уточнил помощник.

— Немедленно! Почему вы все еще здесь?

Народ бросился наутек. Без шуток. Они с таким энтузиазмом закатились обратно на лестницу, что даже жалость брала. Как же надо бояться разгневанного хозяина, чтобы рисковать шеей на крутых ступенях?

Учтиво закрылась дверь, но тут же приоткрылась заново. В щель сунул голову бесстрашный помощник:

— Господин Гард, если дать официальное заявление о женитьбе на госпоже Астор, то мы сможем скрыть покушение. Новость неожиданная и потрясет Город.

— Вы полагаете я женился, чтобы кого-то потрясти? — с таким спокойствием уточнил маг, что даже мне стало не по себе. Не зря говорят, что инициатива наказуема. Подозреваю, секретарь подумал о том же и тихонечко проблеял:

— Нет, господин Гард.

— Сделайте опровержение, — сдержанно велел он. — Дайте нам спокойно пожить хотя бы пару месяцев.

— Вдруг мы решим развестись, — с милой улыбкой вставила я, проигнорировав убийственный взгляд мужа. — Неловко выйдет.

Мы снова остались один на один. В тишине по-особенному тревожно простучала трость, когда Соверен пересек комнату. Он тяжело опустился на диван, поморщившись, растер грудь, и меня охватила ужасная растерянность. Видеть мужчину, которого обычно хотелось стукнуть по голове «Домоводством», вот таким, истерзанным, было страшно. Воинственная нимфа испугалась и впала в летаргический сон.

— Стряпчий сказал, что ты настаивал на печати безмолвия, — то ли припомнила, то ли пожаловалась я.

— Даже не сомневаюсь, — невесело хмыкнул Соверен и растер лицо ладонями.

— Он сказал, что когда-нибудь ты захочешь жениться по-настоящему.

— Я понял.

— И что от тебя в конечном итоге потребуют наследников.

— Какой предусмотрительный, — буркнул муж.

— Не от нимфы. — Сама не понимаю, почему никак не могла заткнуться, видно же, что человеку и без моих уточнений, мягко говоря, паршиво. — Дети от нимфы — это игра случая и не всегда счастливого. Мы с братом — неплохой пример.

— Лаэрли! — Взгляд был усталым. — Твою племянницу отдадут на следующей неделе. Ты хочешь потом развестись? Если нет, то — ради всего святого — просто сядь на проклятый диван! Я сниму заклятье и если до вечера не издохну, то сначала уволю кретина-стряпчего, а потом вычеркну Эммотов из семейного древа. Планировал в обратном порядке, но ради любимой женщины подвинусь. Идет?

Неожиданно на меня напал идиотский столбняк. Любимая женщина?
Я?!
Он это обо мне?!

— Ты сейчас что, всерьез задумалась? — оскорбился Соверен.

— Нет! — отмерла я. — Погаси дурацкую печать, развестись и подраться мы всегда успеем!

Опровержение, сделанное педантичным помощником, в утренних газетах никто не заметил... Жителей архипелага взбудоражила скандальная новость: глава семьи-основателей Гард вовсе не лежал при смерти. Он женился! На хорошенькой юной нимфе.

Нечего было вопить страшное слово «жена» посреди возбужденной толпы репортеров.

Газеты возмущались. Где это видано, чтобы чистокровный темный в немыслимом поколении выбрал в жены дочь лесного народа? У супруги дурная кровь, и дети у них рождаются — нет, не дураки, прости господи, — а нимфы! Если природа обделит их темным даром? А если наделит светлым?! Вот ведь выйдет неловкость. Равновесие вселенной нарушится и Город десяти островов всенепременно сотрясут ужасные катаклизмы: повышение налогов, разрушение мостов, провал брусчатки посреди площади Гард и пробуждение вулкана (наплевать, что у нас нет ни одного вулкана, обязательно вылезет и пробудится). В общем, нам всем грозит конец света, но это не точно...

И почему-то напечатали не самый удачный портрет Тамарин. Видимо, мое размазанное изображение со спины, сделанное на ступенях башни Гард пронырливым гравировщиком, интереса у читателей не вызывало.

Мы не читали газет, а просто жили, строили семейное счастье. Бывало с переменным успехом... Священное «Домоводство» на всякий случай всегда лежало под рукой. Как отреагировала звезда дома мод Арлис на то, что вдруг стала причиной будущего апокалипсиса, для меня осталось тайной.

Эпилог

«Я все равно люблю тебя!» Соверен Гард

«Ты же все равно меня любишь, да?» Лаэрли Гард

В музее древностей острова Тегу происходило небывалое столпотворение. Повод был самый неожиданный: Соверен Гард отпер семейную сокровищницу и на целый месяц устроил большую экспозицию. Поговаривали, что ради жены, которая уже два года отучилась на искусствоведа в академии острова Тегу.

Должна признаться, что я действительно грызла гранит «красивейшей науки», как любил говаривать профессор истории искусств. А наука грызла меня, въедливо, с чувством, с расстановкой. Мозги набекрень. Как вообще можно было купиться на уговоры мужа и пойти вместо приличного педагогического факультета в этот — прости господи — дурдом?! Только второй курс окончила, а от слова «искусство» уже глаз нервно подергивался. В общем, исключительно экзаменационным помутнением рассудка я могла объяснить тот прискорбный факт, что попала в наинелепейшую ситуацию...

Я лишила Небесного воина мужского достоинства!

Думала, дай-ка проведею, как поживает нестигаемый во всех местах каменный воин, коль после экзамена не успела на открытие выставки и красную ленту разрезали Соверен с Хэйзер... Потом в газетах гравюры посмотрю, наверняка появятся. Маленькая прехорошенькая нимфа, кромсающая ленточку огромными ножницами, и смотрящий на расчленение сверху вниз гордый отец.

Глядя на лучших друзей, темного мага и девочку, ни одна живая душа не поверит, что с самого начала они не могли сжиться. Умеющая со вкусом терзать неугодных ей людей, хулиганка едва не довела нас с Совереном до развода и кровавой драки с применением «Домоводства». Сейчас, конечно, все семейные потрясения остались позади. Пришли и понимание, и сплоченность, и привязанность. А теперь эти двое вовсе образовали военный союз и страстно желали братика или сестренку. Мнения разделились, поэтому лучше обоих сразу. Учитывая, что у меня заканчивались экзаменационные испытания за второй курс, висела курсовая, проваленная три раза, и нервная система отличалась исключительной возбудимостью, я почти научилась лаять на слово «младенец». Не хуже злобного демоненка, умеющего маскироваться под занавески в гостиной. К слову, Кыш оказался девочкой. Кышей.

В общем, в помутненном рассудке я зашла в зал Небесного воина и снова обнаружила знакомый розовый платок в белую клеточку! Не представляю, сколько у мадам Богарт имелось возмутительных платочков, может, она держала мануфактуру по их пошиву или заставляла по ночам строчить подневольную невестку, но покров был на месте. На том самом месте, которое любознательные старушки и благородные девицы имели полное право обозревать в любое время и во всех подробностях. И я сейчас говорю не про уродливые каменные уши, слепленные скульптором не иначе как в хмельном угаре.

В зале царил гулка тишина. Небесный воин страдал от тряпочки, а народ толпился на другом конце музея, где выставляли напоказ сокровищницу семьи Гард. Воровато обернувшись, я проверила нет ли зрителей и, неприлично задрав скромную юбку, шустренько забралась на постамент. Тряпочку сдернула... и начала терять равновесие. Инстинктивно я вцепилась в то, что торчало на теле воина. А торчало именно оно — мужское богатство.

Хрясь!

И увесистое достоинство осталось в моей руке.

— О

-бал-деть

! — прошепестело по залу матерное анадарийское ругательство, от которого у новоявленного скопца свернулись бы огромные уши, не будь они каменными.

Стоя коленками на постаменте, с изумлением я разглядывала эту самую часть тела, которую всегда с большим интересом изучала, если попадала в музей. И сейчас ловила себя на мысли, что никогда прежде не видела ее так близко. Можно ли это считать изменой любимому супругу?

Чувствуя себя так, будто обворовала не статую, а весь мужской род, я соскочила на пол, сунула отломанный кусок воина в мгновенное разбухший ридикюль и бросилась за помощью. К мужу.

Заодно проверю не проклюнулись ли у него рога...

В музейном зале, где были выставлены темные артефакты и прочие вещи из семейной сокровищницы, переговаривались многочисленные посетители. Шныряли репортеры с гравиратами. Перед витриной с сапфировой диадемой покойной свекрови что-то егозливо вещал Ашер Богарт, боявшийся кидать в мою сторону даже случайные взгляды.

На голове у Соверена Гарда не отросло ничего лишнего, и выглядел он — превосходно. Особенно на фоне паникующей жены-студентки, совершившей акт возмутительного вандализма.

— Лэри, а мы с папой уже все отрезали! — звонким голосом воскликнула Хэйз.

И я тоже... Честное слово, понятия не имею в каких выражениях просить у Небесного воина прощения. И можно ли извиняться за лишение самого важного, что было в мужчине — его достоинства?

— Как твой экзамен? Выглядишь запыхавшейся. — Соверен чмокнул меня в лоб.

Невинное лобзание считалось верхом поправки этикета. На людях супруги были обязаны изображать холодную ненависть, но плевать он хотел. Газетчики устали обмусоливать тему, что чета Гард совершенно не следует правилам приличий (да-да, дурная кровь лесного народа заразна), и перестали печатать гравюры наших объятий.

— Экзамен нормально, — буркнула я и улыбнулась Хэйзер:

— Детка, ты можешь пойти к тете Руте, мне надо поговорить с папой.

— Ладно, — легко согласилась та и вприпрыжку бросилась к цветочной фее, с несчастным видом восседавшей на музейном пуфике. Двигаться подружке мешал большой живот...

Полгода назад Рута и Март Тегу поженились. В том, что невеста уже была в интересном положении от темного мага, пусть в то время еще неочевидном окружающим, ее матушка почему-то тоже обвинила меня, а не будущего отца. Доказать, что свечку я парочке не держала и сама находилась в страшном шоке, не удалось. Мама Шейрос окончательно разорвала со мной все отношения.

— Что-то случилось? — заметно напрягся Соверен.

— Случилось. Еще как случилось! Давай отойдем...

Мы отодвинулись к стеночке под портрет ныне усопшего, но по-прежнему глубокоуважаемого свекра Гарда. Я раскрыла ридикюль.

— Смотри.

Нарисованный свекр, подозреваю, тоже заглянул в матерчатое нутро и чуть не свалился с картины. Соверен нервами был покрепче и обладал здоровым чувством юмора.

— Что это? — уточнил он, хотя было очевидно, что в сумке спрятан каменный орган, с поразительной педантичностью воссозданный скульптором.

— Это часть Небесного воина.

— Позволь спросить... — Муж почесал бровь. — А почему она не на Небесном воине?

— Я ее случайно отломала.

— Как, ради всего святого? Ты его шупала?! — возвысил он голос и немедленно осмотрелся вокруг — не заметил ли кто-нибудь.

— Не шупала, а от вандалов спасала! Слышал об актах милосердия?

— Хорошо ты его спасла...

—

Это

надо прилепить обратно! — нетерпеливо перебила я. — Как будущий искусствовед я не имею права оставить скульптуру без важной части тела.

— Нет! — категорично отказался Соверен, тут же догадавшись, что приделывать придется единственному магу в нашем дуэте, умеющему сращивать вещи с помощью темной силы.

— Пожалуйста, — выдохнула я и состроила несчастные глаза. Перед страдающей нимфой даже дед Астор не мог устоять, но не спесивый болван, по нелепой случайности (точно, как отодранное от статуи мужское достоинство) ставший моим мужем.

— Не старайся, не пройдет, — наотрез отказался он колдовать. — Я не возьму в руки каменные причиндалы. Сама его реставрируй.

— Как?

— Ну как-то ты эту часть отломала.

— Я выполню любое твоё желание! — выпалила я. — Хочешь поклянусь?

Муж заинтересованно изогнул брови и потряс пальцем:

— Ну, смотри, женщина! Никто тебя за язык не тянул.

— Госпожа Гард, господин Гард, пожалуйста, улыбнитесь, — подскочил к нам репортер. Пришлось изобразить нежную улыбку. Бахнула вспышка магического гравирата. Я мелко заморгала, пытаясь избавиться от радужных кругов перед глазами.

— Лаэрли, лучше спрячься! — тихо и грозно посоветовал муж.

AgEDAwIEAwUFBAAQAAAF9AQIDAAQRBRIhMUEGE1FhByJxFDKBkaEII0KxwRVS0fAkM2JyggkK
FhcYGRolJicoKSo0NTY3ODk6Q0RFRkdISUpTVFVWV1hZwYmNkZWZnaGlqc3R1dnd4eXqDhIWGg
h4iJipKtIjWVl5iZmqKjpKWmp6ipqrKztLW2t7i5usLDxMXGx8jJyLT1NXW19jZ2uHi4+Tl
5ufo6erx8vP09fb3+Pn6/8QAHwEAAwEBAQEBAQEBAQAAAAAAAAECAwQFBgcICQoL/8QAtREAA
AgECBAQDBAcFBAQAAQJ3AAECAxEEBSExBhJBUQdhcRMiMoEIFEKRobHBCSMzUvAVYnLRChYk
NOEl8RcYGRomJygpKjU2Nzg5OkNERUZHSElKU1RVVldYWVpjZGVmZ2hpanN0dXZ3eHl6goOE
hYaHiImKkpOUlZaXmJmaoqOkpaaqKmqsr00tba3uLm6wsPExcbHyMnK0tPUIdbX2Nna4uPk
5ebn6Onq8vP09fb3+Pn6/9oADAMBAAIRAxEAPwCVGDLu3YHvTDKNxAbP0p5UMuCOJKjRFXpy
a8i512Ho6v0allx/EKgmBAAqcAd8UM5KHHPFAEjSKhGW4PSl3qW2hgT6VCICY/m69qVYQw3A
ncPXlOuFiZjggZ5zUTTlnBYVIEJ2se3WqcsIlkJwF/Ki4FncC23dz2+InF5OrDk+tPRPIBA
5qFrEknPNO7AQyDON4zR8/r+tRGItuZQT2Ga0dEso5lnutQZksbYdZGU8knovrz7VUbt2BK
5RLOASfxpglYjIOR6g11E0llcQW8V1oLW1lclFdpjIyfvHAYpTkl1yNzYS2l3cWbP88UhXPr
itJR5eorEvnNjPb1pjTkDpx61f0zw7qepxrthVIDnEsrBVJqtrfhjU9HQvOimE9Hibcv4ntR
yytslr/aT6UefkZ2l1nW8LuhDEgippBKqhUPFF9RExuAc5HNRG4HvN4pVGM8k+vSkjmYOvJy
OnSncFL1564q13HtUM87RA4x1710XhjvTqfiAi8nFlp7ciR13PJ/urn9atXewmkYpNajNM
M616y3hzwh4bjD38kAmKnBupNzfUL3/LvWXL4o8FRuqSWQlQdDHZgZHoc8nuclpyJdQUUebG
devakMwz/wDXr0u00vwF4tnnXTnt+zz4BCRu0Tjjk7Dwawta+GOr6ZBLd6ew1CBRu8sACQD2G
cN+FPldrisch549KPPHpWe9xIS3ybceop0F1z+8UDPQ1NwLpnHpTDNTXdfUsRxVOW7RWUBeG
70+YVi95w9aTzgTjNbuiWel2eiL4glqFrmGSUw2lorFfPZfvFj2Ap/8AwleiaherBq/h63s9
POAZLNVni/2unP4f/rYcpgeeMDml88etO8T6XN4a1prB3E8TqJbe4X7ssZ6EfqpwrNt7jzpG
BQ46DHRQKxoeB1NKJxnGa6LSPBZul3u9SmNvBGodol+/j3Par0GneC9VkwXtrxl7jG0NHK2
S2fvuD+FVYflzkPPPY0eef71WPEGh3Ph6/FtcsrK67o5V6MO/wBCM4rDkuVjxznOeKVxWaNb
zz3NHnE9DWN4c8Ntqtp9vv3e1syrMhPBcLnJz2GRjPetF18CyXv9nwnzz8olM0gXOem4/L6
e1Ug5Wc1559aXzs9/wBa1vEXhG60eF7u2kNzary4VfniHqw7jv8A0rlybPjPnit264obtuJx
a0NPzj3NHne9bOgaDZTWE2ta3dG30qHgbDhpW9vzH1PFSWmreCpbnZPol0LbGBKty24e5Gf6
0+gcphGY+tJ5x9a2fFuh6fpj2V7o10l1xpl9GzRFzfqVIBGfxHUCuZeXygnXhtzSugsXfOPqa
aZj61WjKEib1IiLq7XGWI3rkdeaL3FYu+afWmtlaSxt7rU7xLSwge4uJPuxxjJP19BXoukfC
t/3cms3oXcm4wW/UD3Y/0QHamR2uec+YeR017U0ynsa9MnuPh3oExiWK0uyFUDJeZmJ6kMcq
M5PEPgC93i50pIgybVlQkZ9cgcU9AseWtMw78Uwyk969ak8CE9f01rjRb5YbhVg7YZDIq
nPDGOrnn0rzzd4W1Lw7IPkTW63bGy45Rs+vofY0CszFMp9aYZED60HkZaQPBpPAGQG+qMMh
PekdT6Go8Ht1p3AcZDR5hqI59K6ix+HfiO+jjlNoLVZBlBcttZh/u9aLjs2clv8Aek3GtTXf
C2s+HGj/ALStDHHj/q5UYOj/AEYU/wAMafYXl7Pdax/ALNsIDcXCocM4zgID2vSP/rUCsZG